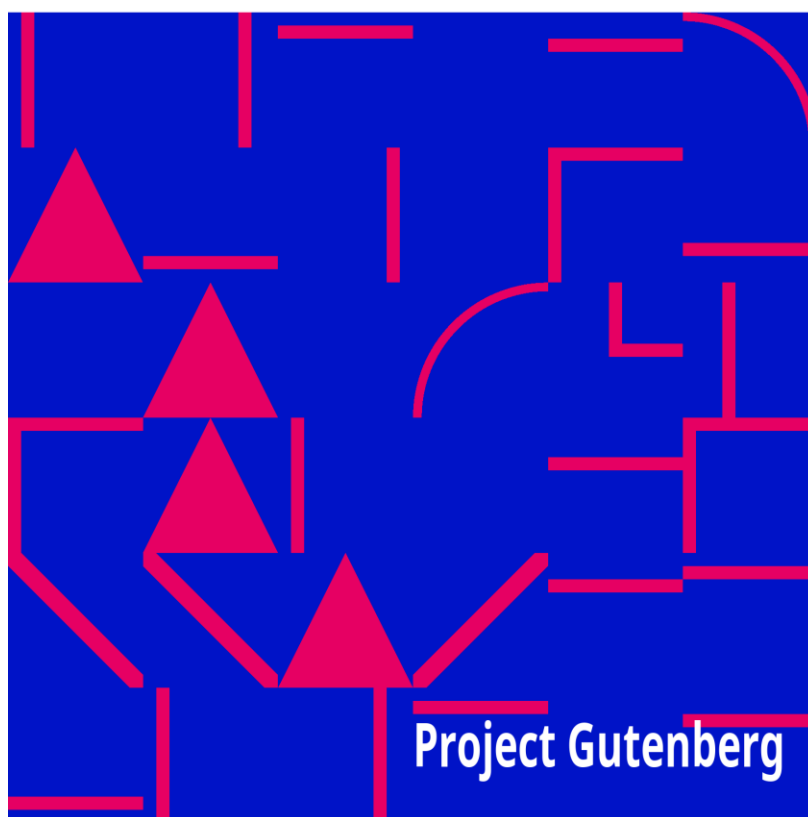

Дневник командира подводной лодки. С введением и пояснительными примечаниями Этьена

Сэр Стивен Кинг-Холл

The Diary of a U-boat Commander

Sir Stephen King-Hall

Электронная книга проекта "Гутенберг" из Дневника командира подводной лодки

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Дневник командира подводной лодки

Автор: Сэр Стивен Кинг-Холл

Иллюстратор: Фрэнк Х. Мейсон

Дата выхода: 1 апреля 2005 г. [Электронная книга №7947]

Последнее обновление: 25 мая 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсеры: Эрик Элдред, Марвин А. Ходжес, Чарльз Фрэнкс, и команда онлайн-редакторов.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ДНЕВНИК КОМАНДИРА ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ" ***

Дневник командира подводной лодки С ВВЕДЕНИЕМ И ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ ЭТЬЕНА И

18 Иллюстраций на художественной бумаге Фрэнка Х. Мейсона.

КНИГИ ЭТЬЕНА

СТРАННЫЕ ИСТОРИИ С ФЛОТА

ЛЕЙТЕНАНТ ВОЕННО - МОРСКОГО ФЛОТА

1914--1918.

"В сотрудничестве с Navallus.

Пять песен из "Гранд Флита".

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

"Мы протаранили эсминец, пройдя сквозь него, как нож сквозь сыр"

"... они такие черные и стремительные, что я не подхожу к ним близко"

"Держу курс на северо-запад ... установить небольшое минное поле у Ньюкасла"

"Он внезапно увидел носовые волны эсминца, приближающегося на полной скорости, чтобы таранить"

"Нас высадил траулер на рассвете"

"Торпеда выскочила из воды в сотне ярдов от парохода, а затем нырнула под него"

"Мгновение спустя раздался сильный толчок; мы ударились о дно"

"Когда тусклые огни на молу исчезли, непрерывный фонтан звездных снарядов, смешиваясь со вспышками орудий, поднялся вглубь острова по нашему левому траверзу"

"Мы попали ей в корму во второй раз...."

"Трасса встретила нашего рэма"

"При вспышке я мельком увидел его боевую рубку"

"1000 килограммов металла рухнули вниз"

"До свидания! Держи курс на запад, в Америку!"

"Это удобная якорная стоянка, и здесь я намерен остаться"

"Люк возле носа корабля упал, Белый флаг был сломан на носу, и 4-дюймовое орудие открыло огонь из амбразуры, которая была обнаружена на его борту"

"Я заметил два конвоя, но там были эсминцы...."

"... когда раздалась ослепительная вспышка и воздух, казалось, наполнился стонущими осколками"

"Когда я поднял перископ в 9 часов утра, горизонт, казалось, был окружен патрулями"

Введение

"Я хотел бы попросить вас об одолжении", - сказал немецкий капитан, когда мы сидели в каюте подводной лодки, которая только что присоединилась к длинной веренице перепачканных пленников, растянувшейся на милю или больше в Харвич-Харбор в ноябре 1918 года.

Я ничего не ответил; я только что оказал ему услугу, позволив покинуть верхнюю палубу подводной лодки, чтобы он мог дожидаться спуска на воду в некотором уединении; зачем ему просить о большем?

Ничуть не смущенный моим молчанием, он продолжил: "У меня есть большой друг, обер-лейтенант цу-Зее Фон Шенк, который привез U.122 на прошлой неделе; он потерял дневник, совершенно личный, он оставил его по ошибке; может ли он получить его?"

Я поразмыслил, почувствовал некоторую жалость, потом вспомнил о *бельгийском принце* и других вещах, и поэтому, глядя немцу в лицо, я сказал:

- Я ничего не могу сделать.

-Пожалуйста.

Я покачал головой, затем, к моему изумлению, немец обхватил голову руками и заплакал, его массивное тело (ибо он был очень крупным мужчиной) сотрясало в нерегулярных судорогах; это было самое необычное зрелище.

Мне казалось абсурдным, что человек, который без видимых эмоций перенес чудовищное унижение от передачи своего командования в целостности и сохранности, должен был сломаться из-за тривиального инцидента, связанного с дневником, и даже не со своим собственным дневником, и все же этот человек открыто плакал передо мной.

Это произвело на меня сильное впечатление, и я почувствовал странную застенчивость оттого, что присутствовал при этом, как будто случайно забрался в какой-то потаенный уголок его сознания. Я закрыл дверь каюты, так как услышал приближающиеся голоса моей команды.

Он плакал некоторое время, возможно, минут десять, и мне очень хотелось узнать, о чем он думал, но я не мог представить, как это можно было выяснить.

Я думаю, что мое поведение в связи с дневником его друга добавило последнюю необходимую каплю воды к потоку эмоций, который он пытался, и успешно пытался, сдерживать во время мучительной передачи лодки, и теперь плотина рухнула.

Меня поразило, что внизу, в ярко освещенной, душной маленькой каюте, результат войны был воплощен в жизнь. На столе лежали какие-то инструменты, которые я запретил ему брать с собой, но которые мой старший лейтенант обнаружил в сумке офицера-механика.

На диване лежал дешевый чемодан из искусственной кожи с его запасной одеждой и несколькими книгами. За столом сидела потерпевшая поражение Германия и плакала, но не слезами раскаяния, скорее слезами горького сожаления о перенесенных унижениях и нереализованных амбициях.

Больше мы не разговаривали, потому что я услышал, как катер подошел к борту, и, когда он ударился о подводную лодку, шум эхом разнесся по корпусу в каюту и отвлек его от печалей. Он вытер глаза и, стараясь сохранять прежнюю выдержку, последовал за мной на палубу и поднялся на моторный катер.

На следующий день я посетил U.122, и эти документы представлены публике с такими дополнительными замечаниями, какие показались желательными; по какой-то любопытной причине автор, похоже, опустил почти все даты. Возможно, это было связано с опасением, что книга, в случае ее захвата, представляла бы большую ценность для британского разведывательного управления, если бы записи были датированы. Документы представлены в виде двух томов в черном кожаном переплете, с длинным письмом внутри обложки второго тома.

Внутренние данные позволили мне добавить даты в отношении лет. Выражаю благодарность К. за помощь в переводе.

ETIENNE.

Дневник командира подводной лодки

Завершен один том моего военного дневника, и я должен признаться, что это скучное чтение.

Я не мог удержаться от улыбки, читая свои восторженные замечания по поводу начала войны, когда мы представляли себе сражения по неделям. Какой контраст между нашими ожиданиями и реальными фактами.

Месяцы однообразия, а я еще даже не видела ни одного англичанина.

Наши линейные крейсера немного позабавились рейдами на побережье в Скарборо и других местах, но мы, ребята из боевого флота, ничего не видели и не предпринимали.

Итак, я решил записаться добровольцем на службу на подводных лодках, и мое имя поступило на прошлой неделе, хотя мне сказали, что могут пройти месяцы, прежде чем меня возьмут, поскольку в списке ожидания уже около 250 лейтенантов.

Но рано или поздно, я полагаю, из этого что-нибудь получится.

У меня не будет причин жаловаться на бездействие в этой Службе, если я туда попаду.

Сегодня вечером я отправляюсь в шестидневную поездку, два дня из которых проведу в поезде, в сектор Верден.

Это была большая удача. Поездка была организована Военным и военно-морским управлением по взаимодействию; и должны были отправиться два офицера из этой эскадрильи.

Было 130 кандидатов, поэтому мы тянули жребий; как обычно, мне повезло, и я получил один из двух шансов.

Это должно быть чрезвычайно интересно.

В ----

Я прибыл сюда прошлой ночью после медленного и утомительного путешествия, которое было несколько скрашено бутылкой превосходного французского вина, которую я купил, находясь в районе Шампань.

Задолго до того, как мы достигли окрестностей Вердена, самому случайному наблюдателю было очевидно, что мы направляемся в центр необычной активности.

Санитарных поездов, следовавших на северо-восток и восточнее, было много, и дважды наш поезд, который был одним из обычных воинских эшелонов, отводили на запасной путь, чтобы дать возможность воинским эшелонам с грохотом проезжать мимо.

По мере приближения к Вердену грохот артиллерии, который я слышал издалека раз или два в течение дня, когда случайный железнодорожный состав приближался к фронту, становился все более интенсивным и превратился из тихого ропота в устойчивый шум, напоминающий рычание, прерываемый через неравные промежутки времени очень глубокими раскатами, когда стреляли из какого-нибудь особенно тяжелого орудия или взрывался склад боеприпасов.

Местность здесь сильно отличается от грязевых равнин Фландрии, так как она холмистая и густо поросшая лесом. Река Маас на протяжении веков прорезала себе путь через гряду холмов, окружающих Верден, и мы атакуем это место с трех направлений. На севере мы медленно оттесняем французов на оба берега реки - операция, требующая больших затрат, поскольку каждое крыло должно наступать в равной степени, иначе то, которое наступает, будет атаковано с другого берега реки.

Мы также медленно продвигаемся вперед с востока и северо-востока в направлении Дуомона.

Я прикомандирован к 105-сантиметровой батарее под командованием молодого майора фон Маркеля, самого очаровательного парня. Весь сегодняшний день я провел на передовой наблюдательной позиции с молодым субалтерном по фамилии Грабель, тоже приятным молодым человеком. Я был на позиции в 6 утра, и, как, очевидно, здесь принято, туман скрывает

все из виду до тех пор, пока солнце не наберет определенную силу. Наша батарея поддерживала атаку на северном берегу реки, хотя сама батарея находилась на южном берегу и вела огонь с холма под названием "Человек Смерти".

Фон Маркель сказал мне, что боевые действия здесь ранее не имели аналогов в войне, такова интенсивность боевых действий и цена, которую платит каждая сторона.

Я мог сам убедиться, что это так, и вся атмосфера этого места пропитана высшей важностью этой борьбы, которая вполне может быть предсмертными конвульсиями загнивающей Франции.

Сам Его Императорское Величество прибыл на место событий, чтобы стать свидетелем окончательного триумфа нашего оружия, и все согласны с тем, что конец неизбежен.

Как только мы возьмем Верден, по общему мнению, этот участок французского фронта будет полностью прорван, увлекая за собой прилегающие сектора, и французские армии в Вогезах и Аргонне будут вынуждены к общему отступлению по сходящимся линиям.

Но, каким бы благоприятным это ни было для нас, здесь обычно считается, что падение Вердена сломит моральное сопротивление французской нации.

Такое ощущение, что речь идет о бесконечно большем, чем захват французского города или даже уничтожение французской армии; это вопрос стойкости; это кульминация мировой войны, средоточие колоссальной борьбы между латинянами и тевтонами, и на полях сражений под Верденом боги будут решать судьбы народов.

Когда я добрался до передовой наблюдательной позиции, расположенной среди развалин дома, самый сильный шум затруднил разговор.

Оркестр играл в полную силу, и только с нашей стороны действовало около 12 000 орудий всех размеров, что было наибольшей концентрацией артиллерии за все время войны.

Мы находились на одной стороне долины, которая поднималась под прямым углом к реке, чье фактическое течение было скрыто туманом, который также скрывал дно нашей долины. Линия фронта проходила внизу, в этой маленькой долине, и, когда я прибыл, мы перенесли наш заградительный огонь на дальний склон холма, чтобы прикрыть атаку, которую мы начали на рассвете.

Внизу ничего не было видно из боя, но через полчаса мы получили приказ снова возобновить заградительный огонь, и Грабель сообщил мне, что атака, очевидно, провалилась. Сегодня днем я услышал, что это действительно было так, и что одна дивизия (58-я), которая пыталась действовать вдоль берега реки и обойти холм с фланга, была захвачена сосредоточением шести батарей французского 75-го полка, которые были расположены за рекой. Несчастный 58-й, отброшенный со стороны реки, героически пробивался вверх по склону холма только для того, чтобы столкнуться с нашим заградительным огнем, который, как мы думали, из-за тумана был намного выше и впереди того места, где они должны были находиться.

Под этим новым ударом 58-я дивизия отступила в свои окопы на дне небольшой долины. По мере того как день становился теплее, туман рассеивался, и, подобно театральному занавесу, приподнимая эту завесу, открывалась вся сцена во всем ее ужасном и в то же время механическом великолепии.

Я говорю "механический", потому что все это казалось мне нереальным. Я знал, что не увижу кавалерийских атак, орудий на открытом месте и всего военного снаряжения старого света, но я не был готов к этому бесплодному и изрытому снарядами кольцу холмов, которые постоянно подвергались свежему и, для неосведомленного наблюдателя, бесцельному обстрелу.

В поле зрения не было ни одного человека, хотя земля под нами была густо усеяна трупами. Над головой среди белых шаров разрывов снарядов кружили несколько самолетов.

В течение дня медленно кружившие аэропланы (которые были машинами артиллерийского наблюдения) были приведены в состояние ужасающей активности внезапным появлением боевой машины то с одной, то с другой стороны; это случалось несколько раз; это напомнило мне щуку среди молодой форели.

После обеда я увидел объятую пламенем Лопату, это было похоже на падение Люцифера с высоких небес. Вся сцена была обрамлена вялой вереницей аэростатов наблюдения.

Иногда такие группы поспешно опускались на землю, чтобы снова подняться, когда угроза от самолета миновала. Эти воздушные шары больше походили на флегматичных зрителей на каком-то спортивном соревновании, чем на реальных участников событий.

Я хотел бы, чтобы мое перо могло перенести на бумагу разнообразные впечатления, возникшие в моем сознании в течение прошедшего дня; но оно не может. Меня утешает то, что, хотя я считаю, что обладаю значительными писательскими способностями, более способные ручки, чем мои, в отчаянии отказались от задачи описания современного сражения.

Я могу лишь повторить, что преобладающее впечатление, которое остается, - это механический характер ведения современной войны, и все же такое впечатление ложно, поскольку, как в прошлом, так и сегодня, и так будет в будущем, человеческий фактор является, был и будет основой всего сущего.

Только один раз в течение дня я видел людей в каком-либо количестве, и это было, когда в 3 часа дня было обнаружено, что французы собираются для контратаки на южном берегу реки. Он был обречен на мертворождение. Когда они покинули свои окопы, далекие пигментные фигурки на фоне синего горизонта, по-видимому, медленно бредущие по земле, были обстреляны интенсивным заградительным огнем, и маленькие фигурки были уничтожены серией разрывов снарядов.

Через пять минут обстрел прекратился, дым рассеялся, и не было видно ни одного человека. Грабель сказал мне, что это, вероятно, стоило им 750 жертв. Какое удивительное и эффективное разрушение живого организма!

Еще один интереснейший день, хотя и другого характера.

Сегодняшний день я провел, наблюдая за порядком обращения с ранеными. Утро я провел на передовом перевязочном пункте на южном берегу реки. Это было в подвале, под развалинами дома, примерно в 400 ярдах от линии фронта и под сильным артиллерийским обстрелом, так как поблизости находились остатки того, что когда-то было лесом, который использовался как пункт сосредоточения резервов.

Прикрытие, обеспечиваемое этим так называемым лесом, было чрезвычайно слабым, и войска концентрировались для бесчисленных атак и контратак, которые происходили под артиллерийским огнем. Это заставило хирурга, отвечающего за подвал, описать древесину как наш главный пункт снабжения!

Я вошел в подвал в 8 часов утра, воспользовавшись частичным затишьем в обстреле, но пулеметная пуля злобно ударила в деревянную балку у входа, когда я пригнулся, чтобы войти. Мне не было жаль спускаться под землю. Наклонная дорожка привела меня в подвал, с одной стороны которого саперы откапывали землю, чтобы увеличить вместимость.

Освещение состояло из свечей, вставленных в бутылки, и нескольких электрических ручных ламп. Центр подвала занимали два переносных операционных стола, которые редко оставались незанятыми за те три часа, что я провел в этом аду.

В воздухе - поскольку вентиляции не было - воняло потом, кровью и хлороформом.

Огромным усилием я поборол естественную склонность к рвоте и огляделся. Вдоль стен подвала стояли фигуры на носилках. Некоторые лежали неподвижно и безмолвно, другие корчились и стонали. Время от времени кто-нибудь из санитаров привлекал внимание доктора к одному из неподвижных тел. Последовал поспешный осмотр, и носилки вместе с их содержимым были убраны. Через несколько минут носилки - пустые - вернулись. Хирург объяснил мне, что в подвале нет места для трупов; бизнес, как он добродушно заметил, был слишком оживленным на нынешнем решающем этапе великой битвы.

Справившись с первым чувством отвращения, я решил максимально использовать свои возможности, поскольку я всегда чувствовал, что морской офицер находится на войне в крайне невыгодном положении по сравнению со своим военным братом, поскольку у него редко есть шанс привыкнуть к неприятному зрелищу разорванной плоти и костей.

Этим утром недостатка в материалах не было, и многие раны в кишечнике были особенно отвратительными, так что во время обеда, когда очередное удобное затишье в потоке снарядного огня позволило мне покинуть подвал, я чувствовал себя совершенно закаленным; фактически, я в скромной степени ассистировал на одной или двух операциях.

Я пообедал в столовой медицинского штаба 11-й армии, и это была роскошная еда, которой я отдал должное в полной мере.

После обеда, ожидая, когда меня отвезут на машине в полевой госпиталь, я случайно увидел батальон силезских войск, который собирался отправиться на передовую.

Это было довольно любопытное чувство - смотреть на людей, каждый из которых сам по себе был частицей цивилизации, и все же многие из них были готовы умереть в ее интересах.

Их лица представляли собой интересное зрелище.

Некоторые выглядели беспечными и жизнерадостными и, казалось, проходили мимо с оттенком безрассудства в походке, другие были серьезны и непреклонны и, казалось, почти брели вперед, подчиняясь велениям неизбежного фатализма.

Полевой госпиталь, где мы познакомились с несколькими очень очаровательными медсестрами, на одну из которых, я думаю, я произвел отчетливое впечатление, был не особенно интересным. Она была чистой, хорошо организованной и излучала эффективность, неотделимую от немецкой армии.

Вернемся в Вильгельмсхафен - будь оно проклято!

Вчера утром, когда я собирался отправиться на экскурсию по организации поставок боеприпасов, я получил срочную телеграмму, в которой меня немедленно отзывали!

Ничего не оставалось, как подчиниться.

Мне посчастливилось добраться до Монса на "альбатросе-разведчике", который доставлял туда донесения.

Оттуда мне удалось выманить автомобиль у городского коменданта - очень услужливого парня. Это привело меня в Ахен, где я сел на экспресс.

Причиной моего отзыва было то, что Витнайссер заболел, а Арнхайм уехал, и в результате в оперативном шифровальном отделе осталось только двое.

С моим приездом нас стало трое. Это довольно напряженная работа, и, поскольку она носит канцелярский характер, меня мало устраивает. Единственным утешением является то, что многие сообщения очень интересны. На днях я просматривал старые файлы и среди другой интересной информации наткнулся на радиограмму с лодки, потопившей *"Лузитанию"*.

Для меня всегда было загадкой, почему мы ее потопили, поскольку я не верю, что такие вещи окупаются.

Арнхайм вернулся, и я, к своей великой радости, уволился из отдела шифрования.

Я получил официальную информацию о том, что мое заявление о приеме на подводные лодки получено. А пока все, что нам остается, - это сидеть в этой дыре и ждать.

2 июня 1916 года.

Я участвовал в величайшем морском сражении веков; это был чудесный и ужасный опыт.

Все подробности битвы войдут в историю, но я чувствую, что должен зафиксировать свой личный опыт.

Мы не остались незамеченными, и старый добрый "*Кениг*" доставил в порт 67 убитых и 125 раненых в качестве платы за победу у Скайерака, но среди англичан есть тысячи тех, кто спал своим последним сном в разбитых корпусах линейных крейсеров, которые будут вечно ржаветь на берегах Ютландии.

Какими бы печальными ни были наши потери - и доблестный "*Лютцов*" исчез вдали от дома, - я преисполнен гордости.

Мы встретили эту великую армаду - британский флот, мы нанесли по ним сокрушительный удар и вернулись. Я спал в своей каюте, когда пришло известие, что Хиппер направляется на юг с британскими линейными крейсерами на траверзе. Через пять минут мы были на наших боевых постах. Мы установили контакт с Хиппером в 17.30 [1], и Битти повернул на север со своими крейсерами и быстроходными линкорами, а мы продолжили преследование.

1. Сейчас 4.30 по Гринвичу - Этьен

Два больших корабля были потоплены нашими линейными крейсерами, и мы надеялись уничтожить остальные, когда в 6.55 туман на северном горизонте прорезала грозная линия британского линейного флота.

Джеллико приехал!

Три линейных крейсера оказались втянутыми между линиями, и в одно мгновение один был взорван, а другой пополз на запад в затонувшем состоянии. Внезапными и ужасными являются события в современном морском сражении.

Столкнувшись с сосредоточенными силами британского боевого флота, мы повернули на восток, и в течение двадцати минут наш флот Открытого моря выдерживал неравное сражение.

Именно в этот период в нас семнадцать раз попали тяжелые снаряды, хотя, находясь на моем посту в кормовой башне управления торпедами, я понял, что имело место только одно попадание, когда снаряд попал в кормовую башню и, сорвав крышу, убил всех членов экипажа башни.

Со своего места, когда дым и пыль рассеялись, я посмотрел вниз, на груды искореженных механизмов, среди которых мне показалось, что я заметил обугленные останки тел.

Примерно в 7.40 мы развернулись под прикрытием дымовой завесы и взяли курс на юго-запад.

Наше положение было неудовлетворительным, поскольку последние сведения противника сообщали, что они поворачивают на юг; следовательно, они находились между нами и Гельголандом.

В 11 часов вечера мы получили сигнал подразделениям боевых флотов самостоятельно направиться к проливу Хорн-Риф.

Десять минут спустя мы подверглись первой из пяти атак эсминцев.

Британские эсминцы, широко рыскавшие в ночи, обнаружили нас и с отчаянной храбростью отбивали атаки снова и снова. Они подошли так близко, что около 1.30 ночи мы протаранили одну из них, пройдя сквозь нее, как нож сквозь сыр.

Это было чудесное зрелище - видеть эти зловещие корабли, безумно мчащиеся навстречу своей гибели в ярком луче наших мощных прожекторов. Для них это был путь к смерти, но к чести их Службы следует отметить, что на протяжении всего долгого кошмара они не колебались.

Окружающая темнота, казалось, извергала флотилию за флотилией эту морскую кавалерию.

И они попали в нас один раз, торпедой прямо вперед, из-за чего мы пробудем в доке месяц, но не причинили серьезных повреждений.

Когда наступило утро, туманное и мягкое, как обычно бывает в июне в бухте Байт, мы находились восточнее британских и с честью вернулись домой в Вильгельмсхафен, чувствуя, что молодой военно-морской флот заложил достойные основы для дальнейшего развития своих традиций.

Мы должны прибыть в Киль, и у нас будет шесть недель на выполнение задания.

Frankfurt.

Вернулся в семнадцатидневный отпуск, и всем здесь не терпится услышать подробности битвы при Скайераке.

Очень приятно, когда есть о чем поговорить с женщинами. Обычно слово в гостиной занимают доблестные полевые серые со своими потрясающими историями с Западного фронта о том, как они чуть не взяли Верден и взяли бы, если бы британцы не настояли на том, чтобы их перебили на Сомме.

Во многих отношениях совершенно невозможно сказать, что в этой социальной жизни идет война.

Ощущается нехватка хорошего кофе, и это, пожалуй, все.

Вернулся на борт прошлой ночью.

Они отлично поработали с нами, и в начале следующей недели мы отправляемся через канал к Шиллигским дорогам.

После этого мы проведем трехнедельную артиллерийскую практику, чтобы обучить новых солдат.

1916 (около августа).

Наконец-то! Слава богу, мое прошение было удовлетворено. Шмитт (секретарь) сообщил мне сегодня утром, что из Адмиралтейства пришло письмо, в котором говорится, что завтра я должен явиться на медицинское обследование в комиссию в Вильгельмсхафене.

Какая радость! наконец-то нанести удар, навсегда покончивший с проклятым однообразием бездействия флотской жизни в Открытом море. Но война с подводными лодками! Ах! все идет хорошо. Мы поставим этих упрямых, кровососущих островитян на колени, ударив их в животы.

Когда я думаю о Лондоне и отсутствии еды, и о Глазго и отсутствии еды, кто может сказать, что произойдет? Восстание! восстание в Англии, и наши храбрые полевые серые на западе разнесут их на атомы весной 1917 года, и я, Карл Шенк, непосредственно помогу в этом! Отличная мысль - но спокойная! Я еще не там, все еще существует эта проклятая медицинская комиссия. Я почти жалею, что так много выпил прошлой ночью, не то чтобы это имело какое-то значение, но все же нельзя рисковать, потому что я слышал, что медицинская служба на подводных лодках ужасно строгая. Снимают только сливки! Что ж, завтра посмотрим.

Сдано! и с честью; это казалось абсурдно легким и заняло всего десять минут, но зато мое телосложение великолепно, благодаря физической подготовке, которой я всегда занимался. Сейчас я должен получить трехнедельный отпуск, а затем отправиться в Зебрюгге.

Я телеграфировал маленькой маме во Франкфурт.

В Зебрюгге, или, скорее, в Брюгге.

Я провела три недели дома, вся семья довольна, кроме матери; она по-женски боится опасности; это приятная черта характера в мирное время, но притормаживает удовольствие в дни войны. Для нее, с ее ограниченным женским интеллектом, я действительно верю, что я важнее Отечества - какой абсурд. Во время пребывания во Франкфурте я часто виделся с Розой; с каждой встречей она кажется все красивее; несомненно, она все еще превращается в полноценную женщину. Мориц вернулся домой из Фландрии. У него был десятидневный отпуск на Ипре, и, хотя я испытываю к нему неприязнь, он, безусловно, был интересным, хотя я не могу понять, почему англичане цепляются за эти жалкие руины.

Я инстинктивно чувствовал, что в некотором смысле мы с Морицем соперники, когда дело касалось Розы, хотя я никогда не рассматривал ее в этом свете - пока. Возможно, когда-нибудь? Эти женщины почти везде одинаковы, и я мог видеть, что поступление на службу в подводные лодки изменило Розу, хотя ее логика должна была подсказать ей, что я ничем не отличаюсь. Но

так ли это? В конце концов, это кое-что значит - присоединиться к этой службе; у самих охранников нет лучшего качества, и это, безусловно, дешевле.

Здесь мы живем в бараках и реквизированном отеле. Жизнь на берегу достаточно приятна; проклятые бельгийцы иногда угрюмы, но они знают, кто здесь хозяин. Биссинг (великолепный парень) позаботится об этом.

На самом деле мы принесли им пользу своей оккупацией, магазины ведут бешеную торговлю по абсурдным ценам, и, как ни постыдно, больше всего виноваты немецкие лавочники. Эти пузатые торговцы, похоже, не осознают, что они существуют благодаря нашим усилиям.

Я был очень поражен прекрасным порядком в маленьких садах, которые мы разбили с 1914 года, и, на самом деле, куда ни глянь, везде есть свидетельства гения немецкой расы в отношении тщательной организации. И все же эти бельгийцы, похоже, не ценят этого. Я не могу этого понять.

Я нахожу здесь, что общественная жизнь намного веселее, чем в этом безумном городке Вильгельмсхафене. На базах флота Открытого моря царили строгость и аскетизм, которые некоторые люди, кажется, считают необходимыми, чтобы показать, что мы находимся в состоянии войны, хотя, видит Бог, на флоте Открытого моря было очень мало войн; возможно, именно поэтому режим "крови и железа" был в полном порядке на берегу. Здесь, в Брюгге, во всяком случае, с точки зрения офицеров-подводников, дело обстоит совсем по-другому. Когда лодки спущены на воду, кажется, что человек поступает так, как ему нравится, с формальным посещением корабля в течение дня.

Витниц (коммодор) предпочитает полное расслабление после возвращения из поездки. По вечерам устраиваются вечеринки, на которых всегда присутствуют дамы, и я считаю необходимым иметь "курительную".[2] Я пошел к лучшему портному, чтобы купить такую же, и обнаружил, что мне нужно сшить такую же по баснословной цене в 140 марок; мастер, жирный еврей, имел невероятную наглость заверить меня, что она будет сшита по лондонским образцам!

2. Смокинг.

Я чуть не сбил его с ног; неужели никто никогда не сможет уехать из Англии и всего английского? Я позабочусь, чтобы его счет немного подождал, прежде чем я все улажу.

Здесь есть несколько моих знакомых. Карл Мюллер, который был третьим вахтенным на *Yorck*, и Адольф Хильфсбаумер, который был капитаном G.176, - вот двое, кого я знаю лучше всего. Они оба совершают несколько походов в качестве вторых командиров более поздних американских лодок, которые занимаются разминированием у берегов Англии. Это самая опасная операция, и почти всеми лодками Соединенного Королевства командуют офицеры запаса, которых в Кают-компании довольно много.

Без сомнения, отличные ребята, но несколько неотесанные и лишенные тонкостей воспитания; насколько я могу судить за то короткое время, что нахожусь здесь, они часто держатся особняком. Я, конечно, не хочу общаться с ними. К сожалению, похоже, что меня почти наверняка назначат заместителем командира одной из лодок UC, по крайней мере, на один рейс, прежде чем я отправлюсь в школу перископистов и буду готовиться к самостоятельному

командованию. Мысль о том, чтобы быть запертым в удлиненную сигару и находиться под командованием одного из этих морских пахарей, вызывает отвращение. Однако фон Шенки никогда не были слишком горды, чтобы подчиняться, чтобы научиться командовать.

Я назначен заместителем командира на U.C.47. Ее капитаном является некто Макс Альтен по имени. Кроме того факта, что однажды вечером я видел его пьяным в Столовой, я ничего о нем не знаю.

Я доложил ему, и он, похоже, благоговеет передо мной. Его опасения беспочвенны.

Я постараюсь облегчить ему задачу, насколько это возможно, потому что ему, должно быть, так же неловко, как и мне.

Чтобы отпраздновать мое достойное вступление в службу на подводных лодках, вчера вечером я устроил званый ужин в отдельном зале отеля "Le Coq d'Or". Я попросил Карла и Адольфа привести трех девочек. Моей противоположностью была очаровательная девушка по имени Зои, или что-то в этом роде. Я впервые надел свой "курительный" костюм; это, безусловно, подходящий костюм.

Мы выпили много шампанского и устроили очень приятный маленький дебош; девочки очень развеселились, и я один раз поцеловал Зою. Она не очень рассердилась. Я нахожу ее совершенно очаровательной, и я принял приглашение выпить чаю у нее дома. Она то ли жена, то ли подруга полковника бранденбургских войск, я не смог разобрать, кого именно. К счастью, доблестный "Кокшафер" в данный момент находится в секторе Ла Бассе, где, как я с интересом наблюдал, сегодня разгорелись ожесточенные бои. Я должен утешить прекрасную Зою!

И Карл, и Адольф порядочно напились, Адольф безнадежно напился, но на меня, как обычно, это почти не подействовало. У меня железная голова, при условии, что спиртное хорошее, и я позаботился об этом.

Мы плыли, вернее, спускались по каналу в Зебрюгге в пятницу, но сгорело пусковое сопротивление главного двигателя порта, и мы задержались до воскресенья, так как они установят новый.

Я должен признать, что организация ремонтных работ здесь достойна восхищения, поскольку экипажи подводных лодок почти ничего не делают, вся работа выполняется постоянным персоналом, который расквартирован в доках Брюгге. Воспользовавшись задержкой, я зашел к Зои Штайн, как, насколько я узнал, ее зовут.

Похоже, что она *не* замужем за полковником Штайном. Она сказала мне, что он толстый и уродливый, и много смеялась над ним. Она показала мне его фотографию, и, конечно, он не красавец. Однако он, должно быть, человек со средствами, поскольку подарил ей очаровательную квартиру, красиво украшенную акварелями, которые полковник в первые дни привез из французского замка - у этих армейских парней были все шансы.

Я сердечно попрощался с Зои и надеюсь, что Стейн все еще будет занят в Ла Бассе, когда я вернусь через две недели! Я очень признателен Карлу за представление и сказал ему об этом; он сам ищет маленькую травяную вдовушку, муж которой пропал несколько месяцев назад. Я думаю, Карл считает это дорогой игрой; к счастью, Зои, кажется, хорошо обеспечена деньгами - важнейшей составляющей радостной жизни.

В пятницу вечером у нас был воздушный налет - частое событие здесь, но мой первый опыт в этом направлении. Неприятное, но прекрасное зрелище: значительный ущерб нанесен недалеко от доков, а неразорвавшаяся бомба упала на улице рядом с нашей штаб-квартирой.

Две машины (британские) объаты пламенем. Я впервые увидел зеленые шары [3]. Самое завораживающее зрелище - видеть, как они на развевающихся цепочках возносятся к небесному своду; они напомнили мне, как я в детстве плела веночки из ромашек.

3. Известен как "Летающий лук".

В Зебрюгге.

Мы находимся рядом с "кротом" в одном из новых построенных убежищ для подводных лодок.

Лодка находится под бетонной крышей толщиной более трех футов, которая не выдержала бы воздействия самой тяжелой бомбы.

С момента нашего прибытия мы значительно улучшили порт. Так называемый порт является чисто искусственным и на самом деле состоит из длинного мола с плавным изгибом, который выходит в сторону моря и защищает устье канала. Приливы и отливы очень сильные вверх и вниз по побережью, и проводятся постоянные дноуглубительные работы, чтобы удерживать 20 футов воды над порогом у ворот шлюза.

По прибытии прошлой ночью мы сразу отправились в убежище № 11, так как ожидался воздушный налет, но ничего не произошло, поэтому я поднялся во "Фландр", который, кажется, лучший отель здесь, полный подводников, и я услышал много интересных историй. Кажется, нет никаких сомнений в том, что война с подводными лодками - опасная работа; я обнаружил, что лодки U.C. начинают называть "Клубом самоубийц" в честь знаменитой английской истории с таким названием, которую, как ни странно, я видел на кинематографе во Франкфурте в последний отпуск. Мы, немцы, необычайно широкомысленны; я сомневаюсь, что произведения немецких авторов можно увидеть на экранах в Англии или Франции.

Новости с Запада хорошие, англичане бросаются на уничтожение нашего стального фронта. Сейчас мы должны загрузиться минами. Я должен прекратить писать, чтобы руководить этой работой.

В море. Недалеко от маяка Саут-Доггер.

Мы загрузили десять мин, которые у нас есть, за час и пять минут. Они были сняты с железнодорожного грузовика большим краном и аккуратно опущены в шахтные трубы, которых у нас пять в носовой части.

Трубы проходят от верхней палубы корабля до его киля и наклоняются в кормовую часть для облегчения спуска. Пополнив запасы топлива в Брюгге, мы взяли запас провизии, и Альтен поднялся в кабинет коммодора, чтобы получить распоряжения о нашем отплытии.

Мы отплыли в 6 часов вечера, и наконец я почувствовал, что отчаливаю. Сегодня, 22-го, мы находимся чуть севернее Саут-Доггера, держа курс на северо-запад со скоростью 9-1/2 узла.

Море довольно спокойное, и все очень приятно. Наша миссия - заложить небольшое минное поле недалеко от Ньюкасла на военном канале Восточного побережья. Я, конечно, никогда надолго не выходил в море на подводной лодке, и все это очень ново.

Я нахожу рев дизельного двигателя очень неумолимым, и прошлой ночью плохо спал на убогой койке, которая была плохой заменой моей прекрасной каюте в казармах Вильгельмсхафена. Единственное, что я ценю, так это еду; она действительно превосходна: свежее молоко, свежее масло, белый хлеб и много других изысков.

Большую часть дня я потратил на то, чтобы разобраться с лодкой. Ее общее устройство таково:

Минные трубы, начинающиеся на носу, занимают центр лодки, оставляя два узких прохода, по одному с каждого борта. В проходе по левому борту находится шкафчик беспроводной связи и шкафчики с сигнальными флажками, а под ними кладовые. В проходе по правому борту находятся одна или две небольшие помпы и кухня.

В следующем отсеке есть четыре койки, по две с каждой стороны, их занимаем Альтен, я, инженер и уорент-офицер-штурман. Пройдя дальше на корму, вы попадаете в рубку управления, в которой находится один перископ, а также необходимые клапаны и насосы для погружения лодки.

Следующий отсек - это помещения экипажа; здесь находятся десять человек из компании.

Наверху с каждой стороны находится устройство для выпуска торпед из внешних торпедных аппаратов, которые мы несем по одному с каждой стороны. Я думаю, мы позаимствовали эту идею у русских.

Затем следует машинное отделение, ад грохочущих звуков, но, по-моему, превосходных двигателей. В кормовой части машинного отделения находятся два главных распределительных щита, о способах работы которых я в настоящее время в некотором неведении.

Два основных комплекта электродвигателей находятся под бортами, на корме, где у нас есть третий торпедный аппарат.

Едва я успел написать вышеприведенные слова, как пришло сообщение, что капитан просит меня подняться на мостик.

Я неторопливо поднялся в боевую рубку, которая находится над рубкой управления, и доложил о себе. Он указал на низко стелющееся пятно дыма на горизонте далеко по правому борту. Я был вынужден признаться, что мне это ничего не сказало, когда он вызвал мой пристальный интерес, заявив, что это, без сомнения, излучение британской подводной лодки, которая, как известно, часто бывает в этих водах. Он удалялся от нас и даже тогда находился на расстоянии шести или семи миль, так что о нападении не могло быть и речи. Присоединившийся к нам механик обратил мое внимание на тонкую струйку почти невидимого серо-голубого дыма за нашей кормой. Контраст был, безусловно, разительным!

За ужином я высказал свое мнение о том, что британские лодки были совершенно бесполезны. Альтен не согласился с этим и заявил, что, хотя в некоторых технических аспектах они были в положении неполноценных, все же по персоналу и мастерству в атаке они были полностью нам равны. Казалось, он относился к ним с большим уважением и заметил, что, совершая пассаж, он больше беспокоился за них, чем за что-либо другое. Он сообщил мне, что во время последнего рейса, который он совершил, его атаковала британская лодка, которую он никогда не видел, единственным признаком того, что он получил, была торпеда, которая выскочила из воды почти над его хвостом. К счастью, в то время было очень беспокойно, из-за чего торпеда работала беспорядочно, иначе они, несомненно, были бы сбиты.

Что, по-видимому, удивило его, так это тот факт, что британская лодка смогла совершить атаку в такую погоду. Сейчас мы заряжаемся на одном двигателе, по 500 ампер на каждую половину аккумулятора.

Мы должны вернуться в Зебрюгге сегодня в 10 часов вечера. Мы должны были прибыть сегодня на рассвете, но получили радиogramму от старшего офицера Зебрюгге, в которой говорилось, что подозревается минная постановка, и нам велено ждать, пока не будет прочищен канал "QR" от буя Бланкенберг. Мы пролежали на дне восемь часов в нескольких милях от западной оконечности канала.

Наша поездка прошла довольно успешно, но не без определенных волнений.

Ночью 23-го мы прошли довольно близко от рыболовецкой флотилии на Доггер-Банке и увидели вдали огни нескольких пароходов. Поскольку нашим первым делом было заложить мины в назначенном месте, мы не стали их беспокоить.

Мы включили обычные навигационные огни, или, скорее, боковые огни, которые кажутся обычными, за исключением того, что с помощью небольшой подгонки, которую Альтен изготовил сам, дуги опоры, на которых отображаются огни, могут быть изменены по желанию. Его идея состоит в том, что, если покажется, что мы приближаемся к пароходу, которого он во многих случаях хочет избежать, включив более или менее красный или зеленый свет, мы можем заставить ее думать, что мы пароход, идущий таким курсом, что по правилам дорожного движения ее долг держаться от нас подальше.

Он говорит мне, что это срабатывало несколько раз, и он также счел полезным установить два небольших вспомогательных боковых фонаря, цвет которых не соответствует тем сторонам, на которых они расположены. Конечно, в настоящее время огни перевозят только нейтральные суда, хотя Альтен говорит, что многие британские суда по-прежнему невероятно небрежны в отношении огней.

Однако, чтобы продолжить мой рассказ о том, что произошло. Мы достигли нашей позиции на рассвете или чуть позже, погода была удивительно спокойной, а море - как стекло. Поскольку мы находились всего в трех милях от английского побережья и недалеко от устья Тайна, нам необычайно повезло, что в поле зрения ничего не было, если не считать длинной полосы дыма, которая тянулась через горизонт к югу.

Сама земля была скрыта утренними полосами тумана, но все было так тихо, что мы действительно слабо слышали гудок поезда. Я с трудом удержался от предложения Альтену поднять 10-сантиметровую пушку на пятнадцать градусов и произвести несколько выстрелов по "девственным берегам гордого Альбиона", но я не стал этого делать, поскольку был совершенно уверен, что он этого не одобрит, а я не хочу подвергаться отпору с его стороны после его поведения в связи с инцидентом с курением. Я закипаю от ярости при этой мысли, но снова отвлекаюсь.

Тот факт, что земля была скрыта, был благоприятен с той точки зрения, что нас не беспокоили береговые наблюдатели, но неблагоприятен с той точки зрения, что мы не могли ничего сориентировать и таким образом установить наше точное местоположение.

Важность этого пункта при постановке подводных мин очевидна, поскольку из-за нашего небольшого груза яиц вполне возможно, что нас снова пошлют сюда для постановки соседнего минного поля, и в этом случае крайне желательно знать точное местоположение места предыдущей попытки.

Нам несколько помогло в наших попытках найти себе пристанище то обстоятельство, что именно там, где мы должны были лежать, имелся участок шириной в семь морских саженей. Мы подняли край этого берега с помощью нашего зондирующего устройства и, повернув на полмили севернее, установили наши мины по широте ... Нет! поразмыслив, я опушу точное положение, потому что, хотя я приму все меры предосторожности, нельзя сказать, что по какой-нибудь случайности этот Дневник не попадет в чужие руки.

Я очень рад, что решил сохранить эти заметки, поскольку получу огромное удовольствие, прочитав их, когда Победа увенчает наши усилия и вернутся радости мирной жизни.

Я испытал восхитительное ощущение, находясь так близко к вражескому побережью, фактически в его территориальных водах. Впервые после битвы при Скайераке я испытал личные радости войны, ощущение тесного и успешного контакта с врагом, причем с самым ненавистным врагом.

Едва мы закончили откладывать яйца, как послышался жужжащий звук. С поразительной быстротой мы нырнули, и этот проклятый Альтен, который при таких обстоятельствах покидает мостик последним, наступил мне на пальцы, когда спускался за мной по трапу боевой рубки.

Инженер попытался посочувствовать мне и отпустил какое-то идиотское замечание о том, что я был бы быстрее, если бы у меня было больше практики. Я откусил ему голову. Я терпеть не могу этого отношения "приветствуй, товарищ, хорошо встреченный" на этих кораблях в Калифорнии от любого мужлана, одетого в офицерскую форму. Они бы не занимали посты, если бы не война, и им следует помнить этот факт. Полагаю, они думают, что я замкнутый. Что ж, если бы у них за плечами было мое генеалогическое древо, они бы поняли.

Мы погрузились до шестидесяти футов, а затем поднялись до двадцати. Альтен посмотрел в перископ, а затем пригласил меня посмотреть. Любопытство побудило меня принять это одолжение, и, переведя рычаг фокусировки в положение "небоскреб", я обвел взглядом небо.

Наконец я увидел его; это был маленький противогаз крошечных размеров, под которым была подвешена маленькая машинка, самая нелепая пародия на воздушный корабль, которую я когда-либо видел. Он шел на высоте около 800 футов и делал около 40 узлов.

Внезапно он, должно быть, увидел след от нашего перископа, потому что повернулся к нам. Одновременно Альтен из боевой рубки (я пользовался другим перископом в рубке управления) приказал поднять лодку на шестьдесят футов и сильно перевернул штурвал.

Мы повернули на шестнадцать румбов [4] и примерно через две минуты услышали серию выстрелов прямо за нашей кормой. Было очевидно, что наша уловка удалась и что он промахнулся мимо цели.

Внутри лодки ощущался легкий толчок при взрыве каждой бомбы.

Мы постепенно вернулись на прежний курс и весь день плыли под водой на предельно малой скорости. Каждый раз, когда мы поднимали наш перископ, он все еще висел достаточно близко, чтобы сделать для нас глупым всплывать на поверхность.

Ближе к полудню появилась группа траулеров, несомненно, вызванных по радио, и принялась бродить вокруг. Казалось, это беспокоило Альтена гораздо больше, чем воздушный корабль, и он сообщил мне, что из их, на мой взгляд, бесцельных перемещений он сделал вывод, что они охотились за нами на гидропланах. Иногда мы ложились на дно в девятнадцати морских саженях.

К 4 часам дня атмосфера становилась довольно неприятной и жаркой, и постепенно мы снимали все больше одежды. Как ни странно, мне ужасно захотелось покурить, но дикие лошади не заставили бы меня спрашивать разрешения у Альтена.

В 8 часов вечера стало достаточно темно, чтобы мы могли подняться, что доставило мне огромное удовольствие, хотя первый порыв свежего воздуха из люка вызвал у меня рвоту после нескольких часов вдыхания испорченной грязи. Поднявшись на поверхность, мы ничего не увидели в поле зрения, но поднялся ветерок, который поднял брызги над мостиком, когда мы продвигались со скоростью 9 узлов.

Все были в приподнятом настроении, как всегда на обратном пути, когда мысли обращаются к Отечеству и всему, что в нем есть.

Мои мысли возвращаются к Зои. Я откровенно признаюсь в этом себе. Я едва осознавал, до какой степени эта женщина начала влиять на меня, пока мы не получили по радио сигнал, приказывающий нам отложить въезд на двенадцать часов. Получение этих новостей, какой бы незначительной ни была задержка, окутало команду пеленой уныния. Я участвовал в депрессии и, поразмыслив, скорее удивился, что это должно быть так. Самоанализ по линиям, изложенным Шесманвейлом [5], показал мне, что причиной моего раздражения является тот факт, что моя следующая встреча с Зои откладывается! Я инстинктивно чувствую, что здесь у меня будут неприятности и что мне лучше держаться с подветренной стороны, пока есть пространство для маневра, и все же ... и все же я тайне радуюсь, что каждый оборот винта, каждый лязг и дребезжание дизелей сближают нас.

5. Очевидно, какой-то немецкий автор неясного происхождения, поскольку я не могу найти его ни в одной справочной книге.--ETIENNE.

Альтен только что спустился с мостика, и мы немного поболтали; очевидно, что он хочет извиниться за свою грубость из-за инцидента с курением.

Я был в заблуждении, я признаю это откровенно; в то же время я не знал, что аккумулятор заряжен, и выбил спичку из моей руки! Я мог бы застрелить его на месте. Однако я не злопамятен, и, насколько я понимаю, инцидент исчерпан.

Одна вещь, которую я нахожу трудной в этой маленькой лодке, заключается в том, что я не могу найти места для выполнения половины моих упражнений Мюллера - размахивания ногами и руками. Я должен посмотреть, не смогу ли я изобрести комплекс упражнений для подводной лодки!

Хорошо! через два часа мы достигаем маячного буя.

Кают-компания подводной лодки, Брюгге.

Уже полночь, и пока я пишу в своей комнате на верхнем этаже дома, низкий грохот орудий с юго-запада слабо доносится через открытое окно, потому что необычайно тепло для этого времени года, и я отдернул занавески и рискнул включить свет.

Мы провели ночь в Зебрюгге и на следующий день подошли к здешним докам. Вероятно, мы пробудем здесь неделю, а я нахожусь в четырехдневном "длительном отсутствии на яхте", что практически означает, что я могу ходить по окрестностям, куда захочу, при условии, что у меня под рукой есть телефон.

После короткой внутренней борьбы я позвонил Зои по телефону; к счастью, я не стал звонить первым.

Мне ответил мужской голос, и на мгновение я остолбенела. Я сразу догадался, что это полковник, а я так уверенно рассчитывал, что он все еще далеко, на фронте.

На мгновение я потерял дар речи, у меня возникло желание без лишних слов положить трубку, но я сдержался, и тут мне в голову пришла прекрасная идея.

"Кто это?" - Спросил я.

"Полковник Штайн!" - ответил голос, и мои опасения подтвердились, но мой план кампании оправдался.

- Я говорю, - продолжал я, - от имени лейтенанта фон Шенка...

"Ах, да!" - прорычал голос, и на мгновение меня охватила паника, но я продолжил:

"Он познакомился с мадам Штайн за обедом несколько дней назад, и она любезно попросила его позвонить; он попросил меня позвонить и узнать, когда это будет удобно, поскольку он тоже хотел бы встретиться с вами, сэр. Он не смог позвонить сам, так как сегодня рано утром его отправили из Брюгге на дежурство".

Я улыбнулся про себя этой маленькой лжи и прислушался.

- Тогда твоему другу лучше позвонить завтра, потому что завтра вечером я уезжаю на фронт на Сомме; ты скажешь ему?

Я ответил, что так и сделаю, и повесил трубку, вполне удовлетворенный, но проклиная судьбу, которая распорядилась держаться подальше от дома № 10 по Кафельштрассе в течение тридцати шести часов. Излишне говорить, что на следующий день я позвонил снова, чтобы сообщить полковнику, что лейтенант Шенк, по-видимому, задержан, поскольку он еще не вернулся в Брюгге, и что я был уверен, что он будет сожалеть о пропаже полковника, и т.д., и т.п., Но весь этот камуфляж был излишним, поскольку она сама подошла к телефону. Я готов был поцеловать инструмент, когда рассказывал ей о своей хитрости и слышал ее серебристый смех у себя над ухом.

"Решено, что завтра, начиная с 10.30, мы отправляемся на целый день в лес Метен, захватив с собой обед и чай - молю Небеса, чтобы погода не испортилась".

Сегодня вечером в Кают-компании принято считать, что U.B.40 потерян; он опоздал на десять дней и выходил из Гавра, от него не было сигнала в течение двух недель. Такова цена победы и цена войны - смерть, возможно, в какой-нибудь ужасной форме, но бах! прочь эти мысли, завтра будет любовь, и жизнь, и Зои!

Снова наступает ночь, орудия грохочут все на тех же старых унылых тонах, и, поскольку сейчас идет дождь, на фронте, должно быть, становится совсем плохо. Если бы не дождь, это могло быть прошлой ночью, но за это время со мной многое произошло.

Сегодня в лесу у Рейследа я обнаружил, что люблю Зою, люблю ее так, как никогда еще не любил женщину, люблю всей душой и всем, что есть во мне.

День, когда мы стартовали, был на редкость погожий, и часовая пробежка привела нас в лес. Мы оставили машину у гостиницы и побрели по одной из полей.

Я нес корзину, и мы шли все дальше и дальше, пока не нашли подходящее место глубоко в сердце леса.

Я испытываю любовь моряка к лесам, к их глубине, их теням, их тайнам, которые так ярко контрастируют с монотонностью моря, с вечным кругом горизонта и полумраком небес над головой.

Сегодня в лесу, хотя листья стали золотыми, красными и коричневыми, буки все еще были хорошо укрыты, а над нашей головой был разбит красновато-коричневый навес.

Я говорю, наконец-то мы нашли место, или, скорее, Зои, которая с девичьим удовольствием от приключения убежала вперед, окликнула меня, и, когда я пишу, мне кажется, что я слышу эхо "Карл! Карл!", который разнесся по лесу. Когда я подошел к ней, она гордо указала на место, которое нашла.

Это было идеально. Скальный выступ в лесу образовывал миниатюрный Маттерхорн, и под его прикрытием, под молчаливыми свидетелями которого были старые деревья, мы сидели, шутили и смеялись и предприняли двадцать попыток разжечь костер.

После обеда произошел небольшой инцидент, который произвел на меня огромное впечатление; Зои спросила меня, не буду ли я возражать, если она закурит.

Скольким женщинам в наши дни пришлось бы в голову сделать это? И все же, если бы она только знала об этом, я все еще достаточно старомоден, чтобы оценить подразумеваемое уважение к любым возможным предрассудкам, которое содержалось в ее просьбе.

После обеда я задал ей вопрос, ответа на который боялся.

Я спросил ее, означает ли это, что теперь, когда старый полковник отправился на Сомму, она покидает Брюгге.

Она рассмеялась и, поддразнивая, сказала: "Добрый день, сеньор", но, видя мое настоящее беспокойство по этому поводу, заверила меня, что пока никуда не уезжает. По ее словам, у полковника была странная вера в то, что если человек служил на Фландрском фронте, и особенно на Ипрском выступе, он всегда возвращался туда, чтобы умереть.

Похоже, что полковник прослужил четырнадцать месяцев только на выступе и твердо убежден, что закончит свою карьеру на этом великом кладбище. Когда мы говорили о полковнике, мне очень хотелось спросить ее, как она с ним познакомилась, и, возможно, выяснить, почему она живет с ним, потому что я не могу поверить, что она любит его, но я не осмелился.

Как ни странно, я обнаружил, что странная застенчивость овладела мной по отношению к Зои.

Я сказал себе: "Дурак! вы с ней наедине, вам хочется поцеловать ее; вы целовали ее, во-первых, на званом обеде, во-вторых, когда прощались у нее дома", и все же сегодня все было по-другому.

Тогда я целовался с хорошенькой женщиной, я был на пороге опасной жизни и просто наслаждался животными удовольствиями, пока жил.

Сегодня это был случай Зои, личности, которую я любил; я все еще жаждал поцеловать ее, но я хотел иметь неоспоримое право целовать ее, так же сильно, как я хотел самих поцелуев.

Я хотел заполучить ее в свое распоряжение, подальше от оскверняющей собственности старого полковника, и я решил заполучить ее.

Я думаю, она заметила изменившееся отношение с моей стороны, и, возможно, она сама почувствовала, что в наших отношениях произошли неуволимые изменения, и пока я размышлял об этих вещах, она задремала рядом со мной.

Я сидел немного выше нее, курил, чтобы отогнать мошек, и, когда я смотрел сверху на ее детскую фигурку, меня переполняла огромная нежность к ней. Она очень красива и для меня желанна больше всех женщин; я вижу ее такой, какой она доверчиво лежит у моих ног. Я опишу ее, а потом, когда получу ее фотографию, прочитаю это, когда буду далеко в поездке.

Она среднего роста, потому что во мне чуть больше шести футов, а она достает мне чуть выше плеча. У нее восхитительно густые волосы темно-черного цвета, низко спадающие на лоб. Цвет ее лица ни с чем не сравнимой белизны, которая лишь подчеркивает теплоту красных губ, обрамляющих ее маленький ротик. У нее стройная фигура, и я восхищаюсь ее лодыжками, но ее венец, который я намеренно оставил напоследок, - это ее глаза.

Я чувствую, что могу потерять свою душу; я потерял ее, если она у меня есть, в фиалковых глубинах этих глаз, которые были прикрыты, когда она спала, длинными черными ресницами, которые изящно изгибались, когда ложились на ее щеки. Я перечитал это описание, и оно, ох, такое неудовлетворительное; если бы у меня было перо Гете или Шекспира, все же за неимением большего мастерства описание останется в силе.

Как я хочу, чтобы она была моей, и все же, как бы мне ни было жаль, я не могу с уверенностью заявить, что она любит меня.

Возникают тысячи сомнений. Я мучаю себя воспоминаниями о ее поведении на званом обеде, когда через два часа после нашей первой встречи она подставила мне свои губы.

И все же разве я не поцеловал ее сначала грубо, когда мы танцевали?

Я нахожу утешение в том факте, что, хотя она ничего не сказала, все же ее поведение сегодня было другим. Она была такой тихой после чая, когда мы возвращались через лес, а заходящее солнце бросало золотые лучи на стволы деревьев.

Перед нашим отъездом я спел ей прекрасную песню Чайковского "В лес", и, думаю, она осталась довольна, потому что я могу справедливо сказать, что мой голос высокого качества для любителя, и песня хорошо звучит без аккомпанемента, в то время как атмосфера и антураж были идеальными.

В этом прекрасном дне была только одна неприятная нотка; когда мы вернулись к машине, шофер позволил себе сардоническую усмешку. Зои, к сожалению, увидела это и густо покраснела.

Я мог бы ударить его по наглým губам, но ради нее счел целесообразным ничего не замечать.

Я чувствую, что мог бы писать о ней всю ночь, но уже почти 2 часа ночи, и мне нужно немного поспать.

Орудия непрерывно грохочут на юго-западе, и небо озаряют их вспышки; пусть бои на Сомме будут кровавыми в ближайшие дни.

[Вероятно, дней через десять. - Этьен.]

Мы уезжаем сегодня вечером, задержавшись дольше обычного. Я в растерянном состоянии духа. С того чудесного дня в лесу я видел ее почти каждый день, хотя дважды эта свинья Альтен задерживал меня в лодке в связи с заменой батареи.

Я обнаружил, что она, как и я, очень музыкальна. Она прекрасно играет на фортепиано, и мы провели долгие часы вместе, играя Шопена и Бетховена; мы также сыграли несколько дуэтов Мусоргского, но больше всего я люблю ее, когда она играет Шопена, выдающегося композитора любви и страсти.

У нее масса музыки, поскольку полковник дает ей то, что ей нравится. Мы также много играли Дебюсси. Сначала я возражал против исполнения произведений живого французского композитора, но она надула губки и выглядела такой очаровательной, что все мои угрызения

совести мгновенно исчезли, поэтому мы закрыли все двери, и она играла это часами, очень тихо, пока я забывал о войне и всех ее ужасах и помнил только, что я был с любимой девушкой.

Полковник пишет из Тьепваля, где британцы льют свою кровь, как воду. Он пишет очень интересные письма, и ему много раз чудом удавалось сбежать, но, к сожалению, он, кажется, живет счастливой жизнью. Его письма полны подробностей, и я удивляюсь, что он пропускает их мимо Полевой цензуры, но я полагаю, что он подвергает цензуре свои собственные.

Она смеется над ними и называет депешами своего полковника; она говорит, что он так привык составлять официальные отчеты, что бедный старик не может написать обычное письмо.

Я сказал ей, что то, как он упомянул полки и дислокацию, показалось мне несколько нескромным, и она согласилась, но сказала, что он попросил ее сохранить их, чтобы составить коллекцию писем, написанных с фронта, пока описываемые им инциденты живы в его памяти. Полагаю, старый осел знает свое дело, и в один прекрасный день сбор может завершиться телеграммой "С сожалением сообщаю и т.д. и т.п.". Чем скорее, тем лучше.

Так что дни проходили достаточно приятно, и ни жестом, ни словом она не показала, что я значу для нее больше, чем любой другой приятный молодой человек.

Я поцеловал ее, когда приехал, я поцеловал ее, когда уходил, каждый день было одно и то же. Она обнимала меня за шею и долго и пристально смотрела в мои глаза, затем нежно целовала в губы. Ни капли эмоций! ни искры от пожаров, которые, как я чувствую, должны бушевать под этой дьявольски [6] экстраординарной [6] удивительно спокойной внешностью.

6. Эти слова зачеркнуты.--ETIENNE.

На обычные темы она болтала достаточно оживленно и могла в увлекательной манере говорить на любую тему, которую я хотел бы затронуть, но как только я перевел разговор на личную тему, она постепенно стала более молчаливой, и в ее чудесных глазах появилось отстраненное выражение.

Я не узнал о ней ничего, кроме того факта, что она объездила всю Европу. Я даже не знаю, сколько ей лет, но, думаю, двадцать шесть.

Я попытался выяснить несколько деталей с помощью сдержанных замечаний в Клубе и в других местах.

Она просто приехала сюда около года назад - как певица, и познакомилась с полковником, - а дальше все покрыто тайной. Все в ней сильно привлекает меня, и эта загадочность придает тонкости ее очарованию.

Сегодня днем я зашел попрощаться; я сказал ей, что мы уезжаем "вскоре", и она мягко упрекнула меня за неподчинение приказу, запрещающему обсуждать передвижения, но я видел, что она не была сильно недовольна.

После чая она сыграла мне музыку современной русской школы - Аренского, Сибелиуса и Пилсуки; надвигалась буря, и нам обоим было грустно.

Она играла около часа, а потом подошла и села рядом со мной на низкий диван у камина. Мы долго молчали в сгущающихся сумерках, в то время как тысячи мыслей быстро сменяли друг

друга в моем мозгу, пока я пытался набраться смелости сказать то, что, как я решил, я должен сказать, прежде чем оставлю ее, возможно, навсегда.

Наконец, когда на фоне тлеющих поленьев был виден только ее профиль, я заговорил.

Я сказал ей тихо, невозмутимо и почти бесстрастно, что полюбил ее и что для меня она была самой жизнью. Я сказал ей, что старался молчать до тех пор, пока не смог больше терпеть.

Она сидела очень тихо, пока я говорил, а когда я закончил, воцарилось долгое молчание, и я осторожно протянул руку и погладил ее прекрасные черные волосы. Наконец она встала и, отвернувшись, прошла через комнату и остановилась, глядя на грозу через большие эркерные окна. Я наблюдал за ней, но не осмеливался последовать за ней.

Наконец она вернулась ко мне, и я увидел то, что инстинктивно знал все это время, - что она плакала. Я не мог понять почему.

Она обняла меня за шею, поцеловала в лоб и прошептала: "Бедный Карл".

Я чувствовал себя раздавленным; я не смел пошевелиться, боясь нарушить магию момента, и все же я жаждал узнать больше; я чувствовал себя подавленным какой-то колоссальной тайной, которая, казалось, окутывала меня своими складками. Почему она пожалела меня? Почему она плакала? Почему она не ответила на мое признание? Почему она ничего мне не сказала? Таковы были некоторые из проблем, которые ставили меня в тупик.

Так было, когда часы пробили семь. Я сказал ей, что мой отпуск заканчивается в семь часов и что в 7.15 я должен вернуться на борт яхты. Она вспомнила это, и в одно мгновение прошедшие четверть часа, казалось, никогда не существовали. Она была вся взволнована и нервничала, опасаясь, что я опоздаю на борт, хотя в тот момент я бы с радостью опоздал на пароход, чтобы услышать, как она говорит, что любит меня.

Я пытался протестовать, но тщетно. С женской быстротой она воспользовалась случаем, чтобы избежать ситуации, которая, очевидно, казалась ей сложной, и в 7.10, с воспоминаниями о легком поцелуе на моих губах и ее "Боже, помоги мне" в ушах, я был в такси, ехавшем в доки под слепящим ливнем - и мы отплывали сегодня ночью.

По крайней мере, на пять, шесть, семь, может быть, на десять дней, а самое большее - навсегда, я обречен быть вдали от нее и не иметь о ней никаких известий. И я даже не знаю, любит ли она меня!

Думаю, я могу сказать, что до определенного момента я ей небезразличен, но я хочу большего.

- О Зои! с фиалковыми глазами,
И волосами цвета самой черной ночи
Твои губы ярко-алые,
Твоя кожа ослепительно белая.

- О! положи голову мне на грудь,
И подними свои губы к моим;
Затем бормочи тихими вздохами,
Пей глубоко из того, что принадлежит тебе.

"Тогда пусть война бушует дальше,
Пусть королевства возвышаются и падают;
Каждый будет принадлежать другому,
Их жизнь, их надежда, их все". [7]

7. Я в долгу перед командующим К.К. за приведенный выше грубый перевод излияний Карла.--
ETIENNE.

В море.

Мы направляемся в то же старое место, что и в прошлый раз.

Альтен, должно быть, в последнее время пьет как рыба; изо рта у него пахнет винокурней; он явно равнодушен к шнапсу, который легко достать в Брюгге.

Я не могу не восхищаться этим человеком, поскольку он непреклонный трезвенник в море, хотя напряжение, должно быть, кажется ему почти невыносимым, судя по тому, в каком состоянии он был, когда поднялся на борт прошлой ночью. На самом деле он был совершенно непригоден для управления лодкой, и я практически повел ее вниз по каналу, хотя он с отчаянным упрямством настоял на том, чтобы остаться на мостике.

Этим утром, хотя цвет его лица был отвратительного желтого цвета, он выглядит вполне здоровым. Я сыграю с ним маленькую шутку сегодня вечером за ужином.

К настоящему времени я начал узнавать кое-кого из команды; это прекрасная компания молодых людей с приправами в виде полдюжины мужчин постарше. Рулевой, по имени Шмитт, - великолепный старый старшина, который служит на подводных лодках с 1911 года.

Его любимое развлечение - рассказывать небылицы младшим членам команды, которые знают о его слабости и подыгрывают ей.

У него есть любимое выражение, которое звучит так:

"Его величество кайзер сказал, что будущее Германии лежит на море; я говорю, что будущее Германии лежит под водой".

Ему необычайно нравится это высказывание, и молодежь постоянно спрашивает: "Что заставило тебя пойти работать на подводную лодку, Шмитт?" - и неизменно получает ответ, как указано выше. Когда ему задают этот вопрос примерно полдюжины раз в течение дня, он склонен заподозрить неладное, и если спрашивающий находится в пределах досягаемости, Шмитт несколько секунд рассеянно смотрит на него, затем вытягивает руку, похожую на руку гориллы, и опрашивающий (*Унтер-шухер*) получает звонкую затрещину по ушам, к огромному

удовольствию своих товарищей. Затем старик позволяет своему рту с железными губами растянуться в едкой улыбке, после чего его на некоторое время оставляют в покое.

За рулем он настоящий художник, поскольку, кажется, предугадывает, каким будет следующий ход, или, если он направляет ее по курсу, предсказывает направление следующей волны, подобно тому, как опытный шахматист просчитывает ходы наперед.

Я довольно устал, и мне следовало бы лечь спать, но прежде чем я потеряю удовольствие, я должен записать, как великолепно повеселились мы с Альтеном за ужином.

Мы ужинали одни, так как штурман был на мостике, а инженер был занят устранением небольшой течи в системе подачи воды для приготовления пищи. Я уже говорил, что, хотя Альтен по натуре сильно пьет, в море он строго воздерживается. Соответственно, в середине ужина я достал маленькую фляжку рома и налил себе щедрую порцию, поставив выпивку между нами на стол. Когда зрелище предстало перед его глазами и аромат коснулся ноздрей, на его лице промелькнула радость, сменившаяся хмурым выражением.

С дружелюбной улыбкой я протянул ему фляжку, заметив при этом: "Вы ведь не пьете в море, не так ли?"

Хриплым голосом он пробормотал: "Нет! Да, нет! спасибо".

Сделав вид, что ничего не заметил, я продолжил есть, но краем глаза следил за его левой рукой, лежащей на столе рядом с флягой. Это было очень интересно, все вены вздулись, как веревки, а костяшки пальцев чуть не прорвали кожу.

Это продолжалось около тридцати секунд, когда он выдавил что-то о том, что ему нужен глоток свежего воздуха. Когда он встал, его лицо было кирпично-красным, и я почти подумал, что с ним случится припадок.

То ли случайно, то ли намеренно, он потянул за ткань, когда выбирался из-под дивана и стола, и опрокинул фляжку.

Он, по-видимому, был не в состоянии извиниться, потому что выбежал на палубу.

Через несколько минут спустился штурман и спросил, в чем дело?

Я спросил: "Что вы имеете в виду?"

Он сказал: "Ну, капитан только что подошел, ругаясь, как солдат, и сказал мне убираться ко всем чертям; расспрашивать его показалось нецелесообразным, поэтому я вышел из игры и спустился".

Я высказал свое мнение, что капитан, должно быть, страдает морской болезнью, и мне было стыдно признаться в этом. Я также предложил штурману отнести капитану немного бренди на случай, если он неважно себя чувствует, но штурман заявил, что собирается лежать в тепле, пока за ним не пришлют. Альтен - большая грубая скотина. Представьте, что вы позволяете такой материальной субстанции, как алкоголь, влиять на ваш разум.

Слава богу, у меня железные нервы; на меня ничто не подействует!

А теперь спать, хотя я должен прочитать свой отчет о нашем дне в лесу. Дорогая девочка, можно мне увидеть тебя во сне.

Сегодня в 5 часов утра мы без проблем заложили наши мины, хотя в полночь у нас произошел крайне неприятный опыт.

Я спал, так как была моя утренняя вахта, когда меня разбудил резкий звук водолазной сигнализации.

Дизель затих, несколько раз судорожно кашлянув, и наступила тишина, и когда я вскочил со своей койки и нащупал свои короткие морские ботинки, штурман и рулевой, кувыркаясь, спустились с боевой рубки, а штурман кричал: "Спускайте ее", так сильно, как вам нравится.

Люди у самолетов мгновенно перевели их в режим "трудного пикирования".

Вентиляционные отверстия открылись, когда прозвучали гудки, и Альтен, который прыгнул в рубку управления, немедленно позвонил вниз: "Все на электродвигателях".

Через тридцать секунд после первоначального сигнала тревоги мы находились под углом двадцать градусов к носу, и я тяжело опустился на борт батареи, совершенно удивленный внезапным наклоном палубы.

Мне пришло в голову, что воздух выходит через вентиляционные отверстия со странно громким шумом, но прежде чем я успел обдумать этот вопрос дальше или хотя бы поинтересоваться причиной этого внезапного погружения, шум усилился до ужасающей степени, и пока я готовился к худшему, он достиг кульминации в реве, как будто пятьдесят экспрессов проезжали по туннелю, смешанном с шумом мощного авиационного двигателя.

Рев барабанил, колотил и сотрясал лодку, затем затих так же внезапно, как и возник; мгновение спустя раздался сильный толчок. Мы достигли дна, все еще сохраняя угол наклона.

Я с трудом поднялся на ноги, а затем узнал от штурмана, что он внезапно увидел два белых пятна пены в 800 ярдах по правому борту, которые превратились в носовые волны эсминца, идущего на полной скорости на таран.

Мы нырнули как раз вовремя, и ее острый, как нож, нос, приводимый в движение 30 000 лошадиных сил, скользнул по воде всего в нескольких футах над нашей боевой рубкой.

К счастью, он не сбросил ни одной глубинной бомбы. Однако мы не были полностью избавлены от своих неприятностей, хотя и обманули эсминец.

Изучение карты показало, что дно было илистым, и при попытке сдвинуть с места передние гидропланы перегорели предохранители в двигателях самолета. Это показало, что лодка была погружена в ил по самые передние плоскости, которые оставались неподвижными.

Вахтенный по гидрофону доложил, что он все еще слышит шум винтов, хотя, вероятно, и на некотором расстоянии, и поскольку это свидетельствовало о том, что наш старый враг все еще что-то вынюхивает, мы очень старались не всплыть на поверхность. Мы просто выдули "А". [8] По крайней мере, мы начали выдувать "А", но Альтен мудро решил, что, поскольку ночь была тихая,

с полумесяцем, пузырьки на поверхности могли быть довольно заметны, поэтому мы прекратили выдувание и включили насос. Мы также затопили "W". [9] На нее это никак не повлияло.

8. Вероятно, их главный внутренний резервуар.--ETIENNE.

9. Предположительно их после внутреннего бака.--ETIENNE.

Затем мы откачали "Q" и "P", оставив "W" заполненными, и отрегулировали дифферент, чтобы придать кораблю отрицательную плавучесть всего в три тонны - ровно столько, чтобы удержать нас на дне, если он вынырнет из ила.

В этом положении мы включили двигатели на полную мощность за кормой, по 1500 ампер на каждый, и весь экипаж разместился в кормовом отсеке. Никакого результата. Затем мы прокачали внешние водолазные баки по левому борту, чтобы дать кораблю крен на правый борт. Тем не менее, он оставался неподвижным.

Итак, в 2 часа ночи мы решили рискнуть и нанесли медленный удар по всем танкам.

Когда у нее было около пятидесяти тонн положительной плавучести, она внезапно пристегнулась, и, поскольку двигатели в это время работали на полных оборотах за кормой, мы всплыли на поверхность кормой вперед. Через несколько секунд нас снова урезали, и в качестве меры предосторожности мы прошли пару миль на двадцатиметровой глубине, когда, поднявшись на перископную глубину, всплыли и, убедившись, что все чисто, продолжили движение. Нас высадил траулер на рассвете, хотя он нас так и не увидел. После получасового околачивания она ушла, что было большой удачей, так как она была прямо на нашей стоянке.

Сейчас мы направляемся к месту несколько восточнее мыса Сент-Эббс, [10] поскольку у нас есть инструкции провести здесь двухдневное патрулирование и потопить суда.

10. Голова Святого Эббса.--ETIENNE

Мы должны приступить к делу завтра утром.

Тогда мы должны быть дома сегодня вечером, ради моей маленькой Зои!

Но я должен записать то, что мы сделали. Я уже получаю большое удовольствие от чтения своего дневника. Странно, как забавно видеть маленькие кусочки себя на бумаге, и чем менее приукрашена и откровенна правда, тем это интереснее.

Время от времени часы здесь такие долгие и скучные, что мне хочется с кем-нибудь поговорить по душам. В отсутствие Зои я обращаюсь к своим записным книжкам.

Первый пароход, который мы увидели, вселил большие надежды, по крайней мере, его дым вселил, потому что мы видели достаточно дыма на горизонте, чтобы подумать, что видим Гранд Флит, и мы быстро нырнули. Мы плыли к ней около получаса, а затем оставались на месте, так как обнаружили, что ее курс приведет корабль поближе к нам.

По мере развития ситуации Альтен, находившийся в боевой рубке у перископа "А", сообщил нам некоторое количество информации, и мы поняли, что весь этот дым валил из трубы-штока какого-то жалкого английского бродяги.

Меня больше всего раздражало стоять в рубке управления (моем рабочем месте) и не понимать, что происходит.

На подводной лодке есть только одна хорошая работа, и это работа капитана. Он все знает и решает. Остальные из нас находятся в его руках и принимают все на веру. Я принципиально возражаю против того, чтобы моя жизнь находилась в руках Альтена. Все это очень хорошо для команды, потому что, начнем с того, что у них нет воображения, и для большинства из них их ментальный горизонт ограничивается стенами лодки. Во-вторых, у них есть утешение в механической деятельности; они изготавливают и ломают выключатели, открывают и закрывают клапаны - они работают руками. У офицера есть воображение, и он работает только головой.

Когда мы атаковали пароход, все, что было слышно, - это бормотание Альтена, например: "Поднять!", "Опустить!", "Опустить до десяти метров!" "Половина скорости!" - "Медленно!" "Поднимите ее на пять метров!" "Поднять!" - "Опустить!"

Я попытался изобразить безразличие, которого на самом деле не испытывал.

Не то чтобы я был жертвой физического страха; я льщу себя надеждой, что он мне до сих пор неизвестен, и большой опасности не было, просто я жаждал узнать, что происходит. Наконец я услышал приветственный приказ:

- Труба правого борта. Приготовиться!

За которым почти сразу последовал приказ: "Огонь!"

Раздалось что-то вроде кашляющего ворчания, и торпеда правого борта приступила к выполнению своей задачи по уничтожению.

Все прислушались к звуку взрыва, но все, чего мы удостоились, - это потока богохульства со стороны Альтена.

Торпеда выскочила из воды в сотне ярдов от парохода, а затем, очевидно, нырнула под корабль; как я понял позже, когда Альтен несколько успокоился. Мы уже собирались всплыть и отдать ей ружье, когда, к счастью, Альтен хорошенько осмотрел небоскреб и обнаружил примерно в миле от нас один из этих жалких маленьких дирижаблей, приближающийся к пароходу, который жалобно выл на своей сирене.

Поскольку карта показывала сорок метров, мы решили спуститься на дно и пообедать.

За обедом мы обсудили это злоключение. Альтен громко проклинал Танзермана (лейтенанта-торпедиста в Брюгге), от которого он получил торпеду в гарантированно хорошем состоянии всего за сорок восемь часов до нашего отплытия. Он разразился тирадой в адрес персонала торпедоносцев в Брюгге и, увлекшись своей темой, резко оскорбил весь персонал базы, которого заклеил как сборище сильно пьющих, бездельничающих на берегу головорезов, неспособных осознать, что они существуют ради блага персонала лодок и "материальных средств".

Я, естественно, не согласился, и сделал это тем охотнее, что сознательно не согласился с ним. Я нахожу, что у некоторых из этих офицеров-подводников, которые долгое время плавали на подводных лодках, есть тенденция заходить в узкие рамки. Большинство офицеров запаса не такие, поскольку они служили только во время войны. Альтен - исключение; он покинул "Гамбург-Америку" с половинным жалованьем за два года в 1912 году, и, конечно же, его сохранили в 1914 году. В конце концов, персонал депо - немцы, и как таковые они трудятся на благо Отечества, и хотя их служебная деятельность не так опасна, как наша, с другой стороны, у них перед глазами нет стимула к завоеванию славы. Лично я придерживаюсь мнения, что торпеда всплыла на поверхность, потому что, будучи выпущенной из наружных труб, она, вероятно, стартовала слишком мелко, нырнула глубоко, поднялась на мелководье и нырнула глубоко, всплыла на поверхность и нырнула очень глубоко. Липкий двигатель или вялый вес могли бы дать такой эффект.

Водонепроницаемы ли эти внешние трубы? Теоретически - да, но как насчет практики? Во время этого путешествия мы несколько раз опускались на глубину до сорока метров, и ни разу у нас не было шанса добраться на поверхности до двух внешних труб; добавьте к этому наше глубинное оборудование, шарниры которого подвергаются воздействию воды, если труба действительно затопляется, и тогда у вас появляется ржавчина, коррозия и бог знает какие осложнения.

На днях я видел британскую торпеду Mark 11.50 в торпедном цехе в Брюгге, и я был очень поражен их глубоководным оборудованием, которое относится к типу unrestrained Uhlан, то есть вес и клапан зависят друг от друга. Но тогда главной особенностью является то, что все снаряжение содержится в отдельной водонепроницаемой камере.

Наша система, безусловно, значительно экономит пространство и намного аккуратнее по конструкции, хотя я предпочитаю принцип Улана с клапаном в сочетании с весом, но было бы интересно узнать, есть ли у британцев проблемы с сохранением глубины их торпеды.

Я написал довольно подробное исследование глубинных механизмов; я должен продолжить свой отчет о событиях.

После обеда мы хорошенько осмотрелись, но маленький дирижабль все еще висел поблизости, медленно описывая большие круги.

Мы были весьма удивлены, встретив одну из этих презренных маленьких сосисок, или "Отродье цеппелина", как называет их штурман, так далеко от суши, и с наступлением темноты всплыли на поверхность и продолжили движение на одном двигателе восточным курсом, заряжая аккумулятор от другого двигателя.

Рассвет застилал пустой горизонт, ни следа мачты, трубы или дыма в поле зрения.

Мы прогуливались в хорошую, хотя и холодную погоду, и я воспользовался всеобщим спокойствием, чтобы сыграть действительно хорошую серию Мюллера на верхней палубе, раздевшись по пояс и позволив свежему воздуху играть своими бодрящими потоками на моем торсе.

Альтен молча наблюдал за мной из боевой рубки с насмешливым выражением на лице. Штурман, вполне приличный молодой человек, хотя и бездетный, был, как я мог ясно видеть, поражен моим развитием и попросил посвятить его в серию упражнений. Я охотно согласился показать их ему. Признаюсь, мне хотелось бы, чтобы Зои видела, как я потею от полезных упражнений.

Около 11 часов утра над горизонтом показалась пара мачт, затем еще две, затем еще одна. Видимость была ужасной, поэтому мы сразу же нырнули и проследовали на полной скорости десять метров.

Мы шли таким образом примерно полчаса, когда Альтен заметил, что хотел бы еще раз взглянуть на конвой. Мы сбросили скорость, поднялись на шесть метров, и Альтен поднялся в боевую рубку, чтобы воспользоваться перископом "А".

Едва он приложил глаз к объективу, как резко приказал подвести лодку на десять метров, сопроводив этот приказ другим, адресованным в моторное отделение с требованием максимальной скорости (*Ausserste Kraft*). Я поднялся в боевую рубку и увидел, что он побелел от волнения.

- Смотрите! - воскликнул он, указывая на перископ, совершенно забыв о том, что мы были на расстоянии десяти метров. Я посмотрела и, конечно, ничего не увидела; разъяренная шуткой, которую, как мне показалось, он сыграл со мной, я повернулась к нему, чтобы быть обезоруженной его извинениями.

- Извините! Я забыл! Там все силы британских линейных крейсеров.

Теперь настала моя очередь быть взволнованным, и я помчался в машинное отделение, полный решимости отдать ей все, что она захочет. Передний двигатель левого борта искрил как дьявол,

кольца проклятых искр летали вокруг коллектора, но сейчас было не время для церемоний. Я безжалостно приказал еще больше уменьшить ток возбуждения.

На самом деле мы работали с напряжением 3,75 ампера, [11] в течение периода, когда искрение принимало вид огненного кольца, и, опасаясь, что полоса коллектора расплавится, я заказал напряжение в пять ампер.

11. Чем ниже ток возбуждения, тем быстрее работает двигатель. 3,75 - это почти невероятно мало для двигателя такого типа - по крайней мере, согласно британской практике.--ETIENNE.

Таким образом, мы провели в напряжении четверть часа, напряжение которого отразилось на поведении всех мужчин. Альтен объявил о своем намерении использовать кормовой торпедный аппарат после утренней неудачи, и экипаж этого аппарата в последние несколько секунд сидел на своих постах, как орудийный расчет, готовясь открыть огонь. Дежурные на коммутаторе вцепились в регулирующие реостаты, как будто своими личными усилиями они могли заставить лодку двигаться быстрее. Старина Шмитт, стоявший у штурвала, не отрывал глаз от индикатора компаса.

Наконец: "Сбавьте скорость оба!" - "Доведите ее до шести метров!" - донеслось из боевой рубки, куда я и направился, чтобы услышать новости.

Медленно подняли перископ, и я затаил дыхание; со стороны Альтена донесся стон, и он отвернулся. На долю секунды я был почти доволен его очевидной болью, затем, измученный разочарованием, я занял его место. Да! все было кончено. Они были там, и с голодным взглядом и подавленным сердцем я увидел пять огромных линейных крейсеров, из которых я узнал *Tiger* с тремя огромными трубами, *Princess Royal*, *Lion* и два других, идущих зигзагом со скоростью 25 узлов на расстоянии 12 000 метров по носу от нас.

Они были окружены многочисленным заслоном из эсминцев и легких крейсеров, первые на таком расстоянии в перископ казались черными пятнами.

Не часто на современной войне бывает позволено такое зрелище, и я не мог оторвать глаз от этих огромных зверей, с которыми я сражался в *Дерфлингере* на Доггер-Банке и снова в *Кениге* в Ютландии. Так близко и в то же время так далеко, и по мере того, как они быстро удалялись, исчезали и все видения Железного Креста. Как только они скрылись из виду, мы всплыли, чтобы сообщить об увиденном в Зебрюгге и Гельголанд.

Казалось, все было против нас. Я поднялся на мостик со штурманом; Альтен, с лицом черным, как ад, ушел в кают-компанию. Прошло около десяти минут, когда я услышал страшную перебранку внизу. Я спустился вниз и увидел молодого радиста, дрожащего перед Альтеном, который осыпал его потоком оскорблений. Когда я добрался до кают-компании, Альтен потряс кулаком перед лицом мужчины и проревел:

"Заставь эту чертову штуку работать, говорю тебе".

"Невозможно, капитан, главный конденсатор..." - начал мужчина.

Побагровев от ярости, Альтен схватил пару тяжелых параллельных линеек и, прежде чем я успел остановить его, швырнул их в лицо оператору. Обливаясь кровью, юноша упал на палубу в оглушенном состоянии.

Именно тогда я впервые заметил на столе полупустую бутылку спиртного, колоссальное количество которого он, должно быть, выпил примерно за четверть часа.

Повернувшись ко мне, этот полубезумный указал на радиста ногой и прорычал:

- Прикажете убрать его.

Я так и сделал, а затем, опустив перископ, приказал лодке опуститься на пятнадцать метров. Мы шли на этой глубине до 8 часов вечера, когда мне сообщили, что капитан находится в своей койке и желает меня видеть.

Я обнаружил его лицом к борту, и, когда я доложил о себе, он приказал мне, во-первых, выбросить эту проклятую бутылку за борт (в этом не было необходимости, поскольку она была пуста), а во-вторых, всплыть и взять курс на Зебрюгге.

В полночь он сменил меня, по-видимому, совершенно нормальный.

Радист пролежал весь день без сознания, и у него был сильный порез на голове. Штурман, большой скандалист, услышал от инженера, что Альтен разговаривал с ним наедине этим утром, и инженер считает, что Альтен дал ему пятьсот марок за то, что тот сказал, что упал в люк.

Ура! Только что сообщили о появлении буя Бланкенберг! Скоро я увижу мою Зою!

С какими большими надеждами я писал последние несколько строк несколько часов назад и как они рухнули, потому что, войдя в Столовую в Брюгге, я нашел среди своих писем записку от нее, ужасную своей краткостью. Она просто сказала:

"ДОРОГОЙ КАРЛ,

"Я уезжаю на несколько дней, и поскольку я буду путешествовать, нет смысла давать вам адрес. До нашей следующей встречи!

"ЗОИ".

Как ужасно расплывчато; ни намек на ее пункт назначения, ее цель или вероятную продолжительность ее отсутствия. Конечно, я бросился в квартиру, но обнаружил, что там заперто. Портье сказал мне, что она уехала со своей горничной. Он не смог сказать, когда она вернется - если вернется вообще! Я дал ему десять марок, и он сказал, что ее, возможно, не будет две недели. Если бы я дал ему двадцать, он бы сказал, что в неделю; он, очевидно, не знал.

Я чувствую, что сегодня вечером могу сделать все, что угодно; любой безумный, злой поступок пришелся бы мне по душе.

Из комнаты для гостей доносится ужасающий шум, где большая и шумная компания развлекает хором бродячую *труппу* ревю. Я увидел их, когда они прибыли, ужасно заурядных женщин, с ногами, похожими на мои трубки.

Еще один день, и по-прежнему никаких новостей; не знаю, как я это перенесу. У нее могло бы хватить мягкосердечия написать мне. Она знает мой адрес.

Этим вечером пришло письмо от маленькой мамы, которая спрашивает, смогу ли я найти время, чтобы съездить во Франкфурт, когда у меня будет отпуск; в конце письма она упоминает, что Роза вступила в Женский добровольный вспомогательный корпус армейских медсестер. Я полагаю, она подумала, что хотела бы сфотографироваться в какой-нибудь модной униформе в качестве "Розы Фрейнланд, одной из наших франкфуртских красавиц, теперь на военной службе!" Держать пациентку за руку - это, пожалуй, единственная работа, которую она намерена выполнять.

Женщины как класс одинаковы во всем мире. В здешней столовой нас хорошо снабжают английскими газетами; они регулярно приходят из Амстердама, и на их страницах я вижу, так же как и на наших, фотографии графини такой-то и лорда такого-то, сфотографированных в приличествующих позах во время выполнения военной работы. Похоже, занятия сельским хозяйством сейчас в моде в Англии - подождите, пока наша война с подводными лодками хорошенько вонзит свой нож в их жирные кишки, тогда работать в поле будет более чем модно.

Британская империя, бесспорно, великое творение, или, скорее, не столько творение, сколько вещь, возникшая случайно, но ей не хватает солидарности. Она раскинулась, беспорядочная масса рас и вероисповеданий, по всему миру. Сама его необъятность делает его открытым для атак, у него есть дюжина ахиллесовых пяток от Ирландии до Египта и от Южной Африки до Индии.

Только вчера я встретил человека, который недавно работал в отделе пропаганды Министерства иностранных дел, и, не вдаваясь в подробности, он дал мне очень хорошее представление о хорошей работе, которая проводится в самых язвенных местах Великобритании.

Те, кто в курсе дела, считают Ирландию особенно многообещающей страной.

А теперь о беспокойной ночи! Подумать только, что девушка может меня так беспокоить!

Прошло два дня, или, скорее, они тянулись бесконечно долго, потому что по-прежнему нет никаких известий. Я дважды наведывался в квартиру безрезультатно, если не считать того, что в последний раз, когда я был там, получил наглость от портье.

Новостей нет.

По-прежнему никаких новостей, а мы отплываем через сорок восемь часов.

В море, у острова Уайт.

Прошло уже несколько дней с тех пор, как я обратился за утешением и радостью среди неудобств этой жизни к своей ручке и блокноту.

Какие странные трюки играет с нами судьба, и как удачно, что мы не можем предвидеть будущее.

Вот я и в U.39 - но я должен начать с начала. Моя последняя запись была удручающей: по-прежнему нет новостей. Что ж, у меня были новости, но они были как капля воды во рту у измученного человека. Прошли еще одни мучительные двадцать четыре часа, и около десяти часов я сидел в своей комнате, пытаюсь смириться с мыслью, что следующей ночью мне придется отправиться в свое третье путешествие без известий о ней, когда зазвонил телефон. Я поднял трубку и, к своей изумленной радости, услышал голос, который узнал бы из тысячи. Это была Зои!

Я был совершенно неспособен что-либо сказать, и мое замешательство еще больше возросло, когда после нескольких "Привет", которые я по-идиотски повторил, она произнесла ясным, ровным голосом: "Это ты, Карл? Как ты?" Как у меня дела? Что за вопрос! Я хотел сказать ей, что я кипел от радости, что тысячекилограммовый груз был снят с моей груди, что моя кровь бежала по венам, что я, обычно такой хладнокровный, дрожал от возбуждения, что я мог бы поцеловать мундштук скромного инструмента, который связывал нас вместе. И все же я был совершенно неспособен ответить на ее простой вопрос! Я не могу себе представить, что я ожидал от нее услышать, потому что, поразмыслив, она сказала самое обычное и в данных обстоятельствах вполне естественное замечание, но, как я уже сказал, на самом деле у меня язык заплетался.

Наверное, я что-то сказал, потому что потом помню, как она сказала: "Ну, ты мог бы спросить, как у меня дела"; и, к своему ужасу, я понял, что она сочла меня грубым!

Мои жалкие извинения были прерваны ее дразнящим смехом, и я понял, что очаровательная девушка дразнит меня. Когда, наконец, я заставил себя поверить, что действительно разговариваю с этой самой неуловимой и восхитительной женщиной, я, не теряя времени, предложил, чтобы, хотя было уже поздно, мне разрешили зайти и повидаться с ней. Она не допустила этого, так как сказала, что это вызовет серьезный скандал, и полковник может услышать об этом по возвращении. Я горячо умолял и настаивал на своем отъезде через двадцать четыре часа.

Она была тверда и упрекнула меня за обсуждение передвижений по телефону. Она была права; я поступил глупо, поступив так; но Зои разрушает всю мою осторожность. Однако она сказала, что я мог бы пообедать с ней на следующий день и что у нее есть для меня какая-то новая музыка. Я осмелился спросить, где она была, но этот вопрос был явно неприятен миледи, поэтому я сменил тему. Я послал ей воздушный поцелуй на ночь по телефону, на что, кажется, получил ответ, а затем она повесила трубку.

Не прошло и десяти минут, как вошел посыльный и сообщил, что меня срочно требуют в кабинет коммодора.

Странное чувство тревоги и предчувствия надвигающегося несчастья охватило меня. Я чувствовал себя непослушным школьником, собирающимся взять интервью у директора.

Я последовал за посыльным в кабинет коммодора и оказался наедине с великим человеком. Он сидел за огромным письменным столом на колесиках, который был единственным предметом мебели в комнате, полностью оклеенной крупномасштабными картами восточного и южного побережий Англии, а также Ла-Манша и Северного моря.

Когда я вошел, коммодор запечатывал конверт; он поднял глаза и увидел меня, затем, не обращая больше на меня внимания, продолжил свои дела с конвертом. Я чувствовал, что нахожусь в присутствии личности, и так оно и было, ибо "Старина Макс" - один из десяти человек, которые считаются в Военно-морской администрации. На столе у него стояла лампа для чтения, и я помню, что заметил, что свет, пробивающийся сквозь ее зеленый абажур, придает его старой лысой голове желтоватый пергаментный оттенок. С изысканной осторожностью он закончил запечатывать конверт, затем, взяв телефонную трубку, рявкнул: "Адмиралтейство!" Примерно через минуту его соединили, и, к своему удивлению, я понял, что он разговаривает с дежурным капитаном оперативного отдела в Берлине.

От его слов у меня похолодело сердце, потому что он сказал: "Говорит коммодор! U.39 отплывает в 2 часа ночи для участия в операции F.Q.H. - Повторяю".

Его слова, очевидно, были повторены к его удовлетворению, потому что, пока я тщетно пытался убедить себя, что не имею отношения к отплытию U.39, он швырнул трубку на место (старина Макс все делает с грохотом) и рявкнул на меня.

"You Lieutenant Von Schenk?"

Я признался, что был, а потом услышал эту отвратительную новость.

"Кранц, 1-й лейтенант U.39, сообщил о внезапной болезни, Зебрюгге, отравление - вы заменяете его. Корабль отплывает через час сорок минут - моя машина отправляется отсюда через сорок минут и доставит вас в Зебрюгге. Вот оперативные распоряжения - сообщите фон Вайсману, что он подтверждает получение, прямо мне по телефону. Вот и все.

Он протянул мне конверт, и, полагаю, я вышел на улицу - по крайней мере, обнаружил, что стою в коридоре, вертя в руках этот проклятый конверт. На какой-то безумный миг мне захотелось ворваться и сказать: "Но, сэр, вы не понимаете, что завтра я обедаю с Зои!"

Затем мысленная картина, которую вызвала в воображении эта идея, заставила меня затрястись от сдерживаемого смеха, и я вспомнил, что война есть война и что у меня есть всего тридцать пять минут, чтобы собрать все, что у меня было под рукой - большая часть моих морских вещей была в U.C.47 - и попрощаться с Зои.

Я побежал в свою комнату, и по коридорам разнеслось эхо криков, зовущих моего верного Адольфа. Превосходный человек вскоре появился на месте происшествия, и пока он запихивал нижнее белье, полотенца и другие необходимые принадлежности в сумку, которую он стащил из чьей-то комнаты, я позвонил Зои. Я потратил десять минут на то, чтобы дозвониться, но наконец услышал восхитительно сонный голос, пробормотавший: "Кто это?"

Я сказал ей и добавил, что уйду; к моей тайной радости, по проводу донеслось крайне разочарованное и протяжное "Оооо!". "Значит, ей действительно не все равно", - подумал я. Безумные идеи притвориться внезапно заболевшим приходили мне в голову - все, что угодно, лишь бы выиграть двадцать четыре часа, - но Отечество превыше всех подобных соображений, и после приятной беседы и множества пожеланий удачи от милой девушки, с тяжелым сердцем я пожелал ей спокойной ночи.

Машина старика, "Бенц" мощностью шестьдесят лошадиных сил, ждала у входа в столовую, и, миновав часовых, мы за очень короткое время помчались по ровной, хорошо посыпанной металлом дороге в Зебрюгге. Охранник на заставе Брюгге связал нас по телефону с укрепленной зоной Зебрюгге, и нас пропустили без промедления. Через три четверти часа после моей беседы со стариной Максом я пробирался через ряд подводных лодок, чтобы добраться до своего нового корабля U.39.

Я спустился в кормовой люк, доложил о себе фон Вайсману и передал ему его приказы, получение которых он подтвердил непосредственно коммодору в соответствии с инструкциями. Фон Вайсман сильно отличается от Альтена: он среднего роста, с волосами песочного цвета, серо-стальными глазами и выступающей челюстью. Он тот, кем выглядит, прекрасный северный пруссак и, конечно же, из отличной семьи, поскольку Вайсманы давно обосновались в Гринце.

Ему показалось около тридцати лет, и на сердце он носил Крест второй степени. Я слышал о нем раньше как о преуспевающем в стремлении к *порядку за верность*.

В кают-компании висит интересная карта, на которой отмечены места последнего упокоения каждого потопленного им корабля. Он ставит цветную точку, оттенок которой меняется в зависимости от тоннажа: черную до 2000, синюю от 2000 до 5000, коричневую от 5000 до 8000, зеленую от 8000 до 11000 и красную точку с названием судна для всего, что превышает 11000. В настоящее время у него около 120 000 тонн. Он выступает против школы мысли Арно де Лаперьера, которая возлагает вину на оружие, а Вайсман почти всю свою работу проделал со старой доброй торпедой.

В общем, несомненно, человек, с которым можно служить.

U.39 находился в том гудящем и полуактивном состоянии, которое для наметанного глаза является верным признаком того, что корабль вот-вот отчалит. Точно за пять минут до двух часов ночи Вайсман поднялся на мостик, а в два часа ночи тросы были переброшены, и мы отправились в десятидневное путешествие. Когда тусклые огни на молу исчезли и непрерывный фонтан звездных снарядов, смешиваясь со вспышками орудий, поднялся вглубь острова по левому борту, мои мысли перенеслись на сушу, на равнину в Брюгге, и я задался вопросом, лежит ли Зоя без сна, слушая непрерывный грохот фландрских пушек. Мы продолжали путь на полной скорости, так как намеревались пройти Дуврский пролив до рассвета. Хотя наше разведывательное бюро публикует самые тревожные отчеты об ужасающей обороне здесь, я был приятно удивлен легкостью, с которой мы сдались. Фон Вайсман, которому я намекнул, что этот отрывок может показаться нам сложным, посмеялся над моим предложением и описал мне свой метод, который, во всяком случае, отличается простотой.

Он всегда плывет во время прилива, чтобы занять как можно меньше времени, и он всегда выбирает курс и ведет его как можно точнее, держась поверхности, пока ничего не заметит, и

ныряя, как только что-нибудь появится. Даже если он ныряет, он продолжает двигаться своим курсом как можно быстрее, независимо от того, бомбят его или нет.

Я должен сказать, что прошлой ночью это сработало очень хорошо. Мы взяли курс на прохождение в пяти милях к западу от Гри-Неза, и когда тот фонарь, который по какой-то причине французы предусмотрительно зажгли той ночью, оказался на траверзе, мы заметили черный объект, вероятно, траулер или эсминец, примерно в полудюжине миль прямо по курсу. Вайсман немедленно нырнул и, ни на градус не отклоняясь от своего курса, продолжал работать на трех четвертях оборотов двигателей. Некоторое время спустя вахтенный с гидрофона доложил своим слушателям о звуке пропеллеров и о том, что, по его мнению, они были совсем близко, так что я предполагаю, что мы прошли почти прямо под тем, что это было.

После часового погружения мы поднялись и обнаружили, что над свинцовым и беспокойным морем разгорается рассвет. Поскольку ничего не было видно, мы оставались на поверхности в течение часа, заряжая батареи двигателя правого борта (по 500 ампер на каждый), но в 9 часов утра, когда облака лежали низко и воздушный патруль был частым в окрестностях, мы нырнули и плавно двинулись вниз по фарватеру на малой скорости, сохраняя перископную глубину.

Несколько раз в течение утра мы видели вдалеке небольшие эсминцы и суда конвоев [12], все они держали курс на запад. Вероятно, прошлой ночью они возвращались после сопровождения десантных кораблей во Францию. В каждом случае мы удалялись на шестьдесят футов, прежде чем они могли заметить нашу "палку". [13] Вайсман, очевидно, столь же осторожен в этом вопросе, сколь и вынослив в других; чем больше я его вижу, тем больше он мне нравится; он воспитанный человек, и служить на этой лодке ценно.

12. Вероятно, лодки на букву "П".--ETIENNE.

13. Перископ.--ETIENNE.

Сейчас, когда я пишу, мы находимся на поверхности примерно в десяти милях к востоку от острова Уайт, все еще держась курса вниз по ла-маншу. Сегодня в полночь мы сообщаем о нашем местоположении в Зебрюгге, до сих пор мы сохраняли радиомолчание, опасаясь, что британские и французские станции наведения поймут наши сигналы и зафиксируют наше местоположение.

Этим вечером после ужина фон Вайсман объяснил мне общий план наших операций на следующие восемь дней. Наша база для круизов находится примерно в 150 милях к юго-западу от Скиллиса, в узловой точке, где расходятся торговые линии с Ливерпулем и Бристолем и торговля вверх по каналу. Фон Вайсман говорит, что это сливовая заготовка, и у нас все должно получиться хорошо.

Я чувствую, что это будет лучше, чем те жалкие поездки по разминированию, и хотя нас не будет десять дней, это даст мне право на четырехдневный отпуск в Бельгии.

Прошлой ночью произошел почти неловкий момент, или, скорее, произошел неловкий момент и почти неловкий несчастный случай. В полночь я сменил штурмана (пилот - неприятный человек по имени Сигел) и заступил на среднюю вахту. Дул с юго-запада силой около 4 баллов, и на море было неприятное короткое волнение, которое застало нас как раз по левому борту.

Примерно раз в десять секунд она сбивалась с шага вместе с волнами и, погружая в них нос, загребала тонны воды, которая, когда нос поднимался, устремлялась на корму и, разбиваясь о пушку, обрушивалась в облаках брызг на мостик. Через несколько минут с каждой обнаженной части моего тела текла вода.

Около двух часов ночи я на мгновение повернулся спиной к морю, и мои мысли на мгновение были в Брюгге, когда, снова посмотрев вперед, я увидел зрелище, которое окончательно вернуло меня на землю.

Это было зрелище двух черных силуэтов, очевидно, пароходов, по одному с каждой стороны носа, на расстоянии, по моим прикидкам, 600 или 700 метров. Мне нужно было быстро принять решение, и я решил, что выпускать торпеду в этом море с какой-либо надеждой на попадание, особенно когда лодка на поверхности, бесполезно; более того, в любой момент любой из пароходов мог заметить нас со своего высокого мостика, повернуть и таранить.

Эти мысли были делом одного мгновения, и я сразу же позвонил в водолазный колокол и, толкнув перед собой смотровую площадку, через пять секунд был в боевой рубке и опустил люк. Я сразу же спустился в лодку, и первое, что бросилось мне в глаза, был водолазный указатель со стрелкой, практически неподвижной на отметке в два метра.

Лодка опускалась неправильно! и на мгновение я был грубо встряхнут, пока холодный голос из кают-компаний не произнес: "Руль влево", - приказ, которому немедленно подчинились, и когда она начала поворачивать движущуюся стрелку глубиномера, она начала свое путешествие по циферблату. Заговорил капитан. Как только он услышал сигнал тревоги по погружению, он встал со своей койки, и взгляд на датчик, который он установил в кают-компаний, сказал ему, что мы погружаемся не быстро. В одно мгновение он указал пальцем на проблему, которая заключалась в том, что мы были почти вплотную к морю, в результате чего он отдал приказ, как указано выше, который, направив нас прямо в море, заставил судно легко погрузиться. Он - сама эффективность!

Когда я объяснил ему, что произошло, шум винтов на разном расстоянии от нас над головой заставил его высказать предположение, что мы столкнулись с конвоем, направлявшимся домой в Саутгемптон из Атлантики.

Он одобрял мои действия во всех деталях, за исключением того, что я не отвел лодку подальше от моря, когда начал нырять.

Этим утром мы начинаем ощущать на себе всю силу того, что, очевидно, будет юго-западным штормом с некоторой силой. Уровень моря увеличивается по мере того, как мы входим в Атлантику. Это плохо сказывается на бизнесе.

В данный момент мы практически лежим в дрейфе на поверхности, двигатель левого борта просто работает, чтобы держать судно носом к морю, а правый борт поворачивается, чтобы обеспечить ему длительный и медленный заряд в 200 ампер.

Ветер 7-8-й силы, море очень большое, что делает совершенно невозможным открытие люка боевой рубки; двигатель получает воздух через специальный грибовидный вентилятор, который, по-видимому, не предназначен для удовлетворения потребностей как лодки, так и

двигателя; весь вентилятор время от времени покрывается водой, и в течение этого периода, пока дефлекторные дренажи не удалят воду, воздух не может попасть внутрь, поэтому двигатель хорошо всасывает воздух в лодке, результатом всего этого является небольшой вакуум в лодке. Это очень неприятное ощущение, и мне стало очень плохо. На самом деле это форма болезни из-за разреженного воздуха.

Я был очень удивлен, когда посмотрел на барограф этим утром, поскольку стрелка сошла с бумаги прямо вниз, и на первый взгляд я подумал, что мы попали в тропическую депрессию первой величины, которая, вопреки всем законам метеорологии, каким-то образом попала в Ла-Манш; но инженер объяснил мне, что, как я уже говорил, низкое атмосферное давление в лодке было вызвано закрытием люка боевой рубки.

Я обнаружил, что фон Вайсман - мученик морской болезни: весь день он лежал белый как полотно и питался таблетками молока и маленькими глотками бренди; однако непреклонность воли этого человека такова, что он заставляет себя совершать инспекционный обход яхты каждые шесть часов, днем и ночью. Именно эта воля к победе сделала немцев непобедимыми, хотя против нас, как говорит великий поэт, "Идут с оружием в руках с четырех сторон света".

Мы, конечно, несем вахту из боевой рубки; там, во всяком случае, сухо, но что касается того, чтобы что-то увидеть, то с таким же успехом можно смотреть через маленькое стеклянное окошко внутри волнореза! Спать до 4 утра

Самый невыгодный день. Я жалею о каждом дне вдали от Зои, когда мы ничего не делаем. Сегодня утром, около полудня, шторм утих, но сильное волнение на море продолжало нарастать.

В 2 часа дня мы увидели самое дразнящее зрелище. В поле зрения появился большой танкерный пароход длиной 600 футов и водоизмещением, вероятно, 17 000 тонн, который дрейфовал в сопровождении двух эсминцев. Атаковать из орудия было невозможно, так как мы могли держать открытой боевую рубку только кормой к морю, и в любом случае два эсминца препятствовали любым работам на поверхности. Мы попытались перейти в атаку, но не заметили ее вовремя, и лучшее, что мы могли сделать, это подойти ближе чем на 3000 ярдов, на

такой дистанции было бы абсурдно тратить торпеду впустую, шансы попасть были 100 к 1, даже если бы торпеда правильно прошла в море, которое было открыто.

Я хорошо рассмотрел ее в передний перископ между волнами, и меня свело с ума, что вся эта нефть, несомненно, из Тампико для Гранд Флита, благополучно проплывает мимо. Эсминцам приходилось несладко, они падали в море, как морские свиньи, их трубы были белыми от соли, а мостики окутаны пеленой воды и брызг. Они и не подозревали, что всего в миле от них, среди вздымающихся гребнями волн, за ними наблюдает немецкий глаз!

Нет сомнений, что у этих проклятых британцев есть мужество, потому что это была последняя погода, при которой можно было ожидать встретить эсминцы в море, и все же я полагаю, что они делают это всю зиму.

В конце концов, можно было бы ожидать, что они будут крепкими парнями - они тевтонского происхождения, - хотя по их поведению можно было бы предположить, что Творец создал англичанина, а затем Адама.

Будем надеяться, что завтра у нас будет приличная погода. Я только что освежил свою память, прочитав то, что написал в книге о дне в лесу с очаровательной девушкой. Есть изысканное удовольствие переносить разум в такие воспоминания о прошлом, когда тело находится в таком окружении, как настоящее, если бы только я мог заставить себя мечтать о ней!

Прекрасный день во всех смыслах этого слова. Погода была и остается превосходной, и я присутствовал при моем первом погружении. Это было до абсурда банально. Сегодня в 10 часов утра столб дыма пополз вверх от южного горизонта.

Фон Вайсман держал курс на поверхность, пока не показались две мачты и верхушка воронки. Мы нырнули и медленно двинулись под водой южным курсом.

Прошло полчаса, и фон Вайсман подвел лодку на перископную глубину и осмотрелся. Он позвал меня прийти и посмотреть, и я с готовностью принял это приглашение.

С естественным волнением я посмотрел в перископ и увидел ее, бессознательно бредущую навстречу своей гибели, как жирная овца.

Это был пароход (британский) водоизмещением около 4000 тонн, шедший домой со стабильной скоростью десять узлов, но ему было суждено прийти к своему последнему месту швартовки раньше запланированного срока!

Мы опустили перископ, и я пошел вперед, к трубам. Прошло пять минут, и зазвонил сигнал приемного устройства, стрелка переключилась на "Приготовиться". Я лично снял предохранительный штифт с ударно-спускового механизма и поставил повтор на "Готово". Повисла затаившая дыхание пауза, затем началось легкое сотрясение и разрушение, в то время как по углу наклона лодки я понял, что Вайсман опускает нас на несколько метров.

Это показывает его хладнокровие, он даже не потрудился проследить за своим ударом.

Я с тревогой слежу за секундной стрелкой своего секундомера. Вайсман сказал мне, что дистанция будет около 500 метров-30 секунд-31-32-33- он промахнулся?-34-35-3- По воде

доносится глухой грохот, и вся лодка сотрясается. Ура! мы попали, и по голосовой трубе раздается команда "Поверхность".

Слышен бодрый голос вентилятора, откачивающего воду из баков; я бегу в боевую рубку и поднимаюсь по трапу вслед за Вайсманом. Наконец я на мостике. Вот и она! Что за зрелище!

Я чувствую, что никогда не забуду, как она выглядела, хотя, если все пойдет хорошо, я увижу, как еще много прекрасных кораблей уйдет в могилу.

Но она была моей первой; я испытал то же чувство, когда мальчишкой подстрелил свою первую косулю в Шварцвальде: в одно мгновение это было живое существо, прекрасное до совершенства, а в следующее мое ружье заговорило, и под прекрасными деревьями лежала окровавленная туша. Так и с этим кораблем. Я моряк, и для каждого моряка каждый корабль, который плавает, имеет, так сказать, душу, личность, сущность; продолжая аналогию, торговое судно похоже на какое-нибудь жирное полезное животное, быка, корову или овцу, в то время как военный корабль - это лев, если это линкор, леопард, если это легкий крейсер, и т.д.; Во всех случаях достойная добыча.

Но на войне мало пользы от сентиментальности! и в своей обычной блуждающей манере я вижу, что отклонился от темы и совершенно забыл, как она выглядела на самом деле.

То, что я увидел, было вот что:

Я увидел, что пароход получил пробоину в носовой части по правому борту. Верхняя часть форштевня опустилась почти до уровня воды, очевидно, передний трюм быстро заполнялся. Ее корма высоко торчала из воды, красный флаг Англии бессильно трепетал на флагштоке. Ее пропеллер, который все еще медленно вращался, рассекал воду, и это усиливало впечатление, что я наблюдаю за борьбой умирающего животного. Пропеллер вращался судорожными рывками, как я полагаю, из-за того, что быстро спадающий пар лишь с усилием выводил рукоятки из их мертвых точек.

Шлюпку поспешно спускали с двух шлюпбалок рядом с трубой с одной стороны, но когда она была полна людей и, из-за угла наклона судна, сильно опустилась носом, кто-то на борту отпустил переднюю часть, иначе она сломалась, потому что нос лодки опустился вниз, и полдюжины фигур в гротескных позах упали в море. Несколько секунд лодка раскачивалась взад-вперед, как маятник.

Когда она остановилась, свисая вертикально вниз с кормы, я заметил, что несколько человек все еще цеплялись, как мухи, за ее поручни. Поистине, все лучше, чем Атлантический океан зимой. Между тем, судя по внешним признакам, корабль перестал тонуть.

Я упомянул об этом фон Вайсману, который стоял рядом со мной с легкой улыбкой на лице, несомненно, удивленный тем рвением, с которым я наблюдал за каждой деталью этой, для меня новой трагедии. Он ответил мне, что мне не о чем беспокоиться, что судно поддерживается воздушным шлюзом где-то впереди, что вода медленно проникает в него и его котлы, вероятно, скоро выйдут из строя.

Этот замечательный человек был абсолютно прав.

Был интервал примерно в пять минут, в течение которого другая лодка, очевидно, успешно спущенная с другого борта, обошла ее корму, подобрала одного или двух человек из воды, а также собрала выживших в подвешенной лодке; затем пароход внезапно погрузился еще на два фута, раздался глухой грохот, как от падения с высоты тяжелого оборудования, приглушенный хлопок, облако пара и дыма, чавкающий звук, а затем в воде образовалась лужа, посреди которой продолжали всплывать странные куски дерева и другой плавучий мусор. Больше ничего!

Нет! Я ошибаюсь, там были еще две вещи: подводная лодка, олицетворявшая мощь Германии, и китобоец, на борту которого находилось около двадцати человек, олицетворявший тяжелое положение Англии!

Когда она уходила, я почувствовал себя притихшим и торжественным, это был впечатляющий момент; у невозмутимого Вайсмана вырвался легкий смешок; он видел, как уходили слишком многие, чтобы придавать этому большое значение, и он отдал приказ переложить руль, чтобы мы могли приблизиться к китобою.

Они были ужасно переполнены и были заняты попытками привести себя в какое-то подобие порядка. Мы проехали мимо них в 50 ярдах, и Вайсман, схватив свой мегафон, крикнул по-английски: "До свидания! держи курс на запад, в Америку!" Холодный ужас сжал мое сердце. Это был ужасный момент. Я не осмеливаюсь описать мысли, которые пришли мне в голову.

Я отвернул голову и посмотрел на корму, чтобы он не видел моего лица; оглянувшись, я увидел, что китобойное судно опасно раскачивается на нашей отмели, а затем на его корме произошла суматоха, из которой поднялся огромный бородатый мужчина и, погрозив кулаком в нашу сторону, что-то крикнул, прежде чем его товарищи стащили его вниз.

Фон Вайсман услышал, и его губы сжались. Я затаил дыхание в напряжении, но он, очевидно, решил отказаться от того, что собирался сделать, потому что, отдав приказ: "Курс на север! десять узлов", - он спустился вниз.

Я оставался на палубе, наблюдая в бинокль за быстро удаляющимся китобоем, пока он не превратился в крошечную точку - один в океане, в 150 милях от суши, затем поднялся штурман, и со странно смешанным чувством ликующей радости и гнетущей печали я спустился вниз.

Фон Вайсман был в кают-компании. Я незаметно наблюдал за ним. Он напевал себе под нос какую-то мелодию и только что закончил ставить зеленую точку на диаграмме. Сделав это, он откинулся на спинку дивана и закрыл глаза - странный, неразрешимый человек!

Долгие часы я не мог забыть этот китобой; я вижу его сейчас, когда пишу. Полагаю, я привыкну ко всему этому. Что бы сказала Зои?

Самое замечательное в человеке то, что он может выдержать напряжение современной войны, изобретенной им самим!

Я довольно устал сегодня вечером, но должен просто кратко изложить то, что произошло сегодня, поскольку в светлое время суток никогда не бывает свободного времени.

Вскоре после рассвета, около 8 часов утра, мы заметили довольно большой пароход водоизмещением около 3000 тонн, который мы потопили, но я не могу сказать, как он выглядел и спасся ли кто-нибудь, поскольку мы вообще так и не всплыли на поверхность, фон Вайсман заметил дым на западном горизонте как раз в тот момент, когда врезался в него. Соответственно, мы двигались в этом направлении. Однако, я думаю, что она пошла почти сразу, когда фон Вайсман поставил точку (черную) на графике, когда мы приближались к номеру 3.

Я очень хотел узнать, есть ли кто-нибудь в живых, но тогда мне не хотелось спрашивать его, и с тех пор он был в таком адском настроении, что у меня не было подходящей возможности.

Причина его ярости была следующей:

Пароход номер 3 оказался прекрасным толстяком (по Клановой линии, сказал фон Вайсман, когда мы впервые увидели его). Мы перешли в атаку и открыли огонь из нашей левой носовой трубы. Я тщетно ждал у труб ожидаемого взрыва - ничего не произошло, но через пару минут из переговорной трубки донеслось рычание: "Поверхность, ОРУДИЙНЫЕ ПОСТЫ!"

Я побежал на корму и увидел, что капитан побелел от ярости.

- Промахнулся вперед! - сказал он с сильным чувством. - Мне придется воспользоваться этим проклятым пистолетом.

Примерно через три минуты мы с капитаном были на мостике, а команда заняла свои места вокруг орудия.

Впервые я увидел корабль; он был за кормой и, по-видимому, раскрашен в черно-белые полосы. Когда я рассматривал ее в бинокль - она находилась на расстоянии около 3000 ярдов - я увидел вспышку у ее борта, и несколько секунд спустя снаряд просвистел над головой и упал примерно в 6000 ярдах от меня. "Значит, она вооружена, - подумал я, - и действительно первой открыла по нам огонь".

Эффект этой неожиданной реплики со стороны англичанина заключался в том, что Вайсман впал в пароксизм ярости.

"Почему ты не стреляешь? Какого дьявола вы ждете?" и т.д. и т.п. - вот некоторые из замечаний, которые он бросил в адрес орудийного расчета.

Я не считал целесообразным упоминать ему, что они, вероятно, ждали его приказа открыть огонь, а также его приказов относительно дальности и отклонения, поскольку я представлял, что здесь, как и везде, артиллерийским огнем управляет офицер. Очевидно, на этой лодке это не так, поскольку Вайсман проявляет настолько мало интереса к своему оружию, что делает вид, что ничего не знает об элементах контроля за оружием, или же на самом деле так и есть.

Во всяком случае, под ударами его языка орудийный расчет вскоре приступил к делу, и наводчик взял командование на себя. Наш первый бросок был коротким, очень значительным, как и второй. Тем временем пароход поддерживал очень похвально контролируемую скорострельность, дважды обойдя нас, но промахнувшись из-за отклонения, что было естественно, учитывая, что мы были на носу у него.

Я чувствовал себя полностью в своей стихии, слушая многозначительный вой вражеского снаряда, перемежаемый оглушительным грохотом нашего собственного орудия. Вайсман, вцепившись в поручень обеими руками и, к моему удивлению, пригнувшись, когда один из них пролетел над головой, наблюдал за целью с застывшим выражением лица, но не сделал ни малейшей попытки контролировать наш ружейный огонь, который был далеко не похвальным, как это неизбежно, когда отдан на милость низшего интеллекта моряка.

Однако на десятом или одиннадцатом раунде мы попали ей в верхнюю часть туловища, о чем свидетельствовала яркая красно-желтая вспышка возле ее воронки. Это ни в малейшей степени не остановило ее стрельбу или скорость, на самом деле казалось, что она догоняет нас. Она также начала слегка делать зигзаги и бросать за борт дымовые шашки, которые, с ее точки зрения, были не так эффективны, как я предполагал.

Так продолжалось несколько минут. Мы только что во второй раз попали в корму, хотя стрельба была настолько отвратительной, что я уже собирался спросить, могу ли я выполнять обязанности офицера управления, когда раздалась ослепительная вспышка и воздух, казалось, наполнился стонущими осколками. Когда я оправился от облегчения, вызванного тем, что лично я не пострадал, я заметил, что двое из расчета орудия были ранены, а один лежал, либо убитый, либо серьезно раненный, на кожухе. Мы были поражены в корпус, далеко впереди, и, как впоследствии было доказано, когда мы нырнули, лодке был причинен небольшой материальный ущерб.

Этот успех противника привел к временному прекращению огня. Двое раненых осторожно пробирались на корму к боевой рубке, и я позвал двух кочегаров, чтобы они поднялись и унесли третьего, когда фон Вайсман внезапно отдал приказ нырять. Расчет орудия сразу же бросился в боевую рубку и в мгновение ока оказался в люке, один из раненых потерял сознание внизу.

Я не знал о причине этого приказа погрузиться и подумал, что, возможно, капитан заметил перископ. Когда я повернулся, чтобы первым спуститься в люк боевой рубки, я отчетливо увидел, как человек, лежащий у орудия, поднял руку. Я почувствовал, что не могу оставить его там, и инстинктивно воскликнул: "Он все еще жив!" Но фон Вайсман, который призывал команду поторопиться спуститься в люк, нажал кнопку тревоги погружения, как только последний матрос наполовину высунулся в люк.

Я знал, что это означало, что лодка окажется под водой через 30-40 секунд, поэтому у меня не было другого выхода, кроме как как можно быстрее спуститься в люк.

Я неохотно подчинился, и фон Вайсман последовал за мной в верхнюю боевую рубку.

Я заставил себя не выглядывать из люков боевой рубки в течение нескольких секунд, пока корпус медленно уходил под воду, пока, наконец, в каждом маленьком окошке не осталось ничего, кроме колышущейся зеленой воды. Я боялся, что, если бы я посмотрел, то увидел бы раненого человека, пришедшего в движение от холодного прикосновения Атлантики. Возможно, фон Вайсман прочитал мои мысли, или же он вспомнил мое замечание относительно этого человека, потому что он повернулся ко мне и ровным голосом сказал:

- У вас есть какие-нибудь сомнения в том, что он был мертв?

Я на мгновение заколебался, и он продолжил:

- По моему указанию вы не сомневаетесь. Он*был*!

Насколько жестока война и каким совершенным представителем искусства проявляет себя Капитан! Для меня жизнь - это жизнь, частица божественного; для него жизнь - это единица, а наполовину искалеченный и, вероятно, умирающий моряк - ничто на чашах весов, когда на карту поставлена безопасность подводной лодки. Моряки исчисляются десятками тысяч, подводные лодки - десятками. Пароход попал в нас один раз, к счастью, только в корпус, второе попадание вполне могло пробить прочный корпус, и наша судьба в этих водах была бы предрешена. Поэтому, суммировав все это и уравновесив в уме, он нырнул, и моряк погиб.

Оказавшись под водой, фон Вайсман казался более невозмутимым, и, если я не ошибаюсь, он никогда не бывает по-настоящему счастлив на поверхности, по крайней мере, в действии. Он настоящий водяной крот.

День, полный интереса, хотя мне снова пришлось заставить себя погрузиться в ужасы войны. Я представляю, что сейчас переживаю опыт новоприбывшего на Западный фронт, который испытывает желание содрогаться при виде каждого трупа.

Сегодня в 10 часов утра мы заметили верхние паруса парусной лодки на юго-западе. Закрыв ее на поверхности, мы приблизились примерно на 6000 метров, когда внезапно фон Вайсман приказал "Установить орудия по местам".

Орудийный расчет, кувыркаясь, поднялся наверх, но недостаточно быстро, чтобы удовлетворить его, потому что, когда они собирались у орудия, он отдал приказ погрузиться, правда, только опустив ее на перископную глубину, прежде чем немедленно отдать приказ всплыть, а затем снова "Занять боевые позиции". На этот раз мы открыли огонь по судну, которое было норвежским барком и, находясь в запретной зоне, могло быть уничтожено.

Фон Вайсман объявил накануне вечером, что при первой возможности он даст "этому ... орудийному расчету полную тренировку", и он, безусловно, это сделал. Как только прозвучал первый выстрел, она подняла марсель, и когда наш четвертый выстрел поразил ее где-то у подножия фок-мачты, было видно, как ее команда поспешно покидает свой корабль.

Это действие с их стороны никак не повлияло на фон Вайсмана, который лично встал за штурвал, и, когда двигатели работали на трех четвертях оборотов, он двигался зигзагами, чтобы затруднить управление орудием. Время от времени он отпускал насмешки в адрес команды, например, предлагал им вернуться на флот Открытого моря и научиться стрелять.

Парусник вскоре загорелся, потому что, учитывая обстоятельства, стрельба была очень честной, хотя, если бы я контролировал ее, я мог бы с уверенностью гарантировать лучшие результаты. Когда она красиво загорелась спереди и сзади, фон Вайсман приказал прекратить тренировку и отправил команду вниз. Затем он приказал взять курс на юг, скорость десять узлов, и я заступил на вахту.

Полтора часа спустя, когда навигатор произнес заклинание, черное облако на северном горизонте обозначило погребальный костер еще одной нашей жертвы. Когда я спустился вниз, капитан только что закончил играть со своей драгоценной старой картой.

Прошлой ночью в 2 часа ночи мы получили сообщение из Гельгоlanda с просьбой немедленно возвращаться; сейчас 2 часа ночи, и мы приближаемся к грозному заграждению в Дувре. Сегодня у нас не было проблем с подъемом по каналу, который кажется на удивление пустым, по крайней мере, в середине канала, где мы находились.

Мы вернулись около трех часов назад, и поскольку я был временно назначен на судно, фон Вайсман любезно разрешил мне покинуть его и приехать в Брюгге, как только мы разместимся в убежищах в Зебрюгге.

Я поднялся сюда как раз к позднему ужину. Утолив голод, я удалился в свою комнату и, само собой разумеется, сразу же позвонил моей дорогой Зое.

По милости providения она была дома, но представьте себе мои ощущения, когда я услышал, что эта проклятая свинья полковник тоже вернулся с фронта и его ждут в квартире с минуты на минуту, поскольку, как она думала, он был занят послеобеденными попойками в клубе офицеров кавалерии. Я мог только стонать.

Смех на другом конце провода довел меня до бешенства, мгновенно успокоенный ее успокаивающим тоном, когда она сказала мне, что я был бы рад услышать, что он всего лишь вернулся с Соммы в четырехдневный отпуск и возвращается на следующее утро эшелонам с войсками в 8 утра. Рада! Я готова была танцевать от радости. Я снова перевела дыхание.

Поскольку возвращения полковника ожидали с минуты на минуту, она сочла целесообразным прекратить разговор, что было сделано с явной неохотой с ее стороны, по крайней мере, я так себе льщу.

Он уезжает завтра, пока все идет хорошо, но что будет с промежуточным периодом?

Можно ли представить себе более утонченную пытку, чем то, что я, любящий ее так, как люблю собственную душу, вынужден сидеть здесь, в то время как едва ли в миле от меня, вероятно, в этот самый момент, когда я пишу, это грубое животное удостоено чести целовать ее, смотреть на нее, ... о! это невыносимо. Когда я думаю об этом борове, потому что, хотя я никогда его не видел, я видел его фотографию, и я инстинктивно понимаю, что он *is* грубый, только что, как она говорит, выпивший, ему следует в этот момент позволить поднять свои свиные глазки и заглянуть в эти великолепные колодцы фиолетового света; когда я думаю, что ему выпала честь видеть эти массы черных волос, ниспадающих в безудержном великолепии, тогда я в полной мере понимаю глубокое удовольствие убийства.

Я бы все отдал, чтобы уничтожить этого человека, и мог бы пожать руку англичанину, который выпускает разящую пулю!

Спокойно! Спокойно! Что я пишу? Нет! Я серьезно, каждое слово. И все же из всех загадок, а для меня Зои - одна из них, несомненно, самая странная из всех кроется в вопросе: почему она живет с ним?

Она не любит его, она практически сказала мне об этом. На самом деле, я знаю, что не любит. Позвольте мне рассуждать логически. Она живет с ним, добровольно или невольно. Предположим, что это добровольно, тогда ее причинами должны быть (а) Любовь; (б) увлечение; (в) какая-то тайная причина. Если она живет с ним вынужденно, это должно быть: (d) Он имеет над ней власть; (е) по финансовым причинам.

Я сразу вычеркиваю пункты (а) и (е), поскольку в случае с (е) она хорошо знает, что я обеспечу ее, и (а) я отказываюсь признавать, (б) вряд ли заслуживает доверия - я исключаю это. У меня остаются (с) и (d), которые могут быть одним и тем же. Но какую власть он может иметь над ней; у нее не может быть прошлого, она слишком молода и мила для этого.

Я должен выяснить это до того, как снова выйду в море.

Три дня назад я ломал голову над решением одной проблемы, и, как я вижу из того, что я написал, я был несколько не в себе. За это время события приняли удивительный оборот. Я все еще в замешательстве, но я должен рассказать все с самого начала.

Полковник ушел, как она и сказала, и я пошел с ней пообедать.

У нас был восхитительный *разговор тет-а-тет*, а после обеда она сыграла на пианино. Я чувствовал себя великолепно, и она в совершенстве аккомпанировала мне в "В лесу" Чайковского, всегда моей любимой. Когда отзвучали последние аккорды, Зои вскочила из-за пианино и, с глазами, пляшущими от возбуждения, положила руки мне на плечи и воскликнула:

- Карл! У меня есть идея! Я возьму тебя в плен на два-три дня.

Я от души рассмеялся и чуть было не сказал ей, что она уже сделала меня пожизненным пленником, только я никогда не могу высказаться достаточно быстро.

Но когда она сказала: "Нет! Я не шучу, я серьезно", я почувствовал, что в ее предложении больше смысла, чем мне показалось сначала. Я умолял просветить меня, и тогда она раскрыла свой план.

Она впервые рассказала мне, что в лесу недалеко от Брюгге у нее был маленький летний домик, в который она обычно уезжала на выходные в жаркую погоду, когда полковник был в отъезде. Он ничего не знал об этом загородном доме (она была очень настойчива в этом вопросе), поэтому я предположила, что она заплатила за него из своих карманных денег на платье или каким-то другим способом. Идея, которая только что пришла ей в голову, заключалась в том, что ей внезапно захотелось поехать и провести там два дня, и я должен был поехать с ней.

Я был готов поехать с ней в Африку, если позволит мой отпуск, и так случилось, что мне предстоял четырехдневный заграничный отпуск (ограниченный территорией Бельгии), так что это очень подходило, и я сказал ей об этом.

Затем она пришла в восторг, проявив одну из тех быстрых интуиций, которыми так наделены женщины, она прочитала наполовину сформировавшуюся мысль в моей голове и сказала: "Ты не должен думать, что это будет необычно; старая Бабетта будет с нами, чтобы сопровождать

меня". Старая Бабетта - пожилая женщина, которую она называет своей горничной. Я думаю, она ревнует меня.

Я сразу согласилась, что, конечно, я прекрасно понимаю, что это должно быть в высшей степени условно и т.д., Хотя я улыбнулась про себя, представив потрясенное лицо моей матери и поднятые руки, если бы она услышала идеи моей Зои относительно условностей.

Я пытался понять, что скрывалось за всем этим, когда она заметила: "Конечно, как мой пленник, ты должен будешь подчиняться всем моим приказам".

Я ответил, что это, безусловно, так.

"И первое, - продолжала она, - что случается с пленным, когда он проходит через линию фронта, - это то, что у него завязаны глаза, и точно так же я не дам вам знать, куда вы направляетесь".

Заметив сомнение в моих глазах, когда я пытался уловить основную идею, если таковая вообще была, этой истинно женской фантазии, она внезапно подошла ко мне и, подняв на меня глаза, прошептала: "Ты мне не доверяешь?"

Через мгновение моя страсть вспыхнула с новой силой, и я осыпал ее лицо горячими поцелуями, пока она пыталась высвободиться из моих объятий.

Когда я ушел в тот вечер после ужина и, выйдя на свежий воздух, вернулся в Столовую, было условлено, что я буду в ее квартире со своим чемоданом в 6 часов вечера следующего дня, готовый, по ее собственным словам, "исчезнуть со мной на 48 часов".

Она назвала мне адрес в Брюгге, который, по ее словам, перешлют любой телеграммой, если меня вызовут, и мне пришлось этим удовлетвориться, поскольку с таким же успехом я могу сказать здесь, что я так и не узнал, куда я поехал, и до сих пор не знаю, в какой части Бельгии я провел последние две ночи.

Сначала я пытался это выяснить, но поскольку она, очевидно, придавала некоторое значение сохранению в секрете местоположения своего лесного убежища, вероятно, чтобы обойти полковника, я вскоре оставил попытки выведать у нее секрет и удовлетворился тем, что принимал все как есть.

Продолжая мой рассказ о том, что произошло - который был действительно настолько замечательным, что я предлагаю записать его в деталях, насколько это возможно, по моей памяти, - на следующий день в 6 часов вечера я, естественно, был у нее дома, чувствуя себя так, словно нахожусь на пороге приключения.

Зои была взволнована, в квартире царил беспорядок, поскольку, по-видимому, она только начала собирать свой несессер.

Вскоре после шести мы спустились вниз и сели в большой автомобиль Mercedes, который я заметил стоящим снаружи, когда приехал. Вскоре мы были в пути и покинули Брюгге у Восточного барьера; мы предъявили свои пропуска и направились в темную сельскую местность. Мы пробежали около мили, когда она заметила: "Теперь заключенным будут завязаны глаза!" - и, к моему удивлению, надела мне на голову маленький черный шелковый мешочек.

Я был так поражен, что не знал, злиться мне, или смеяться, или что делать. В конце концов я ничего не предпринял и, войдя в дух игры, заявил, что даже несчастный заключенный имеет право не быть задушенным, после чего она приподняла нижнюю часть мешка и открыла мне рот. Вскоре после этого я был наэлектризован, почувствовав прикосновение пары мягких губ к моим, ощущение, которое повторялось через частые промежутки времени, и, когда я прошептал ей на ухо, в этих условиях я был готов оказаться пленником в пасти ада.

Это приятное путешествие длилось около трех четвертей часа, когда с меня сняли маску и сообщили, что я нахожусь "в тылу врага"! Через окна машины я смутно видел, что по обе стороны от меня проносилась кажущаяся бесконечной масса елей. Такое положение дел продолжалось примерно с километр, когда мы свернули направо и вскоре вышли на большую поляну в лесу, на одной стороне которой стоял дом. Бабетта, Зои и я вошли в здание, и машина исчезла, предположительно возвращаясь в Брюгге.

Дом, построенный из бревен, был двухэтажным; на первом этаже находились две гостиные и владения Бабетты, которая, помимо прочих своих достоинств, оказалась не только самой способной камердинеркой, но и первоклассной кухаркой. На втором этаже были две большие комнаты. Весь дом был обставлен на манер охотничьего домика, с оленьими головами на стенах и шкурами на полу. В гостиной стояло пианино и несколько гравюр Шаффейна с изображением дикого кабана.

Я переоделся к ужину в свой "смокинг", хотя при обычных обстоятельствах считал бы это несколько формальным, но я был рад, что поступил так, потому что она появилась в полном вечернем *облачении*. На ней было фиолетовое платье, а на лбу черная атласная повязка с буквой Z, украшенной бриллиантами. Он, должно быть, стоил две тысячи марок, и я с тупой завистью подумал, не подарил ли его ей полковник.

Я не помню, о чем мы говорили за ужином. У нас сотни общих тем, и мы смотрим на многие аспекты мира одними и теми же глазами; я знаю только, что после того, как я поговорил с ней некоторое время - для меня нет точного измерения времени, когда я с ней, - я покидаю ее присутствие с чувством "завершенности". Я чувствую, что своего рода пробел внутри моего существа был заполнен, что духовный голод был удовлетворен, что я получил что-то, чего я хотел, но для чего я не мог бы сформулировать это желание словами. Я решил, что в этот первый вечер доведу дело между нами до конца и положу конец этой восхитительной, но невыносимой неопределенности относительно наших отношений; и все же, когда старая Бабетта подала нам кофе в гостиной, как я называю вторую гостиную, и мы остались наедине, я не смог поднять эту тему. Отчасти потому, что, я думаю, она помешала мне сделать это, искусно переведя разговор в другое русло с искусством, которым Бог наделяет всех женщин, а также отчасти потому, что я не смог выкрутиться до конца. Я не мог или, скорее, не хотел испытывать судьбу. У меня было предчувствие, что, достигнув вершины, я могу упасть со склона. Увы! насколько верным было это предчувствие в некоторых смыслах - но я сохраню все в правильном порядке.

Хочу только отметить, что, когда она поцеловала меня на ночь (с материнской нежностью) и оставила выкуривать последнюю сигару, я ничего не сказал и мог только удивляться странной судьбе, которая оставила меня практически наедине с девушкой, в которую я глубоко влюбился и которая, казалось, любила меня, но часто вела себя так, как будто я был ее братом.

На следующий день мы были как двое детей. На земле лежал глубокий снег, и ели стояли вокруг поляны, как тысячи часовых в серой униформе. Однажды днем, когда я с помощью Зои яростно рубил дрова для костра, жужжащий звук заставил меня поднять глаза и увидеть в тысячах метров над головой небольшую эскадрилью самолетов, очевидно направлявшихся на Западный фронт, медленно плывущую по небу. Я подумал, как неловко было бы им, если бы у них отказал двигатель над лесом, хотя они были так высоко, что, я полагаю, могли бы пролететь десять километров, и поскольку я думаю (но я не уверен, и я пообещал себе не пытаться выяснить), что мы были в лесу Монтеллан, ширина которого едва достигает пятнадцати километров, я полагаю, что они могли упасть прямо с деревьев.

На самом деле, я предполагаю, что они воспользовались бы нашей поляной - я рад, что они этого не сделали.

В тот вечер после ужина она сыграла мне сначала Бетховена, а потом Шопена. Я вижу ее, пока пишу; она только что закончила 14-ю прелюдию и, подперев подбородок рукой, загадочно улыбнулась мне.

Настал час, и, движимый сильным порывом, я заговорил. Я сказал ей, что люблю ее так, как никогда не думал, что мужчина может любить женщину; я сказал ей, что страстно желаю защитить ее и, прежде всего, вырвать из лап этого звероподобного полковника, и когда я склонился над ней и почувствовал, как мои чувства купаются в тонком аромате ее духов, я страстно умолял ее произнести слово, которое дало бы мне право сражаться со всем миром от ее имени.

Когда я закончил, она долго молчала, и я отчетливо помню, что мне стало интересно, слышит ли она стук! стук! стук! о моем сердце, которое, казалось моему взволнованному разуму, билось с силой молота.

Наконец она заговорила; с ее губ медленно слетели два слова:

- Я не могу.

Я не был обескуражен. Я мог видеть, я мог чувствовать, что бушевала ужасная борьба, внешние признаки которой были скрыты ее опущенной головой.

Наконец я прямо спросил ее, любит ли она меня. Ее молчание дало мне ответ, и я заключил ее податливое тело в объятия и целовал до безумия. О, эти поцелуи, какими-то горькими они кажутся мне сейчас, и все же как я жажду обнять ее еще раз. Ибо, высвободившись из моих объятий и говоря почти механически, она сказала:

- Карл! Я должна тебе сказать. Я не могу выйти за тебя замуж.

Я умолял, я молился, я спорил, я требовал. Все было напрасно; я всегда наталкивался на непоколебимое "Я не могу".

А потом я рухнул в пропасть, к краю которой шел вслепую. Я в сотый раз повторил: "Но ты же знаешь, что любишь меня", - когда она, всхлипнув, отбросила всякую сдержанность и, обвинив руками мою шею, умоляла меня взять ее. Затем, когда я перевел дыхание, она быстро сказала, словно испугавшись, что зашла слишком далеко: "Но я не могу выйти за тебя замуж".

Я посмотрел в эти прекрасные глаза и впервые все понял. Возможно, секунд десять я боролся за свою душу и чистоту нашей любви; затем, оторвав взгляд от этих глаз, которые могли бы заманить архангела на погибель, я снова стал хозяином своего тела. По мере того как росла моя решимость, я ненавидел ее за этот поступок, который в одно мгновение разрушил надежды многих месяцев, идеалы, на которых я начал заново строить свою жизнь.

Она почувствовала перемену и оставила меня.

Выходя за дверь, она бросила на меня последний взгляд, взгляд, в котором любовь боролась со стыдом, взгляд, который ни один мужчина никогда не заслужил права получить ни от одной женщины.

Но я был подобен мраморной статуе, ошеломленный этим бедствием.

Когда дверь за ней закрылась, я шагнул вперед - было слишком поздно.

Если бы она подождала еще мгновение - но здесь я пишу о том, что произошло, а не о том, что могло бы быть.

Я не спал в ту ночь, пока рассвет не начал отделять каждую ель от черной массы леса. Дважды за ночь, со стыдом признаюсь в этом, я открывал дверь и выглядывал в маленький коридорчик; и дважды я закрывал дверь и бросался на кровать в агонии мучения. Было десять часов, когда меня разбудил стук в дверь, и солнечный свет, проникавший через оконное стекло, рисовал узоры на полу.

На столе для завтрака лежала записка, но еще не открыв ее, я понял, что, если не считать Бабетт, в доме я один.

Записка была короткой, без адреса и подписи. Она лежит передо мной; я хотел разорвать ее, но не могу. Хранить это - слабость, но я так много потерял за последние несколько дней, что не пожалею ни малейшей частички того, что было. В записке говорится:

- Я уезжаю в Брюгге в половине девятого, когда была заказана машина, чтобы забрать нас обратно. Я еду одна. Бабетта накормит тебя завтраком. Машина вернется за вами в одиннадцать часов. Я полагаюсь на вашу честь в том, что вы не заметите, где вы были. Приходи ко мне, когда я тебе понадобится, а до тех пор прощай".

Все было так, как она сказала, и я с честью выполнил ее просьбу. Сегодня днем, как раз перед обедом, я прибыл в Брюгге и после чаепития попытался записать, что произошло с тех пор, как я уехал позавчера. О! как она могла это сделать, как это возможно, что она такая женщина? Я мог бы поклясться, что она не была такой - и все же, как я могу объяснить ее жизнь с полковником? Должна быть какая-то причина, но, ради всего святого, какая?

А пока я должен идти к ней, когда захочу! И тогда я смогу назвать ей свое имя. Но о! Зои, я хочу тебя сейчас, так сильно, о! так сильно!

Я видел ее однажды сегодня в саду, она гуляла одна.

Я сказал секретарше Макса, что хочу выйти в море; быть здесь, в Брюгге, и не видеть ее - это больше, чем я могу вынести.

Я отплываю завтра на рассвете. Увижу ли я ее? Нет, лучше не надо.

Ужасный шум во время празднования Нового года сегодня вечером. Шампанское льется рекой в столовую. Я чувствую, что 1917 год начинается для меня неудачно.

Вайсман также снова вышел в море для короткого плавания в проливе Ла-Манш и не появлялся в течение пяти дней. Возможно, он слишком часто пренебрегал заградительным огнем в Дувре. Если это так, то это большая потеря для службы: он был человеком железной решимости в подводных атаках.

Я чувствую, что должен презирать Зою, но я не могу. Я слишком сильно люблю ее; в конце концов, не облачаюсь ли я в одеяние фарисея?

Она предложила мне все, что у нее было, кроме одной вещи, о которой я просил, без которой я ничего не возьму. Я не могу согласовать ее поведение с ее характером; почему она не может доверять мне? почему она не может быть откровенна со мной? Я не поверю, что она из таких.

Я чувствую, что не могу снова уйти без знака - я могу не вернуться, и я не оставлю ее, возможно, навсегда, с этой горечью между нами.

Снова в море в U.C.47. Альтен угрюм, как всегда.

В конце концов я решила написать Зое, но не знала, что сказать. В конце концов я сказала больше, чем намеревалась. Я откровенно сказал ей, что испытал шок, но что я не хотел показаться таким холодным и что то, что я сделал, было сделано ради нас обоих. Я сказал ей, что все еще люблю ее, и еще раз умолял оставить полковника и приехать ко мне в качестве моей жены.

Я уже жажду узнать, какое послание ждет меня по возвращении.

Этого не будет в течение трех дней. Сегодня утром мы вышли на рассвете, чтобы заминировать пролив Харвич-Харбор; гнездо, из которого, как осы, с жужжанием прилетают и вылетают подводные лодки, крейсера и эсминцы. Это будет щекотливая работа.

На дне.

Наши шахты все еще с нами, но и наши жизни тоже, а это уже кое-что.

Сегодня в 6 часов утра мы приближались к назначенному месту, когда без малейшего предупреждения был замечен след торпеды, приближающийся к нам примерно в 50 ярдах по правому борту.

Прежде чем Альтен (который был со мной на мостике) смог сделать что-то большее, чем нажать кнопку аварийного отключения, гусеница встретила наш таран. Я снова перевел дыхание, и тут клятва Альтена напомнила мне, что лодка ныряет.

Было очевидно, что нас спасло только то, что торпеда прошла глубоко под срезанной частью нашей носовой части, в противном случае! - Что ж, клубок моих дел был бы легко распутан.

Дальнейшая процедура на поверхности была самоубийственной, и мы продолжали гидрофонное патрулирование, дважды услышав шум моторов вражеской подводной лодки. В данный момент мы находимся на дне, ожидая, чтобы подняться и атаковать сегодня ночью, а завтра на рассвете заложить мины.

Лежу на дне в 28 метрах и чувствую себя не слишком комфортно, поскольку над головой, похоже, около дюжины эсминцев.

Прошлой ночью, или, скорее, рано утром, я стал участником одного из самых экстраординарных инцидентов, о которых я когда-либо слышал.

Когда я заступил на смену в 4 часа утра, была кромешная тьма, и свежий бриз поднял бурное море, которое покрыло мостик брызгами. Мы заряжали по 400 ампер на каждом, намереваясь заложить по одной mine сразу, как только будет достаточно света, чтобы засечь некоторые буи, которые англичане расставили здесь повсюду самым удобным из возможных способов. Если бы только можно было поверить, что они никогда их не меняли. Альтен говорит, что англичанину никогда не придет в голову сделать что-то подобное, но я не так уверен. Однако мы двигались со скоростью около пяти узлов, довольно сильно врезавшись в море, когда в черной кошмарной тьме ночи я увидел фигуру совсем близко по борту, по левому борту.

Пока я на секунду колебался относительно своего плана действий, я был поражен, увидев большую подводную лодку, которая, должно быть, была британской, идущую противоположным курсом, не более чем в 25 метрах от меня!

Это звучит абсурдно, но на самом деле дальше этого дело не пошло. Мне не стыдно признаться, что я был полностью дезорганизован; казалось невозможным, что враг был буквально рядом со мной.

Я не знаю, как это поразило офицера на британской лодке, но я должен отдать ему должное за то, что он сделал что-то первым, потому что он выстрелил очень белым фонарем прямо в меня, когда две лодки проходили мимо. Она ударилась о корпус, и во вспышке я мельком увидел его боевую рубку, на которой была нарисована буква E, за которой следовали две цифры, из которых одна, по-моему, была двойкой, а другая девяткой.

К этому времени он был слева от меня и быстро исчезал; в порыве ярости я сумел выхватить свой револьвер и, пока левой рукой нажимал кнопку аварийного отключения, правой разрядил магазин в его направлении. Когда мы спустились, Альтен практически отказался мне поверить, и я был очень доволен тем, что, спускаясь, я наступил на пару рук, которые оказались его руками, поскольку он начал подниматься по трапу в верхнюю боевую рубку, когда впервые услышал сигнал тревоги.

Я предполагаю, что наш противник тоже нырнул, но, очевидно, он сложил два и два и в какой-то момент использовал свою антенну, потому что, когда на рассвете мы подняли перископ, флотилия эсминцев, казалось, что-то искала, и этим "чем-то" были мы, если я не сильно ошибаюсь; так что мы пошли ко дну, где и находились с тех пор. Оператор гидроплана продолжает монотонно напевать о том, что "Быстро работающие пропеллеры либо удаляются, либо приближаются". Пока я пишу, команда собралась вокруг шахтных стволов и поет скорбную песню, припев которой гласит:

"Смерть за Отечество! Славная судьба,
Это конец, которого мы с радостью ожидаем".

Почему моряки всегда становятся болезненными, когда это возможно? И среди них нет человека, который про себя не думал бы о какой-нибудь пивной в Брюгге, хотя я полагаю, что, как и у тех, кто получше, у них бывают романы более нежного толка.

Весь день лодка самым отвратительным образом качалась на дне. Мы затопили Р и Q до отказа, что дало ей минус 50 тонн, но, похоже, это мало повлияло на ее устойчивость, и очевидно, что сверху бушует действительно сильный шторм.

Всплыл на поверхность в 10 часов вечера; море было очень бурное, и сделать что-либо было невозможно, кроме как броситься в дрейф. У такой погоды есть одно преимущество, и оно заключается в том, что эсминцы загнаны внутрь.

Всю ночь становилось все хуже, и в полночь мы потеряли за бортом нашу переднюю мачту радиосвязи; сейчас (10 часов утра) у нас 48 часов нет связи. На рассвете мы не увидели ничего, за что можно было бы зацепиться; в поле зрения не было ни буя, ничего, кроме покрытых пеной коротких крутых волн грязной воды нейтрального оттенка; как это непохоже на огромные зелено-белые волны широкой Атлантики.

В этих обстоятельствах Альтен решил рискнуть и вернуться, не заминировав нас; на этот раз в некотором смысле я согласился с ним, поскольку лучше вообще не застраивать минное поле, чем оставлять его в каком-то неизвестном месте, через которое, возможно, придется проходить самому в течение месяца или около того. Сейчас мы медленно, очень медленно возвращаемся в Зебрюгге.

Сегодня в боевую рубку хлынуло зеленое море, и все в лодке сырое, вонючее и отвратительное. Пропеллеры вращаются с частыми интервалами, и вся лодка содрогается - я чувствую себя несчастным.

Альтен начал употреблять крепкие напитки; он начал, как только мы решили вернуться. К сегодняшнему вечеру он будет не в состоянии, и это значит, что мне придется взять ее к себе.

Что это за ад - сидеть в промокшей одежде, когда в ноздри бьет вонь четырехдневной жизни, и дьявольское движение; стекло стоит очень низко и медленно поднимается, так что, я полагаю, скоро ударит сильнее, хотя сейчас примерно восьмая сила.

Интересно, что написала Зои в ответ на мою записку? Когда я думаю о том, что я отверг, и сравниваю это со своим звероподобным существованием здесь, я с трудом могу поверить, что вел себя так, как вел - чего бы я только не отдал сейчас, чтобы вернуться обратно в лес! При таких темпах продвижения нам потребуется еще 24 часа. Интересно, смогу ли я вытянуть из нее еще полузабоя, не разбив ее вдребезги.

Чрезвычайно бурное движение расстроило *Аншлюц*. [14] Опорный конус стабилизирующего гироскопа треснул, и главный компас начал блуждать по кругу. Я просто отдыхал час или два, втиснувшись на мокрый диван в таких же мокрых куртках, когда сильная качка сменилась сильным креном, и я услышал, как вахтенный пилот ругается в рупор, поскольку мы отклонились от курса.

14. Гироскопический компас.--ETIENNE.

Я услышал голос рулевого, ворчливо утверждавшего, что он управляет своим курсом с помощью *аншлюца*, поэтому я встал и осторожно пробрался в рубку управления, где, сравнив *Аншлюц* с магнитным, обнаружил, что первый пошел ко всем чертям, причина была очевидна, поскольку стабилизатор создавал сильно смещенный крутящий момент. Я остановил *Аншлюц* и попросил пилота выровнять рулевого с помощью магнита.

Когда мы, пошатываясь, возвращались на прежний курс, я услышал глухой стук в кают-компании и, вернувшись на свой диван, обнаружил, что Альтен скатился со своей койки, где лежал в пьяном оцепенении, и что он лежит лицом вниз, растянувшись на палубе, уткнувшись половиной лица в осколки грязной тарелки, которая упала со стола, пока я пил чай. Поскольку я не мог позволить команде увидеть его в таком состоянии, я был вынужден бороться и затащить его обратно в койку. Он был похож на бревно и абсолютно неспособен оказать мне какую-либо помощь, хотя раз или два открыл глаза и что-то пробормотал, пока я поднимал его, сначала туловище, а затем ноги. От него разило спиртным, и я ненавидел прикасаться к нему. Господи! какой же он воистину свинячий человек; и все же я не могу не позавидовать его забвению этого окружения.

Прибыл сегодня днем.

Альтен совсем отоспался после выпивки и был оскорбительно саркастичен, пока я возился на передней части с проводами, укладывая ее в укрытия рядом с "кротом".

Я поспешил в Брюгге и в Столовой услышал несколько новостей и нашел два письма. Первое, написанное хорошо знакомым почерком, я с нетерпением открыл, но испытал холодок разочарования, когда прочитал в нем единственную строчку.

"Я здесь, когда ты хочешь меня.-Z."

Так она думает нарушить мое решение!

Нет! Я сильнее ее, и теперь, когда я знаю, что она любит меня, я могу и подчиню ее своей воле. Даже сейчас, на таком расстоянии во времени, я с трудом могу понять свое поведение в тот день. Мне, должно быть, было дано десять сил. Я чувствую, что не смог бы сделать это снова; если бы она еще секунду помедлила у двери - что ж, я едва ли могу сказать, что бы я сделал.

Это мой долг - сделать это ради нее и ради себя самого. Но я знаю свою слабость, и в этом факте заключается моя сила. Чего бы это ни стоило, я не позволю себе приближаться к ней, пока она не уступит.

Второе письмо меня очень удивило. Оно было от Розы. Она сдала какие-то экзамены и из всех мест приезжает сюда в качестве медсестры Красного Креста. Она говорит, что с нетерпением ждет возможности обогнуть подводную лодку! Должен сказать, она многое предполагает, и все же я полагаю, что должен быть с ней вежлив; но почему, черт возьми, она подписывается "Твоя, Роза"? Она не моя, и я не хочу ее; мне кажется забавным, что когда-то я смутно думал о ней в таком ключе. Теперь я чувствую себя несколько встревоженным из-за того, что она приезжает сюда, хотя и не совсем понимаю, почему я должен беспокоиться, и все же я задаюсь вопросом, не совпадение ли это, что она приехала в Брюгге?

Я почти склонен думать, что это не так. В конце концов, каждая девушка хочет выйти замуж, и, без зазрения совести, моя семья, обстоятельства и, в уединении от страниц этого дневника, я могу добавить, моя внешность таковы, что понравились бы большинству девушек - за исключением Зои, по-видимому!

Мне придется быть настороже с мисс Розой.

Сегодня я услышал, что, вероятно, через несколько недель меня назначат в школу перископистов, а пока меня прикрепят в качестве нештатного сотрудника к оперативному отделу в штате старого Макса.

Работа здесь очень интересная. Я рад, что являюсь одним из пауков, плетущих паутину для уничтожения Британии.

Тупиковая ситуация с Зои все еще продолжается, и мой душевный покой был еще больше нарушен фактическим приездом Розы. Она позвонила мне через двенадцать часов после своего приезда, и, конечно, я был вынужден позвонить. Это было позавчера. Роза находится здесь, в больнице № 3, и была ужасно экспансивна. Некоторые люди, я полагаю, назвали бы ее хорошенькой, но для меня, когда ямысленным взором постоянно созерцал мою дорогую Зою, Роза была похожа на репу. Ее первым движением после предварительных приветствий было предложить мне сигарету! Затем я заметил, что ее пальцы были испачканы никотином, неприятным для мужчины, отвратительным для женщины.

Ее нос был блестящим и жирным - ужасно. После небольшой беседы она добровольно заявила, что вчера у нее был выходной и ей просто не терпелось выпить чаю в саду.

Я попытался придумать какое-нибудь слабое оправдание, сославшись на неподходящую погоду, но я не силен в этой светской лжи, и в конце концов мне пришлось пообещать отвезти ее туда. Я был тем более раздражен, что ее главной целью, очевидно, было то, что ее видели гуляющей с офицером подводной лодки.

Соответственно, вчера я обнаружил, что прогуливаюсь с ней рядом. Мои чувства лучше представить, чем описать, когда я внезапно увидел Зою в сопровождении Бабетты вдалеке. Я поспешно изменил курс и стал молиться, чтобы она меня не заметила.

Во второй половине дня Роза имела наглость сказать, что во Франкфурте поговаривали, будто я интересуюсь красивой вдовой из Брюгге, и не могла бы она (Роза) написать и сказать, что у меня все в порядке с сердцем, или еще о том, на что похожа эта девушка. Боюсь, я немного

вышел из себя и сказал Розе, что она может написать всем назойливым людям дома и передать им от моего имени, чтобы они убирались к черту.

Эти женщины в домашнем кругу, особенно тети, всегда одинаковы; сначала они уговаривают кого-то выйти замуж, а потом, если они думают, что кто-то обдумывает такой шаг, они все стремятся выяснить, подходит ли она!

Еще три лодки, две из которых принадлежат Великобритании, просрочены. Определенно неприятно не знать, как и куда они направляются, хотя лодка U.B. (Фридрих Альтхофен) позавчера определила свою позицию прибытия в районе Дангенесса, так что, похоже, что в результате обстрела в Дувре, в результате которого погиб Вайсман, пострадал и Альтхофен. Интересно, какую новую чертовщину они там придумали.

Как хотелось бы, чтобы в 1914 году, вместо того чтобы стремиться к захвату Парижа, мы осознали важность портов Ла-Манша для Англии и нанесли удар по ним!

Не было бы необходимости бастовать даже в сентябре 1914 года. Мы могли бы наткнуться на них. Дюнкерк, во всяком случае, должен был быть нашим; однако мы должны сделать все возможное при существующем положении вещей, хотя даже сейчас я не считаю, что уже слишком поздно предпринимать серьезные действия к побережью Франции.

Судя по слухам, которые я слышу, на самом деле, все усилия должны быть направлены на другой конец линии, в сектор Верден, хотя я бы подумал, что в этом квартале один раз был дважды укушен робко.

Вдалеке снова увидел Зою, и я думаю, что она заметила меня; во всяком случае, она развернулась и пошла прочь.

Эта девушка, которую я не могу и не стал бы, если бы мог, вычеркивать из своих мыслей, вызывает у меня много беспокойства.

Она не подает никаких признаков того, что собирается сдаваться, и я, со своей стороны, намерен быть непреклонным. Со временем я одолею ее. Мужской интеллект всегда в конечном итоге побеждает, при прочих равных условиях. Вчера вечером я читал Шопенгауэра на эту тему. Какой ум был у этого мужчины, хотя, признаюсь, его анализ женского менталитета настолько ужасен и правдиво жесток, что это задевает некоторые мои чувства.

Решение Зои в этом конфликте, можно сказать, в этой сексуальной войне, только добавляет ей очарования в моих глазах; я чувствую, что она достойная пара для меня, как интеллектуально, так и физически, и она будет моей - я так решил.

Сегодня я встретил Розу в доме старого Макса, куда зашел нанести дежурный визит.

Ее превосходительство - самый отталкивающий представитель своего пола из всех, кого я когда-либо встречал. Она меня очень напугала, а в домашнем кругу старик казался совершенно подавленным.

Я проводил Розу домой, и по дороге в больницу она преподнесла мне большой сюрприз, так как после долгих уклончивых разговоров она внезапно сообщила новость о своей помолвке с Генрихом Баумером из Калифорнийского университета в Калифорнии, 23. Я был совершенно ошеломлен и откровенно признаюсь, что не так давно я предполагал, очевидно ошибочно, что она была склонна позволить своим чувствам проявиться в другом месте. Однако я действительно был очень рад услышать эту новость и поздравил ее с искренним чувством.

Осознание того, что она была обещанной женщиной, совершенно изменило мои чувства к ней, и, прежде чем я успел это сделать, я многое рассказал ей о Зои. Мне стало намного легче, когда я смог снять с себя бремя и поделиться своими трудностями в другом месте, а не на страницах этого дневника.

Я пригласил девушку завтра на чай.

Прошлой ночью был ужасный воздушный налет. Британские машины, конечно. Они, казалось, были полны решимости овладеть городом, и с 1 до 3 часов ночи несколько машин (из которых ни одна не была сбита) атаковали нас. Шум стоял ужасный, и ни о каком сне не могло быть и речи.

Утром было обнаружено на удивление мало разрушений, как это часто бывает в таких крупных налетах, в то время как несколько бомб от случайной машины часто вызывают хаос. Этим утром я был на аэродроме 50 Британской Колумбии и услышал, что, как только подойдет луна, мы собираемся заставить Дюнкерк сесть в отместку за вчерашние усилия. Ходили также слухи о крупных нападениях, надвигающихся на Лондон, как только будет доставлен новый тип готов. Это поколеблет самодовольную безопасность этих проклятых островитян.

Роза пришла на чай, и после этого я рассказал ей больше о Зои, и поскольку я ожидал, что со дня на день меня назначат в школу перископистов в Киле, я попросил Розу попытаться познакомить меня с Зои и сделать для меня все, что она сможет. У Розы создалось впечатление, что она была несколько удивлена тем, что у меня возникли какие-то трудности с Зои (конечно, я не рассказал ей о сцене со стрельбой в боксе). Роза, очевидно, считает, что любая женщина должна быть удостоена чести...

Возможно, я не так уж сильно ошибся в своих предположениях относительно прежних склонностей Розы - интересно; во всяком случае, она, несомненно, станет Баумеру хорошей женой, и она, вероятно, будет очень плодотворной и станет еще толще и домохозяйкой. Она относится к типу женщин, назначенных Богом в его предвидении в качестве заводчиков. Зои, моя обожаемая, вероятно, не будет благосклонна к младенцам.

Мне приказано явиться в Киль к следующему понедельнику.

Меня ужасно подмывает позвонить Зои по телефону перед уходом: кажется ужасным оставлять ее, не сказав ни слова; но в то же время я чувствую, что она истолковала бы это как признак слабости с моей стороны - как, собственно, и было бы. Я должен быть твердым, потому что сила духа ценится у женщин даже больше, чем у мужчин.

В Киле.

Я уехала из Брюгге, не сказав ни слова ни моей упрямой возлюбленной, ни от нее.

Находиться вдали от нее - пытка. Я думал, что, когда я буду здесь и не буду поддаваться искушению зайти и повидаться с ней, будет легче; это не так. Я жажду написать, и мне интересно, чувствует ли она это так же, как я.

Я где-то читал, что однажды возбужденная страсть женщины более неуправляема, чем страсть мужчины. В том, что все ее существо громко зовет меня, сомневаться не приходится, и если вышеприведенное утверждение верно, какую непреклонность воли она должна демонстрировать - это почти пугает меня, - но нет, я победлю ее в этом странном состязании, и она станет моей женой.

Работа здесь напряженная, и трава не растет под ногами. Курс для командиров длится четыре недели и заканчивается чрезвычайно практическим, но довольно устрашающим испытанием, то есть у них здесь есть шесть пароходов, замаскированных по английскому образцу яркой раскраской, и эти шесть пароходов, защищенных катерами и средствами защиты гавани, пересекают Кильский залив на манер конвоя. Офицер, проходящий проверку, должен атаковать эту группу кораблей на одной из учебных подводных лодок, и в трех атаках он должен получить не менее двух попаданий, иначе, теоретически, он возвращается на общую службу во Флоте.

К счастью, на данный момент я слышал, что из-за недавних потерь у них явно не хватает офицеров-подводников, так что они, вероятно, облегчат мне задачу, когда я проведу свой тест.

Я вижу, что ничего не писал здесь уже две недели; это объясняется двумя причинами: во-первых, я был так необычайно занят, и, во-вторых, я был очень подавлен письмом, которое я получил от Фрица. В нем содержались две плохие новости.

Во-первых, я впервые услышал о трагедии с лодкой Генриха Баумера, и, к моему удивлению, Фриц сказал мне, что Роза и еще одна девушка были на ней, когда она пропала!

Похоже, что после двухмесячного ремонта она должна была отправиться на пару часов понырять в порту в обычном порядке. Она вышла в 10 часов утра, и ее заметили с сигнальной станции в конце мола в 11.30, когда почти сразу после этого раздался взрыв, и она исчезла. Моторные лодки быстро прибыли на место происшествия, но на поверхность всплыли только обломки. Были отправлены водолазы, которые сообщили, что судно находилось на глубине десяти метров под водой, полностью разрушенное. Предполагается, за неимением других

объяснений, что она случайно подорвалась на дрейфующей мине, которая двигалась вниз по побережью во время прилива.

Тем временем Роза и еще одна сестра пропали из больницы, и через сорок восемь часов кто-то сложил два и два и начал расследование. Было установлено, что Баумер приехал на автомобиле из Брюгге после завтрака и что в машине находились две фигуры, принятые за моряков, поскольку они были закутаны в непромокаемые куртки. Этот факт был отмечен контрольными часовыми, так как, хотя день был дождливый, сильного дождя не было. Другие обрывки свидетельств объединяются в том, что это были те самые две девушки, которые, по-видимому, убедили Баумера взять их с собой на погружение в качестве угощения.

Какая трагедия! Однако это, должно быть, произошло совершенно мгновенно. Бедная Роза, со всем ее тщеславием по поводу военной работы, подумать только, что война заберет ее такой! [15]

15. Известно, что лодка с женщинами на борту была потеряна во время тренировки у берегов Зебрюгге весной 1917 года. Судя по всему, это та самая лодка, о которой идет речь.--ETIENNE.

Фриц добавил, что старина Макс почти обезумел от ярости из-за всего этого дела, и трудно сказать, злится ли он больше из-за Баумера и пропажи лодки или из-за того, что Баумер мертв и он не может применить те "дисциплинарные меры", которые ему нравятся.

Здесь большое волнение, поскольку послезавтра Его Императорское Величество кайзер и Гинденбург должны нанести Килью неожиданный визит. Нас проверят и обратятся к нам. Продолжаются грандиозные приготовления.

Его Величество в сопровождении великого фельдмаршала осмотрел нас сегодня утром и произнес прекрасную речь, копии которой нам раздали в печатном виде. Я вставлю свой в рамку и повешу у себя в лодке, если получу команду.

Я расшифровываю это:

"Офицеры и матросы службы подводных лодок:

"В разгар тревожных моментов, в которые мы живем, я решил найти время, чтобы приехать и лично засвидетельствовать труды тех, на кого полагаемся я и Отечество. Только что закончив великие сражения на Западе, которые подтачивают жизненные силы наших исконных врагов, я прихожу к тем, чья славная миссия будет заключаться в нанесении безжалостных ударов по нашему самому смертоносному и коварному врагу - проклятой Британии. Бог на нашей стороне и защитит вас на море, ибо, нанося удар по стране, которая открыто хвастается тем, что ее цель - уморить голодом наших женщин и детей, вы выполняете миссию несомненной святости.

"Вы должны топить и уничтожать, как в древности израильтяне поражали и уничтожали инопланетные расы.

"Офицерам я бы особо сказал: моя персона - ваша честь, и я ваш верховный начальник. Из моих рук вы получите почести, и из моих рук последует справедливое наказание для несчастных, которые не справляются со своим долгом.

"Я бы сказал людям: доверяйте своим офицерам и повинуйтесь им, как своему Богу. Офицеры и солдаты! На вас ваш кайзер и Отечество возлагают свои надежды - пусть никто не будет разочарован!"

После своего выступления Его Величество любезно обратился с несколькими словами к отдельным лицам, одним из которых я имел выдающуюся честь быть. Я чувствовал, что нахожусь в присутствии Императора. Его жесты, его глаза, его голос произвели на меня впечатление человека, рожденного командовать и занимать высокие посты. Фельдмаршал так и не раскрыл рта. Из слов его окружного прокурора я понял, что он редко выступает на публике.

Полковник УБИТ! Когда я думаю об этом, я так взволнован, что едва могу писать!

Вчера вечером я совершенно случайно услышал замечательную новость. Я сидел в Столовой после обеда и взял в руки *Книгу "Смерть воше"* и, взглянув на фотографии, вдруг увидел портрет полковника Штейна из бранденбургского полка, убитого 7-го числа близ Ипра. Я сразу узнал это уродливое и распухшее лицо по фотографии, которую она мне когда-то показывала.

Моим первым побуждением было послать ей телеграмму, но, поразмыслив, я решил, что будет трудно вложить все мои мысли в короткие предложения телеграммы, и, кроме того, поскольку все телеграммы, несомненно, проверяются на Главном почтовом отделении Брюгге, это может привести к неприятностям, поэтому я написал ей письмо.

Это, в некотором смысле, было проявлением слабости с моей стороны, поскольку я пообещал себе, что не сделаю первого шага к возобновлению общения; но я чувствую, что счастливая смерть Штейна полностью изменила ситуацию. В письме я сказал ей, что понимаю, что совершал ошибки, но что если бы она все еще любила меня хотя бы в половину так сильно, как я любил ее, то телеграмма мне сделала бы меня счастливейшим из мужчин.

Я написал это вчера, но телеграммы не получил. Возможно, она, как и я, не доверяет телеграммам и предпочитает письма.

Длинное письмо от Зои: проклятое письмо, отвратительное письмо, проклятое письмо; она по-прежнему отказывается выйти за меня замуж. Я уезжаю в Брюгге сегодня вечером в срочный отпуск на сорок восемь часов.

Киль, 17-е место.

Я ненавижу Зою, она разбила мне сердце.

После ее нелепого письма от 14-го числа я решил, что в вопросе, который так сильно повлиял на мое счастье, не должно остаться камня на камне, чтобы обеспечить удовлетворительное решение проблемы, поэтому я решил провести личную беседу. Я приехал в Брюгге после чая и сразу же отправился на квартиру.

Я немедленно заговорил с ней о предмете ее письма и сказал, что, естественно, понимаю, что до нашей свадьбы должен пройти приличный промежуток времени; но, принимая во внимание этот факт, я сказал ей, что не вижу, что помешало нашему браку.

Последовала самая неприятная и душераздирающая сцена, подробности которой вызывают такие болезненные воспоминания, что я действительно не могу записать их здесь, хотя по прошествии месяцев я приобрел привычку писать на страницах этого дневника с такой же свободой, с какой разговаривал бы с той женой, которой надеялся обладать. Она хранила упорное молчание, когда я убеждал ее назвать мне хоть какую-то осязаемую причину, по которой она не выйдет за меня замуж. Она довольствовалась собой и сводила меня с ума, монотонно повторяя: "Я люблю тебя, Карл! и я твоя, но я не могу выйти за тебя замуж".

Я мог бы избить ее до потери сознания, но у меня хватило здравого смысла понять, что с Зою, чья решительность, учитывая, что она женщина, поражает меня, сила - не лучший метод. Пока я продолжал настаивать на ней (время было важно: разве я не проделал долгий путь, чтобы увидеть ее?), ее великолепные глаза, которые я люблю и чьей силы я страшусь, наполнились слезами. Я был грубияном! Я был бессердечен! Я был невнимателен! Я не мог любить ее! Я был жесток! И я не знаю, какое еще обвинение сокрушило меня.

С разбитым сердцем и удрученный, я сказал ей выбирать прямо сейчас.

Она рухнула на диван в потоке слез, и после тяжелой душевной борьбы я избрал единственно возможный путь и, выйдя из комнаты, оставил ее навсегда. Я возобновил свой срок службы, полный решимости выкинуть ее из головы.

Я не буду обманывать себя: это будет трудно. Любовь и Логика - смертельные враги, но Логика должна восторжествовать. Хотя я видел ее в последний раз, я не могу избежать сети очарования, которую девушка набросила на меня. Возможно, со временем я постепенно вынырну и освобожусь от ее пут. Сейчас я ненавижу ее за тот удар, который она нанесла мне, и все же, о Зою! моя дорогая, как я хочу быть с тобой!

Сегодня я прошел последний тест на квалификацию командира подводной лодки.

В 9 часов утра я вышел в море под командованием U.11, одного из здешних учебных катеров. Мы вошли в Кильский залив. На борту находился комитет, состоящий из командира и двух капитан-лейтенантов, следивший за каждым моим движением.

По прибытии на входной маяк мне было приказано атаковать конвой замаскированных кораблей, которые были едва видны примерно в пятнадцати километрах от берега косы. У меня было очень четкое представление о курсе, которым они будут следовать, и, поднявшись для последнего наблюдения, я обнаружил, что нахожусь в отличной позиции, в 1000 метрах на носу ведущего корабля. Остальное было нетрудно. Я выпустил по лидеру две носовые торпеды и, развернувшись на шестнадцать румбов, выпустил из кормовой пушки по третьему линейному кораблю. Было получено два попадания, и я вернулся в гавань, очень довольный собой. Нет ни малейшего шанса на то, что вы не пройдете квалификацию.

Моя уверенность в себе не была напрасной; сегодня я услышал, что нахожусь в списке командиров и ожидаю, что через несколько дней меня назначат на лодку. Интересно, какое ремесло я получу?

Я встретился с помощником прокурора при начальнике штаба школы в садах и в разговоре с ним выяснил, что он слышал, что от Фландрской флотилии отделяются три лодки и отправляются в неизвестном направлении. Это навело меня на мысль, потому что я чувствую, что никогда не смогу вернуться в Брюгге, и я немного боялся, что меня назначат на одну из тамошних лодок. Я позвонил Фрицу Регельсу, который работает в штабе старого Макса, и сказал ему, что не желаю возвращаться в Брюгге, и далее я намекнул, что, насколько я понимаю, где-то находится отдельная эскадрилья, и, насколько я понимаю, чем дальше, тем лучше, если я смогу попасть в нее.

Я попробовал ночную жизнь в этом заведении на Маскотте и Трокадеро, [16] чтобы забыться, но это слабое утешение.

16. Два хорошо известных кабаре в Киле.--ETIENNE.

Письмо от Фрица, в котором говорится, что у него есть идея, что яхта Кортинга подошла бы мне, хотя он, конечно, не мог сообщить мне дальнейших подробностей в письме; однако он положительно сообщает мне, что меня не будет в Брюгге.

Исходя из этого, я телеграфировал Фрицу и попросил его попытаться наладить обмен между мной и Кортингом, при условии, что последний согласится и люди в офисе Макса не будут возражать. Я припоминаю, что яхта Кортинга относится к классу U.40-60, который бы мне идеально подошел, а что касается пункта назначения, то мне все равно, где он находится, при условии только, что это будет далеко от Брюгге.

В море.

Я совершенно забросил свой бедный старый дневник на несколько недель. Но я пережил чрезвычайно напряженный период.

Было решено, что я сменю Кортинга, чья лодка U.59, как я обнаружил, ремонтировалась в Вильгельмсхафене. Я был очень рад не возвращаться в Брюгге, хотя, поскольку в данный момент мы неуклонно движемся на север, я не могу отделаться от чувства глубокого разочарования из-за того, что по возвращении из этой поездки я не буду по-прежнему наслаждаться очарованием Зои. Но у меня будет достаточно времени, чтобы привыкнуть к этой мысли, потому что это не обычная поездка.

Мы направляемся к Нордкапу и побережью Мурман, где остаемся до наступления холодов - по крайней мере, в течение трех месяцев.

Наша миссия состоит в том, чтобы работать у этого окутанного туманом и пустынного побережья и нарушать постоянный поток перевозок между Англией и Архангельском. Помимо нас, на работе задействованы еще две лодки, но мы все будем работать далеко друг от друга.

Наша первая стоянка у мыса Северный. Чтобы сэкономить время, мы должны раз в месяц запасаться провизией в одном из фьордов. Я не думаю, что у Адмиралтейства возникнут какие-либо трудности с доставкой нам припасов, поскольку в данный момент мы находимся недалеко от Лофотенских островов, и нам фактически не приходилось нырять с тех пор, как мы покинули Бухту!

Кажется, что на море нет ничего, кроме нас самих. Где же хваленая и непроницаемая сеть блокады, которую англичане, как предполагается, раскинули вокруг нас? И все же у нас очень не хватает многих видов сырья. Я вижу, что на этой лодке во время ремонта заменили несколько медных труб на стальные, и это приведет к неприятностям, если мы не будем осторожны - стальные трубы так сильно подвержены коррозии, что я никогда не чувствую себя готовым доверить им работу под давлением.

Правда о блокаде заключается в том, что это в основном бумажная блокада, но, несмотря на это, она не так уж неэффективна. К несчастью для нас, проклятые англичане и их прихлебатели контролируют кабели по всему миру, а следовательно, и все рынки, и я не думаю, что, если взять медь, хоть один фунт ее добывается в Рио-Тинто без ведома Британского торгового совета. Нейтральные фирмы просто не осмеливаются рисковать попаданием в британский Черный список; для них это означает разорение. И потом, все эти жадные до долларов янки, наслаждающиеся всеми преимуществами войны без каких-либо ее опасностей, - меня от них тошнит.

Это кажется мне самой прибыльной работой. Я на ногах всего семь дней, но захватил четыре парохода, все пушечным огнем, и все толстые корабли, доверху набитые припасами для русских. Моей практикой было заходить на мыс Северный каждый день или два, чтобы определить местоположение, поскольку течения в этих местах самые аномальные, и я должен

сказать, что "Руководство по лоцманской проводке под парусом" и "Карты приливов" были составлены джентльменом за письменным столом, который никогда не бывал в этих широтах.

В данный момент я нахожусь далеко в море, поскольку в непосредственной близости от Северного мыса стало довольно нездорово.

Вчера днем (утром я потопил четвертый корабль, а команда все еще тянула к берегу) появились четыре британских траулера. Эти проклятые маленькие суденышки, кажется, появляются везде, куда бы ты ни направился. Мне очень хотелось постучать по ним из своего ружья, но, помимо неуверенности в том, что у них есть вооружение, у меня есть строгий приказ избегать всего подобного, поэтому я нырнул и медленно направился на запад, всплыл в сумерках и приступил к зарядке своих аккумуляторов.

Эти U.60-е - отличные лодки, и мне очень повезло, что я приобрел их так скоро. Полагаю, Кортинг, будучи женатым мужчиной, хочет оставаться рядом со своей женой. Я не могу написать это слово без болезненных воспоминаний о Зои и праздных мыслей о том, что могло бы быть. Что ж, возможно, это и к лучшему. Я не уверен, что военный подводный лодок имеет право вступать в брак в военное время, поскольку, если он не обладает исключительным складом ума, это должно повлиять на его мировоззрение при определенных обстоятельствах, хотя я думаю, что здесь я должен был стать исключением. Тогда тревога женщины, должно быть, огромна; поскольку каждая поездка завершается, внутренний голос должен кричать ей: "это может быть последним". Контраст между временем, проведенным в гавани, и поездками такой резкий, такой сокрушительный и четкий.

Жена солдата просто знает, что он на фронте; у нас в 8 часов вечера можно целовать жену в Брюгге, а в 6 утра с натянутыми нервами пробираться сквозь неизвестные опасности Дуврского заграждения - но я отклонился от того, о чем хотел написать, - о моем первом командовании и ее команде.

Каюты в этом классе намного лучше, чем на лодках из Великобритании. Здесь у меня есть отдельная маленькая каюта со столом до колен. Моему первому лейтенанту, штурману и Инженеру отведены койки в одной комнате, а затем у нас есть небольшая офицерская столовая.

На этой работе здесь, наверху, поскольку мы не собираемся возвращаться в Германию за припасами и, следовательно, я бы сказал, что нам, возможно, придется жить на то, что мы сможем достать с пароходов, я не предлагаю использовать свои торпеды, если только я не встречу военный корабль или исключительно большой пароход.

Ружье - это то, что нужно, как доказал Арно де ла Перьер в Средиземном море; но половина ребят не последует его примеру просто потому, что они не понимают, что бесполезно пользоваться ружьем, если им не пользоваться метко, а хорошая стрельба приходит только после долгих тренировок.

Я убедил в этом свой оружейный расчет, и особенно двух оружейных ярусов, и я заставляю Фойгтмана (моего молодого первого лейтенанта) дважды в день проводить с экипажем учения по заряданию, а также отрабатывать быстрое наведение на орудие после "всплытия" или быстрое оставление орудия, если в середине тренировки прозвучит сигнал тревоги по погружению. Я также дал понять Войтману, что считаю его офицером по контролю за оружием и ожидаю, что он будет уделять первостепенное внимание эффективной работе с оружием.

Что касается экипажа, то это обычная смешанная толпа, которая встречается в наши дни: половина из них - старые моряки, остальные - новобранцы и вновь прибывшие с Флота. Моя основная задача на данный момент - привести молодежь в форму, и с этой целью я совершил несколько аварийных погружений. Это также дает мне возможность привыкнуть к особенностям лодки под водой. Кажется, у нее есть тенденция отяжелять хвост, но это может быть из-за плохого тримминга.

Фойгтман пробыл в U.B.43 девять месяцев и кажется способным офицером. В социальном плане, я не думаю, что он может похвастаться большим происхождением, но у него нет зазнайки, и он относится ко мне с приятным уважением, помимо соображений службы.

Сегодня утром произошел очень неприятный несчастный случай, в результате которого Иоганн Винер, мой второй рулевой, получил серьезную травму.

Группа людей под его руководством была занята извлечением кормовой торпеды из трубы, чтобы заменить ее запасной торпедой, поскольку я никогда не позволяю ни одной из моих торпед оставаться в трубе более недели из-за коррозии. Торпеда, находившаяся в трубе, была выпущена обратно и лежала на плитах пола.

Запасная торпеда, предназначенная для свободного отсека, висела над головой, когда без всякого предупреждения крюк на подъемной ленте сломался, и 1000-килограммовая масса металла рухнула вниз.

Как ни странно, никто не погиб, но двое мужчин получили сильные ушибы, а Винер был очень серьезно ранен. Он стоял верхом на запасной торпедой, и его правая нога была очень сильно раздроблена, в основном ниже колена.

К сожалению, потребовалось около десяти минут, чтобы освободить его из положения ужасной агонии. Я должен был ожидать, что он упадет в обморок, но этого не произошло. Его лицо смертельно побледнело, и он начал обильно потеть, но в остальном перенес это испытание с похвальной стойкостью.

Сейчас я столкнулся с затруднительной ситуацией. Я не могу отвезти его обратно в Германию; я даже не могу покинуть свою станцию и отправиться на юг, в какой-либо из норвежских портов. Если бы я мог найти нейтральный пароход с врачом на борту, я бы переправил его на нее; но в этих широтах шансы на то, что это Божье послание материализуется, равны тысяче к одному. Если бы я увидел корабль-госпиталь, я бы закрыл его, но, насколько я знаю, в настоящее время сюда не заходят корабли-госпитали. Следовательно, шансы на помощь извне можно считать равными нулю. Надежда Винера на жизнь зависит от меня, и я не могу решиться на шаг, который рано или поздно должен быть сделан, то есть на ампутацию.

Любопытный, но, тем не менее, верный факт: хотя в результате войны человеческие жизни, рассматриваемые в количественном выражении, кажутся неважными, когда дело доходит до отдельного случая, личного контакта, жизнь человека приобретает всю свою довоенную значимость.

Я остро ощущаю свою ответственность в этом вопросе. Из его документов я вижу, что он женатый мужчина, у него есть семья; это, кажется, усугубляет ситуацию. Я чувствую, что от меня зависит целая цепочка людей.

С тех пор, как я написал эти слова сегодня утром, Винеру явно стало хуже.

Я читал "Медицинский справочник" со ссылкой на замечания об ампутации, гангрене и т.д., А также осматривал его ногу. Бедняга испытывает сильную боль, и нет никаких сомнений в том, что наступило умерщвление плоти, что действительно было неизбежно. Я решил, что у него должен быть последний шанс, и что сегодня в 8 часов вечера я попытаюсь произвести ампутацию.

Полночь.

Я сделал это - лишь частично успешно.

Прошлой ночью, в соответствии с моим решением, я прооперировал Винера. Фойгтман ассистировал мне. Это было ужасное дело, но я думаю, что желательно зафиксировать подробности, пока они свежи в моей памяти, поскольку позже может быть проведено судебное расследование. Мы с Фойгтманом провели весь день за изучением тех скудных сведений по этому предмету, которые доступны в "Медицинском справочнике". Мы выбрали наши ножи и пилу и простерилизовали их; мы также продезинфицировали наши руки.

В 7.45 я погрузил лодку на шестьдесят метров, на этой глубине лодка была устойчива. Мы сделали все возможное со столом в кают-компании, и на него поместили пациента. Я решил ампутировать примерно на четыре дюйма выше колена, где плоть все еще казалась здоровой. Я считал практически невозможным вводить анестетик из-за моей абсолютной неопытности в этом вопросе.

Трое мужчин удерживали пациента, пока я делал плотный надрез и приступал к работе. Распиливание кости было мучительной процедурой, и мне потребовалась вся моя решимость, чтобы завершить задачу. До этого этапа все шло так хорошо, как и можно было ожидать, когда я внезапно прошел через последний кусочек кости и глубоко врезался в плоть с другой стороны. Произошел мгновенный прилив крови, и я понял, что неожиданно перерезал подколенную артерию, прежде чем Фойгтман, который перевязывал вены, был готов заняться этим.

Я попытался остановить смертельное кровотечение, зажав вену между большим и указательным пальцами, в то время как Фойгтман торопливо пытался перевязать ее. Думая, что она завязана, я отпустил ее, и увы! кровотечение сразу же возобновилось; я снова схватился за вену, и Фойгтман снова попытался ее перевязать. Бесполезно - мы не могли остановить кровь. Он, несомненно, истек бы кровью на наших глазах, если бы Фойгтман не прижег место электрическим паяльником, который был под рукой.

Сильно потрясенный, я завершил ампутацию, и мы перевязали культю, как могли.

На момент написания этих строк он все еще жив, но бледен как снег; должно быть, он потерял литры крови через эту артерию.

Винер скончался два часа назад. Я должен сказать, что непосредственной причиной смерти были шок и потеря крови. Я сделал все, что мог.

Мы находимся в этом расширенном районе патрулирования уже семь дней, но ни облачка дыма не попадаете нам на глаза.

Ничего, кроме моря, моря, моря. О, как это однообразно! Я не могу понять, куда делось судоходство. Завтра я собираюсь снова закрыть Северный мыс. Я думаю, что все, должно быть, происходит внутри меня. Я здесь слишком далеко.

Северный Мыс находится строго на востоке. На плаву ничего не видно. Где, черт возьми, может быть все это судоходство? Через десять дней я должен встретиться со своим кораблем снабжения; тем временем, я думаю, мне придется сделать еще один бросок, миль на триста или около того.

Ничего не видно, ничего, ничего.

Барометр быстро падает, и нас ждет шторм. Я решил снова побывать на побережье, так как не хочу опоздать на место встречи.

Во фьорде Стандарак-Ландхольм - слава богу.

Небеса! мы отлично провели время. Мы были еще в двухстах пятидесяти милях от берега, когда нас настиг шторм. А шторм здесь, наверху, есть шторм, и никаких сомнений по этому поводу. Сказать, что он дул с силой десяти тысяч дьяволов, значит преуменьшить значение дела. Море надвигалось на нас огромными пенящимися валами, как волны атакующей пехоты, намеревающейся сокрушить нас.

Мы с трудом продвигались на восток со скоростью около трех узлов. Но она великолепно выдерживала. Низкие несущиеся облака затянули небо и, словно процессия призраков, надвигались с северо-востока. Наблюдения за Солнцем были невозможны по двум причинам. Во-первых, никто не мог подняться на палубу; во-вторых, солнца не было видно. Это продолжалось три дня, к концу которых мы имели лишь самое смутное представление о том, где находимся.

Затем штормовой ветер стих, но, вопреки всем ожиданиям, на смену ему пришел самый отвратительный туман, густой и белый, как вата. Вряд ли это были идеальные условия для того, чтобы преодолеть скалистое и неизвестное побережье, но это должно было быть сделано. Проблема заключалась в том, что проводить зондирование было совершенно бесполезно, поскольку двадцатиметровая линия глубины на карте проходила прямо у суши. Мы медленно ползли на восток, пока, когда, по точным подсчетам, мы не оказались в десяти милях от побережья, Штурман случайно не нажал на рычаг свистка; это действие с его стороны, вероятно, спасло корабль, поскольку на взрыв немедленно отозвалось эхо. В одно мгновение

мы на полной скорости оказались за кормой. Мы изменили курс на шестнадцать румбов и проследовали десять миль на запад, где всю ночь пролежали вдоль берега, проклиная туман.

На следующий день он рассеялся, и мы потратили все время, пытаясь найти вход во фьорд С. Ландхольм. Побережье, казалось, не имело никакого сходства с картой.

Скалы достигают высоты в несколько сотен метров, с редкими расселинами, по которым стекает ручей. Здесь нет деревьев, домов, животных или каких-либо признаков жизни, кроме морских птиц, которых здесь мириады. Инженер заявляет, что видел северного оленя, но пятеро других людей на палубе не заметили никаких признаков зверя.

После нескольких часов обнюхивания, во время которых мое сердце ушло в пятки, поскольку я вполне ожидал найти на вершине скалы предметы, которые официально описаны в Справочнике как "очень многочисленные", мы обогнули утес и попали в место, которое, кажется, соответствует описанию С. Ландхольм. Во всяком случае, это удобная якорная стоянка, и я намерен остаться здесь на несколько дней и надеюсь, что появится мой корабль с припасами.

Я установил наблюдение при дневном свете на вершине утеса; было бы очень неловко быть застигнутым врасплох в этом месте, ширина которого местами составляет всего около 150 метров.

Я пользуюсь отдыхом, чтобы дать экипажу несколько упражнений и выполнить различные мелкие ремонтные работы дизелей.

Вчера мы участвовали в том, что, должно быть, является одним из самых замечательных боевых действий одного корабля в войне.

В 9 часов утра дозорный на утесах доложил о дыме к северу.

Я поднял якорь и приготовился отчаливать, но по-прежнему наблюдал за берегом. В 9.30 он доложил о появлении эсминца в поле зрения, что казалось серьезным, если она решила заглянуть именно в мой уголок.

Во всяком случае, я подумал, что меня не поймают, как крысу, поэтому я поднялся на борт - дело десяти минут, - а затем вышел в море, подстриженный и готовый к погружению.

Отплыв подальше от входа, я увидел противника примерно в тысяче метров. Я сразу узнал в нем один из старейших русских торпедных катеров на плаву. Когда я установил этот факт, дьявол проник в мой разум и совершил самый безрассудный поступок.

Я решил, что не стану отступать под водой, а буду сражаться с ней как один вспомогательный корабль с другим.

Когда я принимаю решение, я делаю это безоговорочно - нерешительность мне отвратительна - и я резко приказал: "Орудийному расчету - Действовать".

Я до сих пор вижу комичное выражение изумления, промелькнувшее на лице моего Первого лейтенанта, но он знает меня и не колебался ни мгновения. Мы тренировались, как боевой

корабль, и через шестьдесят пять секунд - я рассчитал время из интереса - по моему приказу мы произвели первый выстрел. Он не достиг цели.

Поразительно, что торпедный катер, не стреляя из пушки, сильно перевернул руль и начал удаляться на полной скорости, которая, я полагаю, составляла около семнадцати узлов.

Я действительно начал преследовать ее - подводная лодка, преследующая торпедный катер! Это было нелепо.

С широкими улыбками на лицах расчет моего доброго орудия быстро выстрелил из пушки, и мы имели удовольствие попасть в нее один раз, рядом с ее задней воронкой, но это не нанесло жизненно важного урона, так как через несколько минут после этого она отошла за пределы досягаемости! Что за сборище некомпетентных трусов!

Они ни разу не выстрелили в нас. Я полагаю, половина из них была пьяна или находилась в состоянии полубунта, поскольку в наши дни можно услышать странные истории о событиях в России.

Весь инцидент был довольно забавным, но я понял, что едва ли поступил мудро, поскольку, без сомнения, англичане услышат об этом, и появятся их траулеры, и я, конечно, не собираюсь геройствовать перед Джоном Буллом, который такой же крутой боец, как и мы.

Тем временем, что будет с кораблем снабжения, потому что я должен встретиться с ним здесь, а со вчерашнего эпохального сражения прошло уже двадцать четыре часа, и я ожидаю англичан с минуты на минуту.

Мои сомнения рассеялись, поскольку в полдень я получил специальные приказы по мощной радиосвязи из Нордрайха, и, расшифровав их, обнаружил, что по той или иной причине нам приказано следовать к мысу Макл-Флугга, а оттуда вдоль побережья Шетландских островов к каналу Фэр-Айленд, где нам предписано крейсировать до дальнейших распоряжений. Включено специальное предупреждение о встрече с дружественными подводными лодками.

Мне кажется, что вокруг Оркнейских островов отдается приказ об особой концентрации подводных лодок и что готовится какой-то крупный план.

Сейчас мы держим курс на юго-запад, чтобы добраться до Макл-Флугга, что я надеюсь сделать через четыре дня, если погода сохранится.

За последние несколько недель в этих северных водах оказалось очень мало судоходства, и этот факт в сочетании с приближающейся зимней погодой, которая, должно быть, в этих широтах просто дьявольская, заставляет меня вполне согласиться обменять "Архангельскую заготовку" на работу вокруг Оркнейских и Шетландских островов, хотя, по совести говоря, зимой это достаточно отвратительно.

В бочке меда есть только одна ложка дегтя, и она заключается в том, что это преждевременное возвращение в воды Северного моря, предположительно, может означать посещение Зебрюгге, хотя этот класс вряд ли туда отправят.

Хотя прошло много недель с тех пор, как я расстался с Зои, я так и не смог забыть ее. Я постоянно задаюсь вопросом, что она делает, и часто, когда я не настороже, она проникает в мои мысли.

Пока я здесь, это не имеет большого значения, за исключением того, что это причиняет мне несчастье, но если бы я оказался в Брюгге, это было бы очень тяжело. Однако я не думаю, что когда-нибудь увижу ее снова.

Сегодня утром заметили Макл-Флуггу и взяли курс на остров Фэр.

О! через какой ад я прошел. Я с трудом осознаю, что я жив, но я жив, хотя сомнительно, буду ли я жив завтра утром - все зависит от погоды, а кто бы охотно поставил свою жизнь на погоду в Северном море в это время года?

Да будет проклят человек, пославший нас в канал Фэйр-Айленд. Где, черт возьми, наша разведывательная служба? Если мы доберемся до Фландрии, у меня будет история, которая откроет им глаза, слепым летучим мышам, которыми они и являются, нежащимся в комфорте своей жирной штабной работы на берегу.

Канал Фэр-Айленд - английская смертельная ловушка; он смердит смертью. По счастливой случайности мы прибыли туда как раз в тот момент, когда англичане испытывали одно из своих новых устройств, и это дьявол. Что именно представляет собой эта система, я не совсем понимаю и надеюсь, что мне больше никогда не придется ее исследовать.

В течение сорока семи часов за нами охотились, как за крысой, и теперь, когда прочный корпус протекает в трех местах, а лодка наполовину заполнена хлором, мы с трудом выбираемся на поверхность, практически неспособные нырять по крайней мере более десяти минут за раз. Даже на поверхности, при работающих вентиляторах, необходимо надевать противогаз, чтобы проникнуть в носовой отсек. О, эти англичане, какие же они дьяволы!

Вот что произошло:

Остров Фэр находился далеко по левому борту, когда мы заметили большой английский траулер, который, как я заподозрил, был патрульным. На всякий случай я нырнул и около часа плыл на высоте двадцати метров.

В 17 часов вечера (приблизительно) Я всплыл на перископную глубину, чтобы осмотреться, но быстро нырнул снова, когда обнаружил траулер, шедший тем же курсом, что и я, примерно в тысяче метров за моей кормой. Это было тем более неприятно, что за то короткое время, что было в моем распоряжении, мне показалось, что она была удивительно похожа на корабль, который я видел днем, и все же это казалось маловероятным, поскольку я не думал, что она могла заметить меня тогда.

При погружении я изменил курс на девяносто градусов и полчаса двигался на полной скорости, затем изменил еще на девяносто градусов в том же направлении, что и при предыдущем изменении, и, погрузившись на тридцать метров, продолжал двигаться предельно медленно. К

полуночи я так много нырял, что решил подзарядить аккумуляторы до рассвета; кроме того, я хотел встать в час ночи, чтобы доложить о своем местоположении.

Я всплыл на поверхность после того, как хорошенько осмотрелся в правый перископ, который, как обычно, ничего не показал. Едва я поднялся на мостик, как вспышка пламени пронзила ночь по правому борту, и снаряд просвистел прямо над головой.

Я сразу же нырнул, но не успел нырнуть до того, как противник произвел в нас второй выстрел, который, к счастью, прошел мимо. Когда мы нырнули, я приказал повернуть руль вправо, чтобы отразить ожидаемую атаку глубинными бомбами. Мы были, должно быть, в ста пятидесяти метрах от первой атаки и чуть ниже нее, пять других последовали быстрой чередой, но были дальше, и мы не понесли никакого ущерба, кроме пары разбитых фонарей. Ситуация теперь была крайне неприятной. Я не осмеливался подниматься на поверхность и, таким образом, пропустил сигнал из штаба в час ночи. Я очень хотел атаковать и поэтому двигался на минимально возможной скорости. Через равные промежутки времени наш противник сбрасывал одну глубинную бомбу где-то за кормой от нас, но эти сообщения всегда доносились с одного и того же расстояния.

На рассвете я очень осторожно поднялся на перископную глубину и осмотрелся. К своему ужасу, я обнаружил нашего безжалостного преследователя примерно в 1500 метрах от нас, в районе порта. Каким-то необычным образом он выследил нас ночью.

Я нырнул и изменил курс на девяносто градусов к югу.

В 9 часов утра мощный взрыв потряс лодку от носа до кормы, разбив несколько фонарей и сильно накренив ее на нос.

Поскольку я находился всего в двадцати метрах, я опасался, что лодка всплывет на поверхность, а наш враг, очевидно, находился почти прямо над нами. Я сразу же приказал усиленно нырять и погрузился на огромную глубину в девяносто пять метров.

Серия сокрушительных взрывов где-то над нами показала, что мы были замечены, и от уничтожения нас спасла только большая глубина залегания - английские заряды были установлены, по-видимому, примерно на тридцати метрах.

В полдень ситуация была предельно критической. Плотность моей батареи упала до 1150, несколько ламп, которые у меня горели, светились слабым, тускло-красным светом, что красноречиво говорило о падении напряжения и предсмертной борьбе батареи.

Двигатели с выключенными полями просто крутились по кругу. Лица команды, бледные от усталости, казались цвета слоновой кости в сумеречном полумраке лодки, которая никогда так не напоминала гигантский и фантастически украшенный гроб, как в то время.

Воздух был зловонным. Я чиркнул спичкой; она погасла у меня в пальцах. Малейшее усилие превращалось в агонию. Я наклонился, чтобы снять морские ботинки, и холодный пот выступил у меня на лбу, а пульс участился до учащенного биения, похожего на удары молота.

Я оставил один морской ботинок.

В час дня делегация команды прибыла на корму и шепотом умоляла меня поднять лодку на поверхность и сделать последнее усилие. Приглушенный выстрел, когда наш непримиримый враг сбросил глубинную бомбу где-то за нашей кормой, придал смысл нашему разговору и показал мне, что наше появление на поверхности может иметь только один конец.

В 3 часа дня второй рулевой, работавший с гидропланами, упал со своего стула в глубоком обмороке.

В 15.30 наступил решающий момент: еще двое упали в обморок, и я понял, что, если я немедленно не всплыву на поверхность, команда может оказаться неспособной запустить дизели.

При приказе "Всплывать" мужчины слабо зааплодировали.

Мы всплыли на поверхность, и я потащился наверх, в боевую рубку. К счастью, мы с легкостью запустили дизели, и через несколько минут по лодке уже циркулировали порывы прекрасного воздуха.

Между тем, что с врагом? Я почти ожидал попадания снаряда, как только мы приблизились, и с большой тревогой огляделся. Удача слегка улыбнулась нам в том смысле, что единственное, что было видно, - это траулер по левому борту. Это был наш охотник.

Я резко снизил скорость, надеясь, что меня не заметят, поскольку было важно оставаться на поверхности и подавать немного энергии в аккумулятор. Я также изменил курс, удаляясь от него.

Было около 5 часов вечера, когда я увидел впереди два траулера, по одному на каждом носу. К этому времени команда лодки полностью пришла в себя, но мне не хотелось нырять, так как аккумулятор все еще был прискорбно разряжен. Я постепенно изменил курс на северо-восток, но после получасовой пробежки в сумерках чуть не налетел на группу патрулей.

Я совершил аварийное погружение, и они, должно быть, видели, как я пошел ко дну, поскольку через несколько минут лодку сильно тряхнуло от взрыва глубинной бомбы.

В то время мы были на высоте двадцати метров, все еще ныряя. Я сверился с картой, но не смог найти дна в радиусе пятидесяти миль - расстояние, которое было совершенно за пределами моих сил.

В 11 часов вечера мне просто пришлось снова подняться наверх и подзарядить батарейки.

С 7 до 10 часов вечера, с регулярными интервалами в полчаса, где-то в радиусе двух миль от меня взорвалась глубинная бомба. Излишне говорить, что я полз со скоростью всего около одного узла и часто менял курс. Что было самым ужасным, так это очевидный факт, что патрули в этом районе, очевидно, обзавелись каким-то устройством, которое позволяло им в определенной степени поддерживать со мной постоянную связь.

Эти монотонные и регулярные взрывы глубинных бомб, казалось, говорили: "Мы знаем, О! Подводная лодка, что мы где-то рядом с вами, и вот глубинная бомба, просто чтобы сказать вам, что мы вас еще не потеряли". [17]

17. Карл был совершенно прав; очевидно, что он имел несчастье столкнуться с одной из наших новых групп по поиску гидрофонов, только что появившихся в проливе Фэр-Айленд. Инцидент с глубинными бомбами, взрывавшимися каждые полчаса, был известен как "Щекотка наверху". Вероятно, патруль слышал от него только слабые звуки.--ETIENNE.

Поскольку с момента последнего подрыва глубинной бомбы прошел час, я чувствовал себя довольно счастливым, вынырнув на поверхность, и был рад обнаружить непроглядную ночь и значительное море. С 10 часов вечера до 1 часа ночи у меня действительно было три часа покоя, и за это время мне удалось запихнуть в батарейки значительное количество всякой всячины. Плотность хорошо росла, и все казалось хорошим, когда я сделал то, что, как я теперь вижу, было очень глупым поступком.

В час ночи я отправил радиogramму в Нордрайх, в которой запросил приказы на 3 часа ночи и сообщил о своем местонахождении, а также о том факте, что за мной велась жестокая охота.

Через двадцать пять минут они снова были на мне! Я совершенно по-идиотски предположил, что у англичан в этих краях нет направленной радиосвязи. У них есть. У них есть все, что они когда-либо пробовали там, наверху; все это было сосредоточено в этом адском канале Фэр-Айленд.

Меня спасло только то, что я увидел идущий прямо на меня эсминец, силуэт которого вырисовывался на фоне низко расположенного полумесяца молодой луны. Когда я нырнул, он был примерно в шестистах метрах от меня. Поскольку я признался, что совершил глупость, я доставляю себе удовольствие записать более умный ход с моей стороны. Я ожидал атаки глубинными бомбами как нечто само собой разумеющееся, но вместо того, чтобы опуститься до двадцати пяти метров, я сохранил ее на уровне двенадцати.

Глубинные бомбы сработали нормально, семь оглушительных взрывов, но, как я и рассчитывал, они должны были сработать примерно в тридцати метрах, то есть значительно ниже меня.

Один из них полностью подбросил лодку вверх, и я думаю, что верхняя часть боевой рубки, должно быть, пробила поверхность, но в преобладающих водных условиях опасность того, что это будет замечено, была невелика.

Мне только что пришлось прекратить записывать свои впечатления за последние сорок восемь часов, поскольку вахтенный штурман отправил сообщение о том, что виден дым.

Следующий час был полон беспокойства, но, отплыв в порт, нам удалось оторваться от него. Затем я немного поел и теперь завершу свой рассказ, прежде чем снова попытаюсь немного поспать.

Рассказ продолжался.

Все мои надежды снова встать той ночью, как для зарядки, так и для получения сигнала в 3 часа ночи, были обречены на разочарование, поскольку оператор гидрофона продолжал сообщать о шуме эсминцев над головой. Случайные отдаленные глухие удары, казалось, указывали на неиссякаемый запас глубинных бомб, но они были примерно в четырех-пяти милях от меня. Возможно, какой-нибудь другой несчастный дьявол проходил через адское пламя.

На рассвете второго дня мое положение все еще оставалось плачевным. Батарея снова садилась, море успокоилось, и когда в 9 часов утра я поднял перископ, горизонт, казалось, был окружен патрулями. Я чувствовал себя так, словно попал в невидимую сеть, и хотя я старался скрыть свои опасения от команды, по тому, как вяло они выполняли свои обязанности, я видел, что они поняли, что наши ресурсы снова на исходе.

Все утро мы ползли на высоте тридцати метров, пока в час дня напряжение не было нарушено яростной атакой глубинными бомбами. Каким-то необычайным образом они снова обнаружили меня и приблизились ко мне. Первые заряды были на некотором расстоянии, и когда они приблизились, чувство отчаяния охватило меня, и я всерьез подумывал о том, чтобы положить конец агонии, всплыв на поверхность и сражаясь до последнего со своим пистолетом.

Как ни странно, процедура, которую я применил, была прямо противоположной. Я решил нырнуть поглубже. Я опустился на 114 метров. На этой исключительной глубине три заклепки в прочном корпусе начали протекать, и в лодку хлынули струи воды жесткостью с железные брусья. Я продержался пять минут, чего было достаточно, чтобы спастись от атаки глубинными бомбами, хотя две из них, взорвавшиеся почти надо мной, разбили несколько ламп. Затем я поднялся на двадцать метров и медленно пополз дальше. В течение долгого дня, хотя мы больше не подвергались непосредственному нападению, я несколько раз слышал взрывы глубинных бомб достаточно близко от себя, чтобы продемонстрировать, что эти неумолимые дьяволы имели представление о районе, в котором я находился.

Неимоверным усилием, работая одним мотором на единственной доступной ему скорости, а именно "Предельно медленно", мне удалось разрядить аккумулятор до тех пор, пока, по моим прикидкам, не наступили сумерки.

Оставалось только одно - всплыть на поверхность. Было не так темно, как я надеялся, и я увидел довольно большое судно, похожее на шлюп, примерно в восьми тысячах метров от меня, на траверзе левого борта. Должно быть, она увидела меня одновременно, когда вспышка выстрела метнулась от нее, и снаряд не долетел до цели.

Я не мог нырнуть; казалось, оставалось только одно: сражаться, а потом умереть. Я приказал орудийному расчету подняться, и неравный поединок начался. Мы шли на полной скорости на дизелях, и мой курс был с востока на север. Над орудием летело много воды и брызг, и у моей команды было мало надежды на точную стрельбу, но я часто обнаруживал, что когда в тебя стреляют, ничто так не успокаивает, как звук собственного оружия.

Наш враг был вооружен двумя большими пушками калибра пятнадцать сантиметров или больше, но у него не было скорости, и это открытие снова вселило в меня надежду. Вскоре стало очевидно, что, при условии, что мы не направлялись в другой патруль, если мы сможем пережить десятиминутный обстрел, нас на время спасет меркнувший свет, который, очевидно, создавал нашему врагу все больше трудностей, поскольку его выстрелы чередовались между очень короткими и очень частыми.

На самом деле я поздравлял Штурмана с нашим спасением и только что приказал орудийному расчету прекратить огонь по размытым очертаниям по левому борту, откуда все еще летели случайные снаряды, когда появилась полоса желтого пламени и тряска, от которой меня отбросило к сигнальщику. Последний стоял возле люка боевой рубки, и, к несчастью, я сбил его с ног, и он с глухим стуком упал в верхнюю боевую рубку. Ему посчастливилось отделаться переломом пары ребер, но когда я пришел в себя и поднялся на ноги, моим глазам предстали гораздо худшие последствия.

По наихудшему из несчастий, снаряд, который, должно быть, был выпущен практически наугад, попал в орудие чуть ниже цапфы левого борта.

Результат взрыва был очень тяжелым. Четверо из семи человек, находившихся у орудия, были выброшены за борт, казенник не пострадал, хотя по тому, как он покачивался, было очевидно, что он ошеломлен, и я ожидал увидеть, как он в любой момент свалится за борт. Двое оставшихся мужчин были мертвы, как конина.

Материальный ущерб был еще более серьезным. Орудие было практически выброшено из люльки, но в основном цапфовые блоки держались крепко, и весь постамент был перенесен на правый борт.

Действительно ужасные последствия этой травмы не были очевидны с первого взгляда, но я вскоре осознал их, ибо час спустя (мы уже снялись со шлюпа) Я увидел красное пламя на горизонте, которое ясно указывало на пламя в воронке от какого-то эсминца, несомненно, преследовавшего нас на большой скорости.

Я нырнул, намереваясь всплыть как можно скорее. С этим намерением в голове я не стал спускаться ниже верхней боевой рубки. Мы едва успели пройти десять метров, когда громкие крики снизу и тревожный шум бегущей воды подсказали мне, что что-то не так. Я продул все баки, всплыл, оставил старшего лейтенанта на вахте и спустился вниз.

На батарейных бортах было пять сантиметров воды, и я сразу понял, что мы больше никогда не сможем нырнуть.

Потому что опора орудия при опрокидывании растянула продольный шов прочного корпуса, к которому оно крепится болтами, и, как только мы оказались под водой, через нее хлынул поток воды.

Можно было бы надеяться, что этого достаточно, но нет! наша чашка еще не была полна. Газообразный хлор внезапно начал заполнять переднюю часть. Соленая вода, стекающая в аккумуляторные баки, содержала кислоту, и, хотя я распорядился залить в бак достаточное количество соды, на момент написания статьи стало невозможно выходить из боевой рубки, не

надев противогаз и кислородный шлем. Так что мы беспомощны и находимся во власти любого маленького траулера или даже погоды.

У нас нет оружия, мы не умеем нырять. Англичане, должно быть, знают, что они нанесли по нам удар, и я каждый час ожидаю увидеть, как корпус эсминца поднимется над горизонтом за кормой.

Нам повезло в двух отношениях: в настоящее время погода обещает быть хорошей, а наши дизели работают в полной исправности.

Нам приказано прибыть в Зебрюгге - я мог бы пожелать отправиться в другое место по многим причинам, но это не имеет значения, поскольку я не могу поверить, что мы собираемся сбежать.

Я чувствую, что был бы почти рад встрече с вражеским кораблем, это скоро закончилось бы; но эта неуверенность и тревога тянутся час за часом - и теперь я не могу уснуть, хотя не спал как следует более семидесяти часов. Я так измотан, что мое тело требует сна, но мне в нем отказано, и поэтому, чтобы не сойти с ума, я пишу; лучше делать это, хотя у меня болят глаза и буквы, кажется, расплываются, чем стоять на мостике в поисках дыма от наших врагов или лежать в своей койке и считать обороты дизелей; тысячи тысяч глухих ударов, один за другим, безжалостные удары молотка.

Я многое вынес.

ЗАПИСКА ЭТЬЕНА

На этом этапе в дневнике Карла фон Шенка происходит обрыв. К счастью, основные очертания рассказа сохранились благодаря длинному письму Зои, которое находилось в небольшом пакете под обложкой второй тетради. Письмо Зои будет воспроизведено в этой книге в надлежащем хронологическом порядке, но чтобы избавить читателя от необходимости читать книгу от письма до этого места, здесь приводится краткое изложение того, что произошло. Записи в его дневнике, следующие за словами "Я много вынес", очень скудны для периода, который, по-видимому, длился около месяца. Больше нет никаких упоминаний о последних этапах путешествия Карла на потерпевшей крушение лодке в Зебрюгге, поэтому предполагается, что он добрался до этого порта без дальнейших приключений. Очевидно, он был на грани нервного срыва и, по-видимому, страдал от очень сильной бессонницы. За ним охотились в течение двух дней, в течение которых он постоянно находился на грани уничтожения, и совокупный эффект такого опыта обязательно наложит свой отпечаток на самого сильного человека. Когда он вернулся в Зебрюгге, он, должно быть, был на пределе сил, и, случайно или намеренно, именно тогда,

когда Карл был, как он сказал бы, "в глубоком душевном упадке", Зоя предприняла свою последнюю и успешную атаку на его решение больше не видеться с ней, пока она не согласится выйти за него замуж. Из ее письма ясно, что, когда он ушел от нее после бурного интервью, в котором поклялся никогда больше ее не видеть, Зою не теряла надежды. Похоже, она следила за его передвижениями и на самом деле знала, когда его ждут.

Мы знаем, что у нее было много друзей среди офицеров, и вполне вероятно, что от одного из них она смогла получить информацию о передвижениях Карла.

Брюгге, вероятно, был рассадником сплетен о подводных лодках, и, в отличие от условий в некоторых других военно-морских портах во время войны, дамы часто были слишком хорошо информированы. Во всяком случае, похоже, что Зоя бросилась к Карлу, как только он прибыл в Брюгге, и застала его в умственном и физическом состоянии, страдающим острой бессонницей.

С безудержной энергией, которая, очевидно, руководила большинством ее действий, она взяла на себя полную ответственность за Карла и, поскольку ему предстоял четырехдневный отпуск, увела его в лес.

Карл, возможно, и протестовал, но, вероятно, был не в том состоянии, чтобы желать этого. На своем тире в лесу Зою добила своего, и упорная борьба между влюбленными закончилась победой женщины. В дневнике Карла есть запись, которая, возможно, относится к этому периоду; он просто говорит: "Наконец-то заснул! О, какая радость!"

Если эта запись была сделана в лесу, то создается впечатление, что Карл не мог заснуть до тех пор, пока Зоя не унесла его в лесной покой своего охотничьего домика и не окружила атмосферой своего нежного сочувствия.

Нет никаких свидетельств того, в каком свете Карл воспринял свое поражение, когда, восстановив силы, он смог оценить изменившуюся ситуацию. Разумно предположить, что его молчание по этому поводу на страницах своего дневника свидетельствует о том, что он стыдился того, что, должно быть, считал проявлением большой слабости со своей стороны.

Во всяком случае, он понял, что перешел Рубикон и что ему лучше смириться с свершившимся фактом.

Кажется, он пробыл в гавани около шести недель, в течение которых жил с Зою, и влюбленные наслаждались кратким периодом счастья, прежде чем Карл отправился в свое следующее путешествие.

Карл, похоже, нашел эти шесть недель очень приятными, хотя в его дневнике есть лишь краткие упоминания, такие как: "А. день за городом с З."; "З. и я ходили на кавалерийские танцы" и другие тривиальные записи - о его мыслях там нет ни слова.

Примерно в конце 1917 года яхта Карла была отремонтирована, и он отправился в Атлантику; и снова возобновил полные записи в своем дневнике.

ETIENNE.

Дневник Карла возобновился.

Отплыли вчера вечером в 9 часов вечера, и сейчас мы находимся в семнадцати милях от Бичи-Хед. Дуврский пролив был ужасен; отблески ацетиленовых вспышек на заграждении были видны на многие мили. Увиденный издали, он произвел на меня впечатление врат ада, через которые нам предстояло пройти.

Я нырнул в десяти милях от берега и ушел вместе с приливом на глубину сорока метров.

Два часа с тремя четвертями напряженного ожидания, и на рассвете мы поднялись, благополучно миновав огромную смертельную ловушку. На данный момент ничего не видно, кроме небольшого дыма на горизонте. Я собираюсь снова нырять до сумерек.

2 часа ночи

Мы несемся вниз по Каналу с юго-западным ветром прямо по курсу. Мои инструкции заключаются в том, чтобы в течение двух дней действовать между "Лизардом" и мысом Кинсейл, а затем проследовать далеко в Атлантику, где конвои должны встретиться с эсминцами.

Этого опыта на канале Fair Island Channel хватило на всю жизнь. Смерть, быстрая, короткая и внезапная, к этому я готов. Но пытка, медленная, долгая и растянутая, не входит в сделку, которую в этот благодатный год каждый цивилизованный человек и половина дикарей мира, похоже, должны были заключить с богом Марсом.

Когда я сижу в этой стальной, сигарообразной массе механизмов, в моих ушах постоянно звучит вопрос: "На что направлена вся эта война, если проанализировать ее с точки зрения личности?"

Это не удовлетворяет ни одного моего желания. У меня нет жажды битвы: никто из сражающихся не испытывает жажды битвы. Редакторы газет и люди в целом

Сотрудники аппарата, возможно, также члены Кабинета министров, жаждут сражений, до тех пор, пока они организуют сражение и говорят о нем после - будь они прокляты!

Единственное, чего я хочу, - это быть с Зои. Я хочу жить и провести долгие годы с ней, наслаждаясь жизнью - той жизнью, половину которой я уже прожил, и теперь, возможно, ее отнимет у меня какой-нибудь другой мужчина: какой-нибудь англичанин, который на самом деле не хочет отнимать мою жизнь, рассматриваемую как личность.

Вокруг меня в темноте стоят патрульные катера, укомплектованные англичанами, которые ищут мою жизнь. Ищут его не для удовлетворения своих личных эмоций, а потому, что мы все находимся в водовороте войны и не можем вырваться.

Похоже, что эта Война наций, подобно лавине, набирает силу и скорость по мере своего продвижения. Мир, должно быть, сошел с ума! Я не понимаю, как это может когда-либо прекратиться. Англия никогда не будет побеждена на море. Мы победим на суше - что тогда?

Неубедительный мир.

Даже если мы разобьем эту островную империю и завоюем господство над миром, какую пользу это принесет мне? Я не вижу способа, которым я мог бы чего-то добиться.

Если бы кто-нибудь прочитал это, то было бы сказано: *Gott!* какая эгоистичная точка зрения - он думает только о своей личной выгоде, а не о своей стране.

Но, черт бы все это побрал, я отвечаю, ответь мне вот на что:

Существую ли я для своей страны или моя страна существует для меня?

Например, живет ли человек ради Церкви, или Церковь была создана для человека?

Разве моя страна не существует для моего блага?

Несомненно, это так.

С другой стороны, я рискую всем, своей жизнью; я живу в опасности, опасениях и большом дискомфорте; я делаю все это, и все же, если я как разумный человек размышляю о том, какую выгоду я получу от всех этих жертв, меня признают эгоистичным.

Все это безумие; я не могу постичь значение этих вещей.

На позиции на линии захода на посадку в Бристоле плохая погода.

На расстоянии двадцати метров.

Смерть снова протянула свои костлявые пальцы, чтобы схватить меня за горло, и только по счастливой случайности мне удалось вырваться.

Вчера днем, в 5 часов вечера, мы заметили небольшой пароход под флагом Испании, направлявшийся в Кардифф. Погода была переменчивой, но не слишком плохой, и я решил потренировать орудийный расчет, хотя и не думал, что от этого будет много пользы, поскольку испанцы скоро сдадутся.

Я открыл огонь на высоте шести тысяч метров, бросил снаряд впереди нее и подал сигнал ложиться в дрейф. Жалкое суденышко не обратило на это внимания и продолжало свой неуклюжий курс. Я заподозрил присутствие англичанина на мостике и решил нанести удар.

Это мы сделали с нашим шестым выстрелом, и судно остановилось как вкопанное и барахталось в желобе, из его машинного отделения вырывались клубы пара; очевидно, мы попали в машинное отделение.

Когда мы закрывали шлюпку, было очевидно, что на борту царила ужасная паника. Шлюпку "Порт си" спускали на воду, но одна из опор сломалась, и пассажиры упали в воду. Мой Штурман умолял меня дать ему еще один, что я и сделал, и попал прямо в корму. Две лодки, полные жестикулирующих людей, теперь появились из-за укрытия с подветренной стороны и начали бешено удаляться от корабля.

Штурману, в глазах которого плясали огоньки возбуждения, очень хотелось поиграть с ними, разбрызгивая воду пулеметными пулями; но мне это показалось пустой тратой боеприпасов, и я этого не допустил.

Тем временем мы приблизились примерно на четыреста метров к ее левому борту по носу. Я раздумывал, стоит ли ускорить ее затопление, когда заметил, что на корме вспыхнул пожар, и мной овладело детское любопытство посмотреть, как тушат огонь, когда она затонула. Это было своего рода соревнование между стихиями.

Наблюдая за ней, я был поражен, услышав три или четыре сообщения из района пожара.

- Боеприпасы! - крикнул пилот, широко раскрыв глаза.

Осознав нашу смертельную опасность, я мгновенно нажал кнопку тревоги погружения. Каким бы дураком я ни был, это был корабль-приманка. Должно быть, на борту поняли, что я разгадал их маскировку, потому что, когда мы начали двигаться вперед, под шумом моторов опустился люк в носовой части корабля, белый флаг был сорван на носу, и 4-дюймовое орудие открыло огонь из амбразуры, которая была открыта на его борту.

Нам повезло в том, что наша боевая рубка была уже прямо перед противником, и когда я спрыгнул в боевую рубку, я увидел, что, поскольку она не могла развернуться, мы были в безопасности.

Несколько снарядов, не причинив вреда, упали в воду за нашей кормой, а затем мы оказались под водой.

Мы подошли на перископную глубину, и я осмотрел судно с позиции за кормой. Корабль быстро тонул, но я был в такой ярости оттого, что меня чуть не поймали в ловушку, что не смог удержаться и дал ему торпеду; детонация была полной, и масса обломков взлетела в воздух, когда корпус корабля исчез. Что касается двух лодок, я оставил их прокладывать наилучший курс к берегу, какой только был в их силах.

Поскольку они находились в пятидесяти милях от берега, когда я их покинул, а через несколько часов после этого подул ветер шестиступенчатой силы, я скорее думаю, что они присоединились к списку "Пропавших без вести". Сейчас мы направляемся строго на запад, к нашей второй позиции.

Прошлой ночью получил приказ немедленно возвращаться на базу по северному маршруту.
[18]

18. Это означает - в Северное море вокруг Шотландии.

Я проложил курс, чтобы пройти в пятидесяти милях к северу от Макл-Флугги; для меня больше нет пролива Фэйр-Айленд.

В поле зрения Статландлет, норвежское побережье под снегом выглядит очень красиво - мы никогда не видели ни одного корабля, идущего с севера Шетландских островов в это место, когда увидели легкий крейсер класса town, идущий на большой скорости на юго-запад.

Вероятно, она патрулировала это место, где соединяются Внутренний и Внешний пути и кораблям приходится покидать трехмильную границу.

Она была достаточно далеко от меня, и нападение было бы бесполезно. Я не пролил ни слезинки; я утратил большую часть пожирающих огонь идей, которые наполняли мой разум, когда я впервые присоединился к этому служению.

Мы должны покинуть мол сегодня вечером в 8 часов вечера, и мое сердце подпрыгивает от радости при мысли увидеть мою Зои; я уже почти могу представить ее прекрасные руки вокруг моей шеи, ее лицо, поднятое к моему, и все другие замечательные вещи, которые делают ее такой великолепной в моих глазах.

ЗАПИСКА ЭТЬЕНА

Прежде чем процитировать следующую запись в дневнике Карла, необходимо объяснить ситуацию, с которой он столкнулся, когда прибыл в Зебрюгге. В его отсутствие его возлюбленная Зои была арестована как агент союзников, и через день или два после его прибытия ее судили за шпионаж. Нет записей о том, как он услышал эту новость, и удар, который он перенес, вероятно, был настолько ужасен, что, пока еще была надежда, он не испытывал желания писать; но, как будет видно, пришло время, когда он обратился к своему дневнику как к последнему другу, который у него остался. Любопытно, что, за исключением записи в начале этого дневника, Карл почти не упоминает о своей матери и доме во Франкфурте. Хотя он этого не говорит, представляется возможным, что его мать слышала о его связи с Зои и между ними возник барьер; это предположение усиливается тем фактом, что в

самые черные моменты отчаяния он, кажется, никогда не задумывался о том, чтобы обратиться за сочувствием во Франкфурт. Естественно, вызван интерес к деталям судебного процесса над Зои. Доступные материалы состоят исключительно из длинного письма, которое она написала ему из тюрьмы Брюгге. Возможно, однажды немецкие архивы периода оккупации раскроют дополнительные подробности. Информация по этому вопросу, возможно, находится в распоряжении британской разведывательной службы, но она будет храниться в секрете. Все, что мы знаем по этому поводу, почерпнуто из письма, которое сохранилось во втором томе дневника Карла.

Кажется, нет никаких сомнений в том, что ее поймали с поличным, но сказать больше означало бы предвосхитить ее собственные слова.

Было довольно сложно решить, с чего лучше всего представить письмо Зои, но, чтобы обеспечить как можно большую преемственность мысли в рассказе, было решено процитировать его на данном этапе, хотя он получил его только после того, как сделал запись в дневнике, которая будет процитирована непосредственно после письма.

Я хотел бы обратиться к любому читателю, которому, возможно, посчастливится заниматься административной или восстановительной работой в Бельгии, с просьбой связаться со мной, позаботиться о господах. Хатчинсон, должен ли он заняться какими-либо бумагами, касающимися судебного процесса над Зои.

ETIENNE.

ПИСЬМО ЗОИ

МОЙ САМЫЙ ЛЮБИМЫЙ,

Когда ты получишь это письмо, перестань горевать о том, что произошло, ибо я наконец обрету покой, освобожденный от мира, в котором я познал горькую печаль и, пока ты не появился в моей жизни, мало радости.

За эти последние месяцы я благодарен Богу, если такое существо существует и регулирует поведение сошедшего с ума мира.

Потому что через несколько часов я умру.

Тебе это тяжелее, чем мне; я пережил один момент агонии, момент, который, казалось, длился столетие, когда среди моря лиц, которые беспорядочной массой проплыли передо мной на суде, я увидел твои глаза и пытку, которой ты подвергался. Когда я увидел ваши глаза, я понял, что Президент сказал, что я должен умереть. Я рад, что вы сказали мне это, единственный

среди всех этих мужчин, кто любил меня. Я полагаю, что говорил Президент; я никогда не слышал его, но я увидел ваши глаза и понял.

Моя дорогая, с твоей стороны было жестоко прийти, жестоко по отношению ко мне и к самой себе, но я любила тебя за то, что ты была там; это показало мне, что до последнего ты будешь рядом со мной, и пока ты не прочтешь это, ты не сможешь узнать всех фактов. То, что тебе, как и другим, я, должно быть, казалась шпионкой и что, тем не менее, ты была рядом со мной, является для меня воспоминанием непревзойденной нежности, по сравнению с которым все остальные мысли о тебе меркнут.

Знай теперь, о, возлюбленный мой, что я не был недостойн твоей любви.

Мне нужно рассказать вам историю, а у меня осталось так мало времени, что я должен писать быстро. Священник, который был со мной, приходит снова за час до рассвета, и он пообещал передать эти мои последние слова любви в ваши руки.

Мое настоящее имя Зои Ксения Ольга Сбейлиез, и я родилась двадцать девять лет назад в загородном доме моего отца в Инковано, недалеко от Конисфоля. Я поляк; по крайней мере, мой отец был поляком, а моя мать родом с Дона. Было время, когда предки моего отца были польскими князьями. Бедную Польшу растерзали европейские стервятники, точно так же, как твои соотечественники, мой Карл, терзают бедные Бельгию и Францию, и поэтому моя семья год за годом теряла поместья, а мой дед похоронен где-то в унылых сибирских степях, потому что он осмелился быть польским патриотом.

Мой отец склонился перед бурей и под влиянием моей матери никогда не вмешивался в политику. Таким образом, он жил в своих поместьях в Инковано и ухаживал за моим младшим братом Александровичем, ребенком своей старости. Алексу было бы сейчас девятнадцать, если бы он был жив. Поместья были большими, как это принято в Западной Европе, но они были всего лишь садом по сравнению с землями моего прадеда, Бориса Сбейлиеза.

У моего отца была мечта, и он мечтал об этом с того дня, как родился Алекс, и до того дня, когда они оба умерли в объятиях друг друга.

Мой отец мечтал, что однажды цари смягчат свое сердце по отношению к Польше и поднимут ее из праха на место среди народов, и мой отец мечтал, что Александрович Сбейлиец станет лидером Польши, каким были его предки до него. И вот мой отец ухаживал за своими поместьями, копил и откладывал, готовясь к тому дню, когда его прекрасная мечта должна была осуществиться.

Мой бедный отец-идеалист так и не понял, о, мой Карл, что, когда человек чего-то хочет, он должен бороться - не на жизнь, а на смерть. Алекс был зеницей его ока, но моя мать очень любила меня; возможно, ей приснился сон обо мне - я не знаю, но она решила, что у меня должно быть все необходимое. Париж, Берлин, Мюнхен, Дрезден и сезон в Лондоне, а затем я вернулась домой в двадцать один год, прекрасно образованная, по мнению мира, красивая, по мнению мужчин, и одетая в соответствии с Парижем. Но мне только предстояло выяснить, как мало я знал. Мы с мамой обычно снимали дом в Варшаве на сезон, и я познакомился со многими известными мужчинами и женщинами. В те дни я тоже думал, что мог бы что-то сделать для Польши, но через два или три сезона обнаружил, что тоже грезил лишь праздными мечтами. О, мои возлюбленные, остерегайтесь мечтать о пустом.

Послушайте! Однажды я встретил премьер-министра всея Руси на приеме. Я пленил его и подумал: сейчас! сейчас! Я должен что-нибудь сделать.

Я сидел рядом с ним за обедом; я говорил о Польше - и я знал свою тему - я говорил блестяще; он слушал, он ловил мои слова, и он, премьер-министр всея Руси, правая рука царя, попросил меня прокатиться с ним на следующий день в его санях. Я, почти незнакомая польская девушка!

Когда я согласился, я был на седьмом небе от восторга.

На следующий день он позвонил, и мы отправились в путь; в безлюдном месте в лесу под Варшавой он попытался поцеловать меня - я ударила его по лицу рукоятью его же хлыста.

Вот почему он прислушался к моим словам, вот почему он пригласил меня покататься; его интересовало мое польское тело, а не Польша.

Премьер-министр России был заперт в своей комнате на два дня "из-за недомогания". Как я смеялся, когда увидел бюллетень в газете, подписанный двумя врачами, но это преподало мне урок: я больше никогда не предавался праздным мечтам.

Нет, я ошибаюсь, моя возлюбленная. Мне приснился праздный сон, прекрасный сон о тебе и мне. Мечта о послевоенном периоде, если эта война когда-нибудь закончится, но, как и другие мечты, она закончилась - во снах.

Но я должен спешить, потому что мои маленькие часики показывают, что один час из моих пяти прошел, а мне нужно многое сказать.

Я мог бы жениться, и жениться блестяще, но Польша удержала меня. Я не знал, что я мог бы сделать для своей страны, все это казалось таким безнадежным, и все же я чувствовал, что, возможно, однажды ... и я чувствовала, что должна быть одинока, когда этот день настанет.

Это было нелегко, мой Карл, иногда было тяжело; был один человек, его звали Сергиус; он безумно любил меня, и иногда я думала ... но неважно, сейчас он мертв, убит под Танненбергом, а я... что ж, я расскажу тебе свою историю подробнее.

Когда разразилась война и омрачила то последнее прекрасное лето 1914 года (интересно, будет ли когда-нибудь еще одно подобное в твоей жизни, мой Карл? Нет, я не думаю, что после всего этого все когда-нибудь станет совсем по-прежнему!), мы все были в деревне. Алекс вернулся из школы в Петрограде, и мой отец оставил его дома на осенний семестр.

Как хорошо я помню волнение, мобилизацию, освящение знамени, волну патриотизма, захлестнувшую страну; даже я, под влиянием лживых прокламаций, которые были выпущены по радио правительством, с их обещаниями реформ и возмещения ущерба Польше после окончания войны, чувствовал себя скорее русским, чем поляком. Ложь! Ложь! Ложь! таковы были обещания правительства, мой Карл.

Под давлением войны прогневшие жители этой великой белой гробницы, России, боялись возрождения польского духа; это могло быть неловко, и поэтому они лгали, высунув языки за щеку, а мы, простые поляки, им верили; крестьянство стекалось на их склады, плохо зная, с кем они сражались, но прокламации, которые им зачитывали, говорили им, что они сражались за Польшу, а мы, женщины, работали и молились за успех русского оружия.

Затем волна войны хлынула на запад, и весь день напролет войска, орудия, автомобили и повозки катились через деревню на запад.

Осторожные намеки в газетах, казалось, говорили о том, что во Франции не все хорошо, но Франция была так далеко, и все это время русские продвигались на запад через нашу деревню. Могущественная Россия демонстрировала свою силу, и разгром Австрии был в самом разгаре; это были великие дни, мой Карл, для русского!

Затем в один прекрасный день длинные колонны людей и все транспортные средства, казалось, заколебались в медленном потоке, направлявшемся на запад, затем он остановился, а затем начал двигаться на восток. Шли недели, и однажды, очень, очень слабо, послышался рокот, похожий на отдаленную грозу. Это были орудия! Фронт возвращался.

Ты когда-нибудь видел лесные пожары, мой Карл? У нас в лесах они случались каждую осень. Если да, то вы знаете, как все мелкие зверьки и птицы, кролики и лисы, и, возможно, один-два волка, и олени, и дрозды, и коноплянки выходят из-под укрытия деревьев, слепо спасаясь от большой опасности, стремясь только к спасению своих жизней. Так было, когда фронт вернулся. Стада мужиков, стариков, женщин, детей, бедных младенцев, вслепую брели на восток через деревню.

Толкая своих жалких домашних божков на ручных тележках или ковыляя с грузом за спиной и таща за руки усталых детей, людская волна текла на восток, вокруг нашего дома, просила, возможно, глоток воды, а затем лихорадочно брела дальше.

В девяноста девяти случаях из ста они не знали, куда направляются; их единственная цель заключалась в словах "Подальше от Фронта" - подальше от зловещего грохота, который становился все громче, подальше от западного горизонта, который по ночам начинал приобретать зловещее зарево, словно закат, переходящий в рассвет.

Затем, по мере того как немцы продвигались все дальше и больше, характер течения изменился, гражданские элементы оказались в меньшинстве по сравнению с военными. Роты, батальоны, бригады, иногда в хорошем порядке, иногда без порядка, маршировали по деревне. Они часто останавливались на короткое время, и офицеры приходили в дом, где мы с мамой давали им все, что могли. Мой отец жил среди своих книг и счетов и оплакивал расточительность войны. Потом были дезертиры, отставшие, ходячие раненые, но ты знаешь, мой Карл, что значит отступающая армия.

Я должен продолжить свой рассказ, ибо время неумолимо движется вперед.

Однажды тяжело раненого офицера, молодого гвардейского лейтенанта, двадцатипятилетнего юношу, вынесли из машины скорой помощи умирать.

Машина скорой помощи остановилась напротив наших ворот, и, лежа на носилках, он увидел наш сад, мой сад. Он знал, что должен умереть, и со слезами на глазах умолял доктора оставить его в саду.

Кто мог ему отказать?

Он умер в течение двух часов, среди наших цветов, рядом со мной и Алексом.

Перед смертью он просил нас, умолял, почти приказал нам двигаться на восток, пока не стало слишком поздно.

Мы повторили его доводы моему отцу, но тот был непреклонен и поклялся, что полк ангелов не уведет его из дома предков. Так что мы решили остаться.

Дела шли все хуже и хуже, и однажды на территорию упали снаряды, и мы спрятались в подвалах. Той ночью все наши слуги разбежались, и мой отец проклял их за трусость. На следующий день рано утром мы услышали пулеметную стрельбу за пределами деревни, а потом все стихло.

В шесть часов Алекс с побелевшим лицом вбежал в дом. Он был у ворот и видел врага. По его словам, они были пьяны и шли по улице, обстреливая дома и людей, когда те выходили.

Это казалось невозможным, и все же это было правдой. Уже темнело, когда мы слышали крики и увидели огни, и с крыши дома я увидел толпу поющих и орущих солдат с сосновыми факелами, которые наполовину бежали, наполовину шли по подъездной дорожке.

Они столпились напротив дома. Парализованный ужасом, я посмотрел вниз на сцену и содрогнулся, увидев, что у каждого второго мужчины, казалось, была бутылка. Один из них выстрелил в дом, и затем я помню поток света на подъездной дорожке и в круге света моего отца, стоящего с поднятой рукой. Что замыслил мой отец, никогда не будет известно, потому что, когда он остановился и повернулся лицом к толпе, раздался одиночный выстрел, и он упал бесформенной кучей.

Когда он падал, мальчишеский голос из-за двери крикнул: "Убийцы!" Это был Алекс. Со своим маленьким пистолетом, который я подарил ему на день рождения, он побежал вперед и, стоя над телом моего отца, запрокинув голову, направил пистолет на толпу и дважды выстрелил.

Упал человек, сверкнула сталь, толпа хлынула вперед, и... и, о! мой Карл, они убили моего любимого брата, моего дорогого Алекса.

В следующее мгновение они были в доме. Я выбрался из окна на крышу маслобойни, а оттуда по водопроводной трубе через двор на старый сеновал. Долгое время они бегали по дому, как муравьи, мародерствуя; затем раздался громкий крик, и некоторое время из дома не выходила ни одна душа. Я предположил, что они забрались в подвалы. Около полуночи я увидел, что дом в огне. Через несколько минут это был настоящий ад, и пьяные солдаты хлынули наружу, стреляя из винтовок во все стороны.

Я нашел на чердаке кусок веревки. Один конец я надел на крюк, а другой обвил вокруг шеи. Я был недалеко от верхних дверей чердака, откуда можно было спуститься во внутренний двор, и поэтому остался там, так как боялся, что какой-нибудь солдат, более трезвый, чем остальные, может обыскать надворные постройки и найти меня. Я наблюдал за этим неземным зрелищем, и никогда, мои самые любимые, я не предполагал, что человек может стать ниже зверей, но на моих глазах это было так, когда я заметил, что большие ворота в южном конце двора открылись. Когда они открылись, я увидел, что за ними выстроилась шеренга мужчин. Офицер отдал приказ, и два пулемета были установлены у входа в ворота; вокруг орудий лежали их расчеты, и бурлящая масса гуляк ничего не видела. Я почувствовал, что надвигается страшная трагедия, и когда я с тревогой затаил дыхание, офицер сделал короткое, резкое движение рукой, и отвратительный грохот перекрыл все звуки. Последовавшее за этим столпотворение было неопишным. Одни беспомощно вбегали в горящий дом, другие бегали кругами, третьи пытались проникнуть в маслобойню; один человек забрался на ее крышу и упал замертво, как только его голова показалась над внешней стеной. Место было окружено. Это было ужасно. Несколько человек попытались броситься к воротам, они растаяли, как снег под лучами солнца, когда их тела встретились с безжалостным потоком пуль. Я полагаю, за столько секунд было убито двести человек. Пулеметы прекратили огонь. Бригады скорой помощи прибыли во двор, собрали мертвых и живых, и в течение получаса там не было ни души, кроме меня. Дисциплина получила в жертву человеческие жизни.

Например, это была одна из самых замечательных вещей, которые я когда-либо видел в вашей замечательной армии, мой Карл, но это было ужасно - ужасно жестоко.

Я так и не узнал, что стало с моей матерью, хотя чувствую, что она мертва - возможно, убита, как мой отец и мой дорогой Алекс, или, возможно, она спряталась где-то в доме и окаменела от ужаса, пока не вспыхнуло пламя. На следующее утро я вышел из своего укрытия и обошел окрестности. Ни одного немца видно не было, но в лесу была огромная свежевырытая могила. Тогда все это было открытой войной, и эта летучая колонна, которая была на много миль впереди основных сил, двинулась дальше. Дом превратился в дымящиеся руины, но хозяйственные постройки уцелели, и я выпустил всех бедных животных и загнал их в лес, чтобы у них был шанс.

Весь день я искал своего отца и брата, но никаких признаков не было видно, и в сумерках я стоял один, ослабевший и разбитый, среди руин дома моих предков. Когда я смотрела на эту сцену запустения и сравнивала то, какой была моя жизнь двадцать четыре часа назад, с тем, какой она была тогда, что-то, казалось, щелкнуло в моем мозгу, и я впервые заплакала. О, благословенное облегчение от этих слез, мой Карл, потому что я была бедной, слабой, беспомощной девочкой, наедине со смертью и горечью вокруг меня. Поздно ночью я снова

спрятался на своем сеновале, а на следующее утро навсегда покинул Инковано. Перед отъездом я дал клятву. Именно из-за этой клятвы, мои возлюбленные, я должен умереть. Ибо я поклялся телом нашего Спасителя и убитыми телами моей семьи, что, пока во мне была жизнь и продолжалась война, я так долго буду неустанно работать на союзников против Германии. По мере того как война шла своим огненным чередом, я все больше и больше убеждался, что союзники - единственные, кто готов на все ради Польши, моей любимой страны, поэтому я укреплялся в своей клятве.

Я отправилась на юг на своих ногах, как бедная девушка - я, дочь польского княжеского рода! Для меня не было слишком больших трудностей, при условии, что я могла добраться до территории союзников. Я путешествовала из деревни в деревню как поющая девушка, и однажды жители деревни забросали меня камнями, а фанатичный священник напал на меня. Я прибыл из Кракова и пересек Карпаты, помог пройти линию фронта венгерскому лейтенанту - но я обманом лишил его награды; я не был готов к такой жертве. Затем через венгерские равнины в Буда-Пеш, где я оставался три недели, распевая в третьеразрядном кафе, чтобы заработать немного денег для моего следующего выступления. Но мне пришлось уехать слишком рано - старая история! - на этот раз это был сын владельца. Что за звери мужчины, мой Карл! И все же для меня ты выше всех остальных мужчин, принц среди своих братьев, и никогда я не любил тебя так безумно, как в ту первую ночь на тире, когда я прочел презрение в твоих глазах, когда ты отверг меня. Мне не стыдно говорить тебе об этом. Разве я уже не в могиле? И тогда я должен молчать и могу только ждать твоего прихода. После долгих испытаний, о которых трудно рассказывать, я приехала в Херманштадт, и там, продвигая свое ремесло танцовщицы, познакомилась с венгерской бандой контрабандистов, работавших через горные перевалы между Восточной Венгрией и Румынией. Я выполнил определенную работу для этих людей, а взамен переправился с ними одной суровой ночью во время грозы в Румынию. В Бухаресте я получил выгодное предложение, и, скопив тысячу марок, купил паспорт за пятьсот и приехал в Сербию, тогда еще шатавшуюся под натиском великого австрийского наступления.

Я снова оказался в ужасах отступления, но мне удалось спастись, добраться до Валоны и переправиться в Бриндизи с помощью французского офицера, которому я рассказал свою историю и который мне поверил. Его зовут Пьер Лемансур, и он живет в Бордо.

Если судьба отдаст его в твою власть, будь добр к нему, мой Карл, ради твоей Зои.

Я приехала в Рим, а оттуда в Париж. Я пробыла здесь три недели, пела в кабаре. Находясь здесь, я тщетно пыталась осуществить свои планы! Что я, бедная девушка, могла сделать для союзников? В посольстве надо мной смеялись, все, кроме одного молодого атташе, который пытался заняться со мной любовью.

Затем я подумал об Англии - Англии и ее холодных, суровых островитянах, флегматичных в движениях, медленно ненавидящих, медлительных на поступки, но однажды встревоженных ... Ах! они никогда не отпускают, эти островитяне!

Один из их поэтов сказал: "Мельницы Бога мелют медленно, но они мелют чрезвычайно мелко".

Это, мой Карл, похоже на Англию.

Они твои самые страшные враги, и ты это знаешь.

Не сердитесь на меня, когда будете это читать.

Для меня это Польша, для вас - Германия.

Там, куда я отправлюсь через несколько часов, нет ни Польши, ни Германии, ни Англии, ни войны. И, возможно, возможно, нет любви.

Мы с тобой, Карл, любили, возможно, слишком сильно, но наша любовь была выше даже любви к странам.

Бог сотворил любовь мужчин и женщин, затем мужчины и женщины создали свои страны.

Я вижу будущее перед собой, Карл, и я предвижу, что борьба между Англией и Германией станет концом всего сущего. Один будет повержен во прах.

Таким образом, я переехал в Англию и был поглощен великим городом Лондоном. Англия в глубине своего расчетливого сердца всегда питала симпатию к малым нациям, и в Лондоне есть польская организация. Я подал туда заявление, и однажды меня отвели в Министерство иностранных дел, и я оказался наедине с великим англичанином. Его звали ... Нет, я обещала, и для тебя это не будет иметь значения, потому что, хотя он дал мне шанс, я не испытываю к нему любви, и он никогда не будет в твоей власти. Даже когда я пишу эти слова, он, вероятно, достал список из запертого сейфа и аккуратно перечеркнул красной линией имя Зои Сбейлиез. Говорю вам, они знают все, эти англичане. Я рассказал ему свою историю, а затем он спросил меня, готов ли я сделать все для союзников. Я сказал ему, что готов. Затем он сказал, что я мог бы поехать агентом на задворки в Бельгии, и моим центром был бы Брюгге. Я согласился и довольно невинно спросил его, как я буду жить в Брюгге. Он поднял глаза от своего стола и сказал:

"Вам будут предоставлены условия для пересечения бельгийско-голландской границы в качестве немецкой певицы".

- А потом? - Спросил я.

- Ты поедешь в Брюгге и подружишься с армейским офицером; он, должно быть, занимает высокое положение в штабе.

Я догадался, что он имел в виду, но вопреки всякой надежде спросил: "Как?"

Я до сих пор вижу его рыбье лицо, волосы, тщательно зачесанные назад, когда он без тени эмоций поднял голову, пыхнул трубкой и сказал будничным тоном:

- У тебя красивое лицо и превосходная фигура. Нужно ли говорить больше?

Я готова была ударить его по лицу. Я потеряла дар речи, в голове бушевали противоречивые эмоции. Меня снова разбудили ровные звуки.

"Не слишком ли это много - для Польши?"

О! хитрый человек; он знал мою слабость. Я машинально согласился. Некоторые детали были улажены, и он нажал на звонок. Через пять минут я уже возвращался к себе домой.

Благодаря великолепной организации, которую ваша полиция никогда не раскроет, мой Карл, в течение *трех недель* я пел на сцене мюзик-холла Брюгге и безоговорочно принял то, кем я не был, - немецкого артиста из Данцига. Вскоре люди окружили меня, но мне не нужны были молодые люди с деньгами. Мне нужен был человек с информацией. Наконец я нашел своего человека - полковника. Он служил в штабе XI армии, оккупационной армии в Бельгии, когда я впервые встретился с ним. Впоследствии он вернулся к работе в полку; но к тому времени, когда его убили (и чтобы понять, какое освобождение это значило для меня, вам пришлось бы жить с ним) Я установил регулярные источники информации, о которых я больше ничего не скажу. Пусть агенты вашей страны найдут их, если смогут. Это я должен сказать в защиту полковника: он был грубияном и пьяницей, но по-своему грубо любил меня, и он лизал мои сапоги по моему желанию, но я должен был заплатить за это. Вы мужчина, и при всем вашем любящем сочувствии вы можете лишь смутно осознавать, чего это стоит женщине. Для меня это была двойная жертва честью и жизнью, но это было ради Польши, и воспоминания о моих родителях и Алексее закалили меня и укрепили мою решимость, и вот, и вот, мой Карл, я заплатил за это цену.

Моя особая работа касалась военной стороны и заключалась в составлении ежеквартальных отчетов об общих диспозициях крупных группировок войск, сосредоточении корпусов для весенних наступлений, а также о крупных наступлениях и молниеносных ударах.

Потом ты вошла в мою жизнь! Когда полковник уезжал, у меня вошло в привычку возвращаться в полусветном обществе Брюгге, пытаться прожить несколько часов, за которые я мог бы забыть ... о! не думай о худшем! *Такое* меня не привлекало. Я не искал забвения в этом направлении! Я даже никогда ни с кем не целовался в Брюгге, пока не поцеловал тебя в тот первый вечер, когда мы встретились за ужином - ты мне понравилась с самого начала; полковник должен был вернуться через несколько дней, и я вдруг разозлился и поцеловал тебя. Я полагаю, вы относите меня к числу обычных людей, желающих продать себя по цене, варьирующейся между хорошим обедом и арендной платой за квартиру! Теперь вы знаете, что я уже отдал свое тело в залог Польше.

Затем, несколько дней спустя, как ты помнишь, мы отправились в тот чудесный день в лес, и впервые, Карл, я начал понимать, что по-настоящему забочусь о тебе, и смутное осознание опасностей и невозможностей, к которым мы приближались, пришло мне в голову.

Ты помнишь, какой молчаливой я была по дороге обратно? В некотором смысле, мой Карл, я могла смутно предвидеть то, что должно было произойти. У меня было предчувствие, что конец будет катастрофическим, но я отогнал от себя эту мысль. Затем наступил день, как раз перед одной из твоих поездок - о! о муках, моя дорогая, тех дней, каждый длиной в целую вечность, когда ты была в море, когда ты сказала мне в квартире, что любишь меня.

Как мне хотелось обвить руками твою шею и отдаться в твои объятия, но в те дни я был еще достаточно силен, чтобы сдерживаться ради нас обоих.

Каждый раз, когда мы были вместе, я любил тебя все больше и больше, и каждый раз, когда ты уходила, я, казалось, все яснее видел фатальный и неизбежный конец.

Но я отказывался отказываться от первого настоящего счастья, которое было у меня в моей короткой и бурной жизни, и поэтому отчаянно цеплялся за свою праздную мечту.

Я молилась, я молилась часами, Карл, чтобы война закончилась, ибо я чувствовала, что в этом наша единственная надежда - но что значат молитвы одной женщины, молитвы грешной женщины к Создателю всего сущего, а война продолжается в своей бесконечной агонии, как и сегодня ночью ... Карл! Карл! закончится ли когда-нибудь эта пытка?

Но я должен спешить, мне еще многое нужно тебе сказать, а Время идет неумолимо, как война; заканчивается только жизнь. Потом настали дни, когда я впервые повел тебя на стрельбище, и в ту ночь я не выдержал и, не стыдясь, предложил тебе себя. Не думай слишком плохо о своей Зои, мой Карл; когда женщина любит так, как люблю я, что такое условности? Ничто, соломинка в водах жизни. Я хотел, чтобы ты принадлежала мне, страстно и отчаянно, потому что боялся, что в любой момент может наступить конец, и умереть, не почувствовав твоих объятий, значило бы добавить к смерти тысячу мучений. Хотя я мог бы с радостью приветствовать смерть, когда увидел взгляд печального презрения, который ты бросил на меня той ночью. Небеса небесные! но ты был силен, мой Карл. Я не уродина, и все же ты сопротивлялся, и я ненавидела и любила тебя одновременно ... О! Я знаю, это звучит невероятно, но это не для женщины. В ту ночь я мало спал и, чувствуя, что утром не смогу посмотреть тебе в лицо, уехал в Брюгге еще до того, как ты встал.

Я чувствовал, что могу доверять тебе в том, что ты не попытаешься выведать секрет ящика для стрельбы.

Какое облегчение иметь возможность рассказать вам все откровенно, и как я ненавидел бесконечную игру в обман, в которую мне приходилось играть.

Раньше я ломал голову в поисках ответов на твой вечный вопрос: "Почему ты не выходишь за меня замуж?" Я отчаянно рисковал, отправляя тебя в лес, но ты так сильно любила меня, что никогда не подвергала сомнению причины, по которым я рассказал тебе о своей секретности. Теперь я могу сказать тебе, Карл, что в первые дни, когда я часто исчезал из Брюгге, я ходил именно в тир.

Но я напишу об этом позже.

Испытывал ли ты те же муки, что и я, перед твоим отъездом в Киль, и твоя гордость не позволила тебе прийти ко мне? Теперь ты понимаешь, моя дорогая, почему я никогда не мог жениться на тебе, а когда полковник был убит, это стало еще тяжелее, чем когда-либо. Однажды во время того ужасного интервью, перед тем как ты отправился к русскому побережью, я чуть не уступил и не пообещал жениться на тебе. Но как я мог? Я дал свою клятву, и даже сегодня вечером, хотя я стою в тени смерти, я не сожалею о своей клятве.

Немыслимо, чтобы я могла выйти за тебя замуж и продолжить свою работу - шпионить в стране моего мужа, - и если я когда-нибудь думала о попытке совершить эту невозможную вещь, видение, которое частично сбылось, всегда сдерживало меня.

Я видел офицера подводной лодки, опозоренного и, возможно, приговоренного к смертной казни, потому что его жена была осуждена как шпионка!

Нет! это было невозможно.

Но если бы я не мог жениться на тебе, я все равно хотел твоей любви.

Затем вы отправились вдоль российского побережья, и я услышал о вашем возвращении на подводной лодке, сильно потерпевшей крушение. Я догадывался, через что тебе, должно быть, пришлось пройти, и решил повидаться с тобой, но когда я вошел в твою комнату и увидел, что ты лежишь с открытыми глазами на своей кровати, и никто, кроме неуклюжего солдата, не ухаживает за тобой, я чуть не заплакал. Остальное ты знаешь; возможно, ты с трудом помнишь, как я подвел тебя к своей машине и отвез в лес. О, Карл, ты сердишься на меня за то, что произошло? Тебе иногда кажется, что я несправедливо воспользовался твоей слабостью? Пожалуйста! Пожалуйста, прости меня, ты был таким беспомощным, а я так любила тебя.

Затем наступили те незабываемые недели, пока ремонтировалась ваша лодка, недели, которые открыли мне дверь в рай, в который мне никогда не суждено было попасть. О! Карл, я молюсь, чтобы все эти воспоминания оставались приятными и безоблачными всю твою жизнь. Подумай о тех днях, когда ты думаешь о своей Зои. Увы! они закончились слишком быстро, и ты уехал в Атлантику. Когда ты вернулся, все было кончено; наконец-то меня поймали.

Доказательства на суде были достаточно ясными. У меня нет претензий. Меня честно поймали. Вы помните большое открытое пространство перед стрельбищем? Я не возражаю сказать сейчас, что пять раз меня забирали оттуда на английском самолете и через два дня я снова приземлялся там. Каждый раз я получал полный отчет по военным делам. Ни слова о военно-морских новостях, мой Карл; ты помнишь, я никогда не пытался разузнать информацию о подводных лодках. Я даже предупреждал тебя, чтобы ты был осторожен. Что ж, они поймали меня, когда я приземлился; английский мальчик, который доставил меня обратно, изо всех сил пытался спасти меня, но это стоило ему только собственной жизни.

Моя первая мысль была о тебе, и против тебя нет ни малейших улик, кроме твоей дружбы ко мне. Запомни этот факт, если тебя будут преследовать. Ни в чем не признавайтесь, не верьте ничему, что они вам говорят, все отрицайте; у них нет доказательств; но они наверняка попытаются заманить вас в ловушку.

С твоей стороны было благородно, Карл, привлечь месье Лабордена к моей защите, но это было бесполезно и могло причинить тебе вред.

Я также знаю о ваших усилиях с губернатором. Я ничего не надеялся на него, но то, что вы сделали, сделало меня готовым умереть; Я трепещу, чтобы вас не скомпрометировали.

Если бы только я мог быть абсолютно уверен, что не потащил вас за собой в свое разорение, я бы встретил винтовки с улыбкой.

Ради меня будь осторожен, Карл.

Когда все закончится, посади несколько маленьких цветочков на место моего упокоения, если это позволено шпиону. Заказывайте их, не размещайте самостоятельно; вы *не должны* подвергаться риску.

Я рассказал свою историю, и конец очень близок. Что еще можно сказать?

Простые слова - пустая шелуха, когда я пытаюсь выразить свои мысли о тебе.

Не печалься о своей Зое, которой ты подарил такое счастье.

Я не боюсь умереть и отправиться в неизвестность, которая, какой бы ужасной она ни была, не может быть намного хуже этой ужасной войны.

Карл! Карл! как я жажду поцеловать тебя и почувствовать, как твои сильные руки выбивают дыхание из моего тела, которое причинило столько горя.

О, мать Мария, поддержи меня в этот час испытаний.

Я не могу оставить тебя!

Пусть Святые охраняют вас и сохраняют во всех опасностях войны и даруют нам встретиться снова в совершенном мире вечности.

Навсегда, Твоя преданная и обожающая ЗОИ.

Дневник Карла возобновился.

Она мертва!

Они убили ее, мою Зои, мою обожаемую дорогушу, а я все еще жив - и нахожусь под строгим арестом. Возможно, они застрелят и меня в своей ненасытной жажде крови. О, если бы они захотели! Возможно, моя Зои, если бы я только мог умереть и оставить этот бесполезный мир позади, я смог бы найти тебя в таинственных областях, где сейчас обитает твой дух.

О! у тебя все хорошо, Зои? Дай мне знак - маленький знак, - что все хорошо. Я преклонял колени в молитве и просил знамения, но ничего не приходило - все было пусто, неприступно и таинственно. Бог сердится на нас, моя Зои, за то, что мы согрешили перед Ним? Конечно, конечно, Он понимает. Он должен сжалиться надо мной, если хочет, чтобы я продолжал жить. Если это мое наказание, я могу вынести его; я буду жить без тебя счастливо, если только буду знать, что с тобой все хорошо.

Твое письмо, Зои! Ты можешь прочесть эти слова, пока я пишу; ты можешь уловить мои мысли? Говори! Ах! Мне показалось, что я слышу твой голос, а это был всего лишь смех женщины на улице. Твое письмо наполнило меня радостью и печалью. Я читал и перечитывал чудесные слова, в которых ты говоришь, что любил меня с самого начала, но когда ты умоляешь, чтобы я не отвернулся с отвращением от твоей памяти, - этими словами ты повергаешь меня на землю. Великолепнейшая женщина, я никогда не любил тебя так сильно и так страстно, как в тот день, когда ты стояла на суде, окруженная волками, умными адвокатами, бесстрастными

свидетелями, тяжеловесными книгами, циничной аурой религиозной торжественности, которой судебная машина тонко прикрывает свою жажду крови - жизни.

Даже когда я услышал приговор, я не мог поверить, что он будет приведен в исполнение. Расстрельная группа, стул, повязка. О Боже! избавь меня от этих ужасных мыслей. Подумать только, что твоя грудь разорвана... О! это невыносимо! Остановись, какой бы я ни был безумец!

Теперь я успокоился; я еще раз перечитал твое письмо и вытащил дневник из каминной решетки, в которую я его швырнул.

Огонь погас; я не жалею; мой дневник - это все, что у меня осталось, и на его страницах запечатлены маленькие, неубедительные словесные картинки рая на земле. Читать их - значит уловить отголосок музыки, которую мы оба так любили. Музыка! ты вся была музыкой для меня, моя Зои. Твой голос, твои движения, твои ласки - все, казалось мне, говорило о музыке.

Я спрашиваю себя, я всегда буду спрашивать себя до последнего часа, было ли сделано все, что можно было сделать для твоего спасения. Я пытался телеграфировать кайзеру за тебя, Зои, но телеграмма так и не дошла дальше почтового отделения Брюгге; они остановили ее и посадили меня под арест. Это был всего лишь открытый арест, моя дорогая, и в ту последнюю ужасную ночь я заставил их позволить мне увидеться с губернатором. Я, Карл фон Шенк, преклонил колени у его ног и умолял сохранить тебе жизнь. Он просто сказал: "Ты сумасшедший". Я покинул Дворец под строгим арестом.

Было ли когда-нибудь благородство женского характера таким примером, как в твоей жизни? Утешься, Зои, что при всей моей черной печали я отчаянно цепляюсь за свою гордость за твою силу. Я жажду крикнуть во всеуслышание, что ты сделала и почему никогда не вышла бы за меня замуж, рассказать всему изумленному миру, что, когда ты умерла, был убит мученик долга. Я так недостоин того, что ты сделала для меня, моя дорогая, и меня терзает мысль о том, что, гордясь своей силой духа, я тащил тебя через адское пламя. Когда я думаю о тех шести неделях, которые мы провели вместе, мой мозг говорит: "И они могли бы растянуться на месяцы, если бы ты не отверг ее в лесу".

О, Зои! если священники говорят правду и все теперь открыто тебе, прости меня за этот мой поступок. Приди ко мне духом и дай мне душевный покой.

Когда я пишу это так, словно это письмо, которое вы могли бы прочесть, я немного успокаиваюсь; я всецело полагаюсь на надежду, которую изо всех сил пытаюсь превратить в веру, что вы можете прочесть это и узнать мои мысли.

Ибо когда я думаю, что, сложись все иначе, ты могла бы сейчас склонившись над моим креслом, запустить свои прохладные пальцы в мои жесткие волосы; когда я думаю об этом, моя дорогая, ко мне приходит полное осознание пропасти, которая должна разделить нас на какой-то неопределенный период, и строки этой страницы расплываются перед моими глазами.

Зои, моя Зои, на этой войне произошли странные вещи; жены заявляют, что видели своих мужей, матери почувствовали присутствие своих сыновей; если позволят силы, приди ко мне еще раз, я умоляю тебя, и дай мне сил прожить свою жизнь в одиночестве.

Сегодня допрошен в следственном суде. Дураки! неужели они не понимают, что мне все равно, даже если они меня застрелят?

В Этой Неразберихе люди избегают меня. Какое мне дело? Ни одна из них не достойна стоять на той же земле, где покоится ее любимое тело. Они похоронили ее на территории замка. В соответствии с ее пожеланиями я заказал цветы. Возможно, однажды, когда все это закончится, я смогу жить здесь и ухаживать за местом, где она спит, освободившись наконец от всех ее забот.

В Следственном суде они пытались подвергнуть меня перекрестному допросу о нашей совместной жизни. Болваны! что они хотят доказать? Что я любил тебя? Я почти не слушал. Когда они закончили давать показания, Президент спросил меня, хочу ли я что-нибудь сказать! Есть что сказать! Мне захотелось сказать им, что они были винтиками в самой чудовищной машине по производству горя и разрушения, которую когда-либо изобретало человечество. Я мог бы потрясти кулаком перед их серьезными лицами и крикнуть: "Твари! ты убил ее! Ты уничтожил эту самую замечательную женщину, которая опустилась до любви ко мне".

На самом деле последовало долгое молчание, а затем вице-президент, капитан Фрулингсон, сказал: "Говорите; мы желаем вам всего наилучшего".

Это было первое прикосновение сочувствия, единственный знак человечности, который я получил за все эти ужасные дни, и это тронуло мое упрямое сердце, и наконец-то потекли долгожданные слезы.

Я пробормотал: "Джентльмены, я не предатель, но я любил ее, как собственную душу".

"Распустить Суд. Увести заключенного". Подобно стуку железных ворот, официоз снова вступил в свои права.

Так что меня не расстреляют! Даже не посадят! "Не влюбляйся больше во вражеских агентов!" - таков был их вердикт.

На! На! На! Все это ужасно смешно. Настоящая причина в том, что я им нужен. Я опытный забойщик скота на море; я неотъемлемая часть великой машины. И у них нет запасных частей! Вчера я был в столовой, когда прибыли английские газеты, которые мы получаем из Амстердама. О! приятный сюрприз ожидал первого человека, который открыл "*Таймс*". Эти англичане опубликовали имена 150 командиров подводных лодок, которых они поймали. Вот они все. Христианские имена, и все полные. Не хватало только пустого места, в которое можно было бы вписать наши имена, когда придет время.

Вчера вечером ужин прошел в молчании, а на следующее утро какая-то бельгийская крыса вывесила список на столбе у ворот Столовой. Машина предложила пятьсот марок за его поимку - как глупо; как будто, застрелив его, они вычеркнут какие-то имена из длинного списка.

Я отплываю завтра на рассвете. Мне не будет жаль ненадолго покинуть это место с его смешанными воспоминаниями о радости и смерти.

Снова возвращаюсь, а я уже три недели не написал ни слова.

Мой последний рейс на постой был у Финистерре. Я видел два конвоя, но там были эсминцы; они такие черные и быстрые, что я не подхожу к ним близко.

Я не хочу погибнуть в подводной лодке. Это того не стоит. Легко избегать этих конвоев. Я ныряю и устраиваю большую суматоху в атаке, затем меняю направление. Никто, кроме меня, не знает, где находится враг; я единственный, кто смотрит в перископ - я хорошо забочусь об этом. А потом, как я проклинаю и ругаюсь, когда объявляю, что конвой изменил курс, и нет никаких шансов зайти в атаку. Никто из них не разочарован так, как я!

Мины действуют мне на нервы, от них невозможно увернуться, и, господи! как они разрастаются на побережье Фландрии.

Я должен выйти через шесть дней. Это очень короткий отдых. Я верю, что они хотят убить меня. Но я не умру! Не я.

Вчера я впервые был на ее могиле. Я думал, что должен заплакать, но не стал; на самом деле это совершенно не тронуло меня. Я чувствую, что на самом деле она не умерла; иногда она приходит ко мне, всегда ночью, когда я один и когда мы в море. Там нет ничего осязаемого, но я улавливаю эхо ее голоса в шуме моря вдоль корпуса или в звуке ветерка, играющего в антенне. И поэтому я не умру, пока она не позовет меня, ибо до настоящего времени ее послания говорили мне жить и терпеть.

Прошлой ночью произошел очень неловкий инцидент. Мы были недалеко от Naze и увидели пароход на некотором расстоянии.

Мы нырнули в атаку. Когда мы были примерно в миле от нее, я взглянул на нее, и что-то в ней меня оттолкнуло. Я наполовину подумал, что это корабль-приманка, и про себя решил, что не буду нападать. Я придерживался курса, который хорошо приближал меня к ее кварталу, и как только я увидел, что занять позицию для стрельбы невозможно, я увеличил обороты двигателей и встряхнул всю лодку в усилиях, которые якобы были направлены на то, чтобы привести ее в боевое положение. Наконец я сбросил скорость и с горечью воскликнул, что удача отвернулась от меня.

Старший лейтенант предложил нам открыть по ней огонь, но я указал, что у меня есть веские основания подозревать в ней волка в овечьей шкуре, и поскольку он ее не видел, вряд ли он может подвергать сомнению мое суждение. Я шел вперед, когда случайно услышал разговор штурмана и Инженера в кают-компании. Я прислушался.

Инженер сказал: "Похоже, капитану уже не так везет, как раньше".

"Или же он потерял снаровку!" - ответил Эберт. "В прошлый рейс мы вообще ни разу не выпустили торпеду, и, похоже, на этот раз мы следуем этому прецеденту".

Я услышал достаточно, и так, чтобы они не заметили моего присутствия, я вернулся в рубку управления. Я обдумал ситуацию и пришел к выводу, что они ничего не подозревают, но было очевидно, что в их головах вертелись мысли, которые могли быть опасными. Я посмотрел на часы и увидел, что до рассвета осталось еще два часа, а потом решил подшутить над ними всеми. Я сменил старшего лейтенанта у перископа, и когда прошел приличный промежуток времени, примерно в полчаса, я увидел корабль. Я атаковал это судно из моего воображения, на самом деле настоящий "Летучий голландец", и примерно через двадцать минут частых изменений скорости и курса я наэлектризовал лодку, приведя в готовность носовые трубы.

Обычная задержка была обставлена самым артистичным образом, а затем я выстрелил. С тайным удовольствием я наблюдал за двумя дорогими боевыми орудиями, мчащимися вперед, но обреченными бесславно утонуть в океане, вместо того чтобы похоронить себя в жизненно важных органах корабля. Клятва от меня и приказ отвести лодку на двадцать метров.

С мрачным выражением лица я коротко заметил: "Торпеда левого борта всплыла на поверхность, а затем нырнула под нее, торпеда правого борта прошла мимо кормы".

До сих пор все шло хорошо, но через десять минут я чуть не допустил фатальную ошибку. Мы ныряли уже несколько часов, атмосфера была плохая, и когда наступили сумерки, я решил вынырнуть, проветрить и зарядить аккумуляторы. Я отдал необходимые распоряжения и

направился в боевую рубку, чтобы открыть внешний люк. Рулевой только что объявил, что лодка находится на поверхности, когда ужасная мысль парализовала меня, и я беспомощно вцепился в трап, пытаясь обдумать ситуацию.

Мне только что пришло в голову, что, как только офицеры и команда выйдут на палубу, они, естественно, будут искать пароход, по которому мы недавно стреляли; этот корабль через истекший промежуток времени все еще будет в поле зрения.

Когда я спустился, старший лейтенант стоял у перископа, оглядывая горизонт. Я быстро отодвинул юношу от окуляра и как можно спокойнее сказал: "Мне показалось, я слышал шум пропеллеров".

Полчаса спустя мы всплыли на поверхность для ночлега. С тех пор я все гадаю, подозревают ли они, потому что они втроем разговаривали в кают-компании после ужина и внезапно замолчали, когда я вошел.

Я должен быть осторожен в будущем.

Сегодня утром за мной послали из офиса коммодора и вручили мое назначение старшим лейтенантом в казармы Вильгельмсхафен.

Никаких объяснений, хотя я подозревал, что что-то в этом роде грядет, поскольку через три дня после того, как мы вернулись из моего последнего рейса, меня осмотрела медицинская комиссия при флотилии.

Итак, я должен покинуть службу на подводных лодках и оставить ее в тени! Это печальный переход от капитана подводной лодки к лейтенанту в казармах, работа, предназначенная для непригодных по медицинским показаниям к морской службе.

Мне жаль? Нет, я думаю, я рад. Жизнь здесь, в Брюгге, - это один долгий болезненный эпизод. В столовой со мной никто не разговаривает. Я остаюсь наедине со своими воспоминаниями. Позавчера вечером я нашел в своей комнате револьвер, а к нему был прикреплен листок бумаги со словами: "От друга".

Возможно, в Вильгельмсхафене все будет по-другому, и все же, когда в полдень я спустился к лодке, собрал свои личные вещи и в последний раз перешагнул через ее борт, я не смог подавить чувство великой печали. Мы многое пережили вместе, моя лодка и я, и расставание было тяжелым.

В казармах.

Как я и подозревал, когда меня назначали сюда, моя работа в какой-то степени смертельно опасна, и моя главная обязанность - подписывать отпускные.

Наши великие усилия во Франции провалились, и теперь союзники реагируют яростно. Великая военная машина напряжена до предела; выдержит ли она эту нагрузку?

Наш надлежащий ход - парализовать наступление союзников, нанеся удар всей нашей военно-морской мощью по его коммуникациям через ла-манш. Война с подводными лодками идет слишком медленно, и время не на нашей стороне, в то время как удар молота по Каналу может совершить великие дела. Но у нас нет военно-морского воображения, и кто я такой, чтобы высказывать свое мнение?

Дискредитированный лейтенант в казармах - вот и все.

Все хуже и хуже - ходят слухи о неприятностях на Флоте, происходящих при определенных условиях.

Это начало конца!

Прошлой ночью флоту Открытого моря было приказано произвести взвешивание сегодня в 8 часов утра.

В *Кениге* вспыхнул мятеж и быстро распространился.

К 9 часам утра полдюжины кораблей подняли красный флаг, и сегодня Вильгельмсхафеном управляет Совет солдат и матросов.

Беспорядков было немного; люди единодушно заявляли, что не выйдут в море ради последней бесполезной резни, последнего приношения на залитые кровью алтари войны.

Можно ли их винить? Какая польза от такой жертвы?

Однако для офицера все это очень печально и обескураживающе.

Я видел достаточно, чтобы меня затошнило от всей немецкой системы ведения войны, и все же, если бы прозвучал призыв, я знаю, что с радостью пошел бы и умер, когда *есть право на честь*.

Такие инстинкты глубоко заложены в мужчинах из таких семей, как моя.

Мы приближаемся к кульминации событий. Сегодня Германия призвала к перемирию. Это было неизбежно с тех пор, как наши союзники начали отпадать от нас, как гнилые отпечатки.

Условия, несомненно, будут жесткими.

Небеса небесные! но условия сокрушительны!

Все подводные лодки должны быть сданы, флот Открытого моря интернирован; почему бы прямо не сказать "сдались", до этого дойдет, если мы не взорвем их в немецких портах.

Наступил конец Кайзерства; мы фактически республика; все это похоже на сон.

Мы подписали контракт, и прозвучал последний выстрел мировой войны.

Здесь повсюду царит неразбериха; более здравомыслящие элементы пытаются поддерживать порядок, хулиганы разгуливают по верфи и кораблям, беспрепятственно мародерствуя.

"Лучше мы их украдем, чем англичане" и "Здесь нет правительства, поэтому все бесплатно" - вот два их крика.

На улицах была небольшая стрельба, и офицерам небезопасно передвигаться в форме, хотя в целом я не испытывал особых трудностей.

Сегодня меня вызвали в Местный совет, которым руководит человек, бывший старшиной связи в *Кениге*. Он узнал меня и отвернулся.

Мне было приказано доставить U.122 в Харвич для сдачи англичанам.

Я не создавал никаких трудностей; кто-то должен это сделать, и я искренне верю, что мне безразличны все эмоции.

Мы отплываем в составе конвоя послезавтра, то есть, если команда снизойдет до того, чтобы вовремя заправить лодку. Сегодня на верфи были казнены трое мародеров, и это оказало стабилизирующее воздействие на худшие элементы.

Сегодня я поднялся на борт 122-го, и, предъявив свои полномочия, подписанные Советом (который теперь стал Советом солдат, матросов и рабочих), команда судна провела собрание, на которое меня не пригласили присутствовать.

По завершении ко мне подошел рулевой и сообщил, что семнадцатью голосами против десяти было принято решение о том, что мне следует подчиняться как капитану лодки.

Я попросил его передать экипажу мое удовлетворение и выразил надежду, что я доставлю удовлетворение.

Боюсь, они совершенно не уловили сарказма.

Мы находимся в шестидесяти милях от Харвича, и я ожидаю увидеть английские крейсера в любой момент.

Несколько дней назад я писал, что не способен ни на какие эмоции.

Я был неправ, как это часто бывало за последние два года.

На самом деле, я пришел к выводу, что я не психолог - я не верю, что мы, немцы, хоть сколько-нибудь сильны в психологии, и это основная причина нашей неудачи.

Я действительно испытываю эмоции - это ужасно; стыд, унижение невыносимы.

Интересно, как поведут себя англичане? Какой это будет день их триумфа.

Только что спустился сигнальщик и доложил, что прямо по курсу британские крейсера; скоро все закончится. Я должен подняться на палубу и выполнять свои обязанности избранного капитана U.122 и представителя Германии, потерпевшей поражение. Требуется последнее усилие, и тогда...

ПРИМЕЧАНИЕ

Это последнее предложение в дневнике. Вероятно, ему внезапно пришлось поспешить на палубу, и в последующей суматохе он забыл достать свой дневник из шкафчика, в который он его сунул.

ETIENNE.

КОНЕЦ